
РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ПРУСС Н.М. – ректор Университета управления «ТИСБИ», доктор педагогических наук, профессор, академик Международной Академии Управления, Действительный член Академии информатизации РТ, Заслуженный работник высшей школы РФ, заведующая Международной кафедрой ЮНЕСКО, Национальный координатор проекта «Ассоциированные школы ЮНЕСКО» в Российской Федерации. Награждена Орденом Дружбы, имеет звания «Женщина-лидер, общественный деятель-2012», «Ректор года-2010, – 2011, – 2012», обладает Большой золотой медалью Яна Амоса Каменского.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ЕЛЬШИН Л.А. – д-р экон. наук, профессор кафедры экономики Университета управления «ТИСБИ».

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

АРСЛАНОВА С.К. – канд. социол. наук, доцент Набережночелнинского филиала Университета управления «ТИСБИ» (г. Наб. Челны).

АЮПОВ А.А. – д-р экон. наук, профессор Университета управления «ТИСБИ» (г. Казань).

БЕССОНОВА Л.А. – д-р филос. наук, профессор Университета управления «ТИСБИ» (г. Казань).

БЛАГИХ И.А. – д-р экон. наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург).

БОБИЕНКО О.М. – канд. пед. наук, доцент, проректор по качеству Университета управления «ТИСБИ» (г. Казань).

БУДОВИЧ Ю.И. – д-р экон. наук, профессор Университета финансов при Правительстве Российской Федерации (г. Москва).

ВАГИЗОВА В.И. – д-р экон. наук, профессор, зам. директора по учебной работе школы МВА КФУ (г. Казань).

ВДОВИН В.Н. – канд. экон. наук, исполнительный директор Казанской сувенирной компании (г. Казань).

ВЕДИН Н.В. – д-р экон. наук, профессор КНИТУ-КАИ им. А.Н. Туполева (г. Казань).

ГРОМОВ И.А. – глава администрации Петроградского района Санкт-Петербурга (г. Санкт-Петербург).

ГРЯЗНОВ А.Н. – д-р социол. наук, профессор, проректор по научной работе Университета управления «ТИСБИ» (г. Казань).

ИКСАНОВА Э.И. – и.о. проректора по связям с общественностью Университета управления «ТИСБИ» (г. Казань).

ЗАРИПОВА Д.А. – д-р экон. наук, профессор Альметьевского государственного нефтяного института (г. Альметьевск).

КИРШИН И.А. – д-р экон. наук, профессор Высшей школы бизнеса КФУ (г. Казань).

КОРОБОВ Ю.И. – д-р экон. наук, профессор Саратовского социально-экономического университета (г. Саратов).

МЕЗЯЕВ А.Б. – д-р юрид. наук, профессор Университета управления «ТИСБИ» (г. Казань).

ХАМИДУЛЛИН Ф.Ф. – д-р экон. наук, профессор Университета управления «ТИСБИ» (г. Казань).

ЦАРЕГОРОДЦЕВ Е.И. – д-р экон. наук, профессор Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола).

ЩЕЛКУНОВ М.Д. – д-р филос. наук, профессор, Заслуженный деятель науки РТ, Лауреат премии Правительства РФ в области образования 2012 г., директор Института социально-философских наук и массовых коммуникаций (г. Казань).

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

ОРДЖОНИКИДЗЕ Г.Э. – Ответственный секретарь Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО, зам. директора Департамента международных организаций МИД России (Россия, г. Москва).

ИВАСИВ И.Б. – д-р экон. наук, профессор Киевского национального экономического университета (Украина, г. Киев).

КОВАЛЬЧУК К.Ф. – д-р экон. наук, профессор, декан факультета экономики и менеджмента Национальной металлургической академии Украины (Украина, г. Киев).

МИШАТКИНА Т.В. – канд. филос. наук, доцент, профессор кафедры философии, социологии и экономики Международного государственного экологического университета им. А.Д. Сахарова, региональный эксперт ЮНЕСКО в области этики и биоэтики от Республики Беларусь (Республика Беларусь, г. Минск).

МОРОЗОВ А.В. – д-р пед. наук, профессор Евразийского открытого института (Россия, г. Москва).

УТЦ ДОНБЕРГЕР – профессор, Phd, Университет Лейпцига, директор Международной программы MBA (Германия, г. Лейпциг).

ФИЦ М. – д-р экон. наук, профессор факультета информатики и управления Политехнического университета (Польша, г. Вроцлав).

ЦАУРКУБУЛЕ Ж.Л. – д-р социол. наук, профессор Балтийского института психологии и менеджмента (Латвия, г. Рига).

УЧРЕДИТЕЛЬ:

УВО «Университет управления «ТИСБИ».

Статьи рецензируются и проверяются на плагиат.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

СОДЕРЖАНИЕ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА.....	1
---------------------------------	---

ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ

Посталюк М.П. Традиции и инновации в поведенческой экономике	5
Ельшин Л.А. Построение среднесрочного прогноза развития экономики Республики Татарстан в пандемийный и постпандемийный периоды	27
Ахмадуллин Р.Н., Тумашев А.Р. Цифровая трансформация в металлургической отрасли Российской Федерации	38
Дырин С.П. Характер принятия решений и ориентации на дело/отношения как важнейшие составляющие стиля руководства	46
Данилина И.Н., Васильченко А.А. Сравнительный анализ исполнения бюджетов по доходам Царской России и Российской Федерации.....	52
Сюркова С.М., Салахова Д.Р. Особенность классификации оборотных средств в розничной торговле и их значение	59
Труш В.Р., Свирина А.А. Современное состояние и направления развития банковских инноваций в России	66

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Ийи Джон-Марк, Мезяев А.Б. Правовые проблемы передачи в Международный уголовный суд ситуаций в государствах, не участвующих в Римском статуте МУС	71
Тагаева С.Н. Правовое положение иностранных граждан-собственников в Российской Федерации	81
Солдатова А.В., Гатауллин А.И. Актуальные вопросы реализации миграционной политики государства на примере Республики Татарстан	88
Илиджев А.А. Актуальные вопросы формирования профессиональных стандартов в области юриспруденции в условиях компетентностно-ориентированного образования	94
Иванов В.В. Самозащита в международном уголовном процессе ..	102

ЮНЕСКО: ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА, КУЛЬТУРА

Бессонова Л.А. Многообразие форм познавательной деятельности (в помощь аспирантам)	110
Бобиенко О.М. Универсальные компетенции профессионала: новый взгляд на проблему	114
Федорова О.В., Гайнулова Л.А. Расчет экономической эффективности внедрения информационной системы по проверке домашнего задания	124
Козин А.Н., Таренко Л.Б. Проектирование, разработка и применение обучающих тренажерных программ при подготовке ИТ-специалистов..	131
Садыкова Г.З. Использование ZOOM платформы при обучении иностранному языку в вузе: преимущества и недостатки	141
Чукмарова Л.Ф. Проблемы социализации детей дошкольного возраста в условиях цифровизации общества	146
СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА И АННОТАЦИИ МАТЕРИАЛОВ И СТАТЕЙ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	
154	
УСЛОВИЯ ПОДАЧИ МАТЕРИАЛОВ В ЖУРНАЛ	
162	

Издается с января 2000 г. Выходит 1 раз в квартал.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 02 декабря 2013 г. ПИ № ФС77-56358

Адрес редакции и издателя: 420012, Казань, ул. Муштары, 13

Университет управления «ТИСБИ»

Тел./факс: (843) 294-83-33

<http://www.tisbi.org/science/vestnik/index.html>

E-mail: esabirzyanova@tisbi.ru

УДК 330.341.2

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

TRADITIONS AND INNOVATIONS IN THE BEHAVIORAL ECONOMY

ПОСТАЛЮК М.П., д-р экон. наук, профессор, ведущий научный сотрудник
Университета управления «ТИСБИ»

Тел.: +7(987)296-42-19

POSTALYUK M., Doctor of Economics Sci., Professor, Leading Researcher at the
«TISBI» University of Management

Phone: +7(987) 296-42-19

Аннотация

В статье рассматриваются постановочные вопросы традиций и инноваций в поведенческой экономике; раскрывается природа традиционного и инновационного развития в поведенческой экономике; предпринята попытка осуществить «сквозной» и комплексный (через призму особой роли инноваций в поведенческой экономике) анализ содержания, форм, места и функций инноваций, их взаимодействия, ориентированного на эффективность.

Ключевые слова: поведенческая экономика, особенности традиций, инноваций в поведенческой экономике, «сквозной» и комплексный (через призму особой роли инноваций в поведенческой экономике) анализ содержания, форм, места и функций инноваций, их взаимодействия, ориентированного на эффективность.

Abstract

The article deals with the posed issues of traditions and innovations in behavioral economics, as well as the nature of traditional and innovative development in this economics. An attempt was made to carry out a «cross-cutting» and complex (through the prism of the special role of innovations in behavioral economics) analysis of the content, forms, place and functions of innovations and their interaction, focused on efficiency.

Key words: behavioral economics, features of traditions, innovations in behavioral economics, «E2E» and integrated (through the prism of the special role of innovations in behavioral economics) analysis of the content, forms, place and functions of innovations, their interaction, focused on efficiency.

Цель. В этой связи экономическая ситуация требует, **во-первых**, уточнения и переосмысления инновационных и традиционных эконо-

мических процессов; **во-вторых**, сравнительного анализа их развития и взаимодействия на различных этапах, уровнях и в различных сферах экономических систем с помощью раскрытия таких экономических явлений, как креативная деятельность, инновационная идея, новшество, инновация, инновационная деятельность, интеллектуальная деятельность, интеллектуальная активность, инновационная экономика, инновационный цикл, динамическая трансформация и диверсификация, системные инновационные эффекты, инновационно-инвестиционный механизм; **в-третьих**, это даст возможность выявить их «генетический код» и «генетический ресурс», полнее раскрыть специфику их взаимосвязи, динамической трансформации и диверсификации в различных экономических системах, их уровнях и подсистемах; обозначить функциональные роли, экономические интересы и цели субъектов инновационных, традиционных и инвестиционных отношений бизнеса, власти и социума; выявить и сгруппировать противоречия как источник их инновационной активности, воздействующий на становление и развитие инновационной экономической системы, сформировать эффективный механизм ее обеспечения.

Методология и результаты исследования. Выдвижение инновационной деятельности на роль ведущего фактора и элемента развития экономической системы, ее инновационной восприимчивости в конституирующий признак современности и прогрессивности экономической системы, с одной стороны, раздвигает рамки и увеличивает масштабы данной системы, объединяя в ней традиционно-инновационные силы власти, бизнеса и социума как системные полезности и системные эффекты. С другой стороны, эта же тенденция, обремененная процессами развития многообразия отношений собственности и предпринимательства, особенно их частных форм, конкуренции, сопровождается развитием противоположного аспекта в инновационной деятельности, ее «суверенизацией» и ведет к «смешению» тенденций и социально-экономических форм развития. Происходят становление и развитие смешанной экономики, где ведущую роль в экономическом выборе традиций, инноваций и механизмов их обеспечения начинают играть не противостояния субъектов экономических процессов, а их сотрудничество, партнерство, порождающее системные синергетические эффекты, которые являются результатом действия динамической трансформации и диверсификации традиционных и инновационных подсистем в поведенческой экономике.

В этой ситуации повышается значение исследования новых экономических комбинаций факторов производства, увеличивается их потенциал гибкости, пластичности, коммуникативности и синергетичности, возрастает в этих процессах роль движения невещественных форм богатства, интеллектуальной инновационной доминанты экономическо-

го роста, места и роли в нем человеческого фактора, раскрытия и эффективного использования его творческого потенциала, интеллектуальной активности, создания для этого необходимых условий и адекватного механизма обеспечения альтернативных экономических отношений.

Предпринята попытка осуществить «сквозной» и комплексный (через призму особой роли инноваций в поведенческой экономике) анализ содержания, форм, места и функций инноваций, их взаимодействия, ориентированного на эффективность. Это позволит не только актуализировать динамическую трансформацию и диверсификацию традиций в поведенческой экономике, но и дополнить преимущественно узкоотраслевой анализ инновации данных процессов на различных уровнях, в разных сферах, моделях и формах их реализации и обеспечения в поведенческой экономике.

1. Природа традиционного и инновационного в поведенческой экономике

Содержание категорий «экономическая система» и «поведенческая система» трактуется неоднозначно. Отчасти это обусловлено разнообразием толкования понятия «система» вообще и узкого «поведенческого» понятия.

Генетически термин «система» (от греч. *systeme*) означает целое, составленное из частей, соединение. Из всего комплекса системных исследований наиболее распространены научные работы, в которых вводится в научный оборот само понятие «система». В этих работах система определяется как:

– объединение некоторого разнообразия в единое и четко расчлененное целое, элементы которого по отношению к целому и другим частям занимают соответствующее им место [1]; – совокупность элементов, находящихся во взаимодействии [2, с. 39];

– совокупность элементов вместе с их взаимодействиями;

– единство, состоящее из взаимодействующих частей [3, с. 7];

– целостное образование, обладающее новыми качественными характеристиками, не содержащимися в образующих его компонентах [4, с. 18];

– совокупность выделенных реальных или воображаемых объектов, обладающая следующими свойствами: а) неделимость ее элементов; б) определенность связей между элементами; в) однозначное соответствие между функционирующими элементами; г) взаимодействие системы с внешней средой как целого;

– множество объектов (вещей) m относительно заданного отношения R и свойства P , если в этих вещах существует свойство P , находящееся в отношении R [4, с. 17].

Как показывает анализ следующих трех определений, одного взаимодействия недостаточно – необходимо, чтобы совокупность элементов обладала новыми качественными характеристиками и свойствами. При рассмотрении седьмого определения встает вопрос: можно ли определить что-либо через понятие «множества», не имеющего характеристики и вводимого для каждого конкретного случая?

Встречаются серьезные трудности, и, по-видимому, такая задача вряд ли может быть разрешена однозначно. Поэтому имеет смысл выделить два типа определений исследуемого понятия. Различают своей целевой и идейной направленностью ориентированных, во-первых, на онтологическую универсальность и, во-вторых, на гносеологическую универсальность.

Первый тип определений основное внимание обращает на выделение тех признаков объектов, которые могут рассматриваться в качестве атрибутивных, идентифицирующих систему. Такие определения не являются строгими и не поддаются формализации. Они носят общий характер и служат средством пропедевтического описания, инструментом введения в системную проблематику.

Определения, ориентированные на гносеологическую универсальность, являются, как правило, более строгими и позволяют осуществлять формальное оперирование рассматриваемыми объектами.

Выбор типа определения «поведенческая система» обусловлен задачами экономического исследования. Для прикладного системного экономического анализа предпочтительным является первый тип определения, который обеспечивает более содержательный подход к идентификации экономической системы – через взаимосвязанную последовательность признаков, когда рассмотрение каждого нового признака все более ограничивает класс объектов, подпадающих под определение, но, вместе с тем, все более развернуто и содержательно их характеризует. Второй тип определения обычно используется в теоретических исследованиях поведенческой экономики.

Это определение поведенческой экономики не всегда можно использовать для анализа реальных объектов. В частности, наличие двух и более типов поведенческих связей для того, чтобы отнести какой-либо объект к категории поведенческой экономики, необходимо далеко не всегда; наличие цели и целесообразного поведения нехарактерно для многих типов предпринимательских систем, обладающих системным качеством целостности в поведенческой экономике. Самоорганизованность является атрибутом отнюдь не всех объектов и процессов, которые наука относит к категории поведенческой экономики. Самоорганизующимися могут быть и организованные системы; структура и организация являются понятиями, близкими по смыслу, но не идентич-

ными, а помимо процессов развития, в поведенческой экономике могут происходить и процессы деградации.

Система рассматривается в динамике пространства и времени. Она обнаруживает свойство, уровень, характер и вектор (направление) своего развития в аспекте взаимодействия традиций и инноваций как констатирующих признаков ее динамической трансформации и диверсификации в поведенческой экономике.

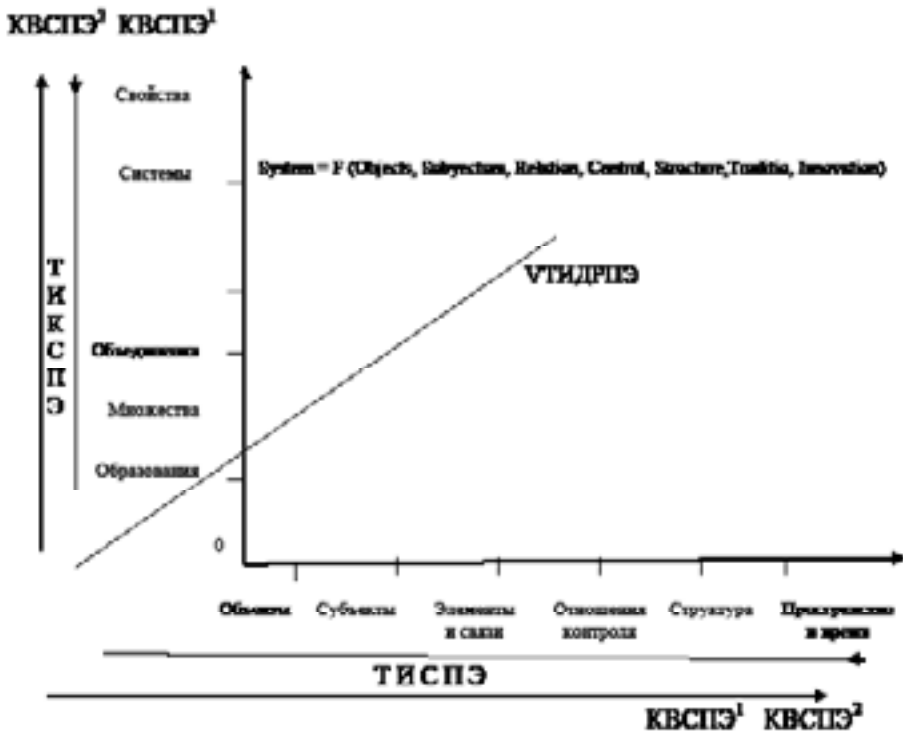

Рис. 1. Схема идентификации системы в поведенческой экономике с вектором динамической трансформации и диверсификации ее традиций и инноваций

По традиционно-инновационным каналам связи поведенческой экономики (ТИКСПЭ), каналам внешней среды поведенческой экономики (КВСПЭ¹) и каналам внутренней среды поведенческой экономики (КВСПЭ²) в определенном пространстве и времени происходит накопление качественных и количественных динамических свойств поведенческой экономики, которые определяют вектор (VTИДРПЭ) ее динамического традиционно-инновационного развития. Данную модельную идентификацию системы, изображенную на рис. 1, можно формализовать следующим образом:

System ПЭ = ФПЭ (Objects, Subyectum, Relation, Control, Structure, Tradicio, Innovation), поведенческая экономика,

где System ПЭ – система поведенческой экономики; ФПЭ – функция поведенческой экономики; Objects ПЭ – объекты поведенческой экономики; Subyectum ПЭ – субъект поведенческой экономики; Relation ПЭ – контроль поведенческих элементов; Control ПЭ – контроль поведенческой экономики; Structure ПЭ – структура поведенческой экономики; Traditio ПЭ – традиция поведенческой экономики; Innovation ПЭ – инновация поведенческой экономики; КВСПЭ¹ – каналы внешней среды поведенческой экономики; КВСПЭ² – каналы внутренней среды поведенческой экономики; ТИКСПЭ – традиционно-инновационные каналы связи поведенческой экономики; УТИРПЭ – вектор традиционно-инновационного развития поведенческой экономики.

На основе этой поведенческой формализации можно определить уровни традиционности и инновационности системы, характер и вектор ее развития в поведенческой экономике.

Модельный способ исследования поведенческой экономики и ее свойств в большей степени тяготеет к определениям, ориентированным на формализованное описание ее элементов и взаимосвязей.

Наиболее оправданным подходом, отвечающим требованиям, предъявляемым дескриптивным определением к понятию «поведенческая система», является выведение его через понятия «совокупности, взаимосвязи, целого, традиции, инновации в поведенческой экономике». Обобщая существующие определения понятия «поведенческая система», сформулируем собственное дескриптивное определение. **Поведенческая экономика** – это структурированная совокупность традиционных и инновационных объектов, субъектов, процессов и их форм, называемых элементами (компонентами) системы, образующая единое традиционно-инновационное целое. Взаимодействие этих элементов поведенческой экономики вызывает появление новых интегративных качеств, не свойственных отдельно взятым образующим поведенческую экономику [1]. Данные интегративные качества порождают синергетические эффекты в поведенческой экономике.

Разнообразие системных объектов и связей между ними предоставляет широкие возможности для построения различных классификационных схем, выбор которых обусловлен предметной областью, целями и задачами в поведенческой экономике. В этих схемах могут быть использованы разные признаки классификации в поведенческой экономике. В зависимости от них определяют различные системы (табл. 1). Среди динамических (развивающихся) признаков поведенческой экономики различают саморазвивающиеся и не обладающие свойством саморазвития. Большинство искусственных

систем создаются для достижения конкретных целей и объективно являются целенаправленными.

Таблица 1

Классификация поведенческой экономики

Признаки классификации	Виды поведенческой экономики	
1. Происхождение	материально-вещественные	Идеальные
2. Участие человека в их образовании	естественные реальные (природные)	искусственные виртуальные
3. Масштабность и число входящих элементов	большие	Малые
4. Характер взаимосвязи элементов	простые (линейные)	сложные (нелинейные)
5. Подчиненность и субординация	управляющие (контролирующие)	управляемые (контролируемые)
6. Число уровней управления	одноуровневые	иерархические
7. Изменчивость	динамические (развивающиеся)	статические
8. Характер изменчивости	детерминированные	неопределенные
9. Тип взаимодействия с внешней средой	открытые	Закрытые
10. По способу регулирования	регулируемые	саморегулируемые
11. Наличие или отсутствие цели	целенаправленные	нецеленаправленные
12. Число целей	одноцелевые	многоцелевые
13. По типу развития	экстенсивные	интенсивные
	традиционные	инновационные
	традиционные	поведенческие

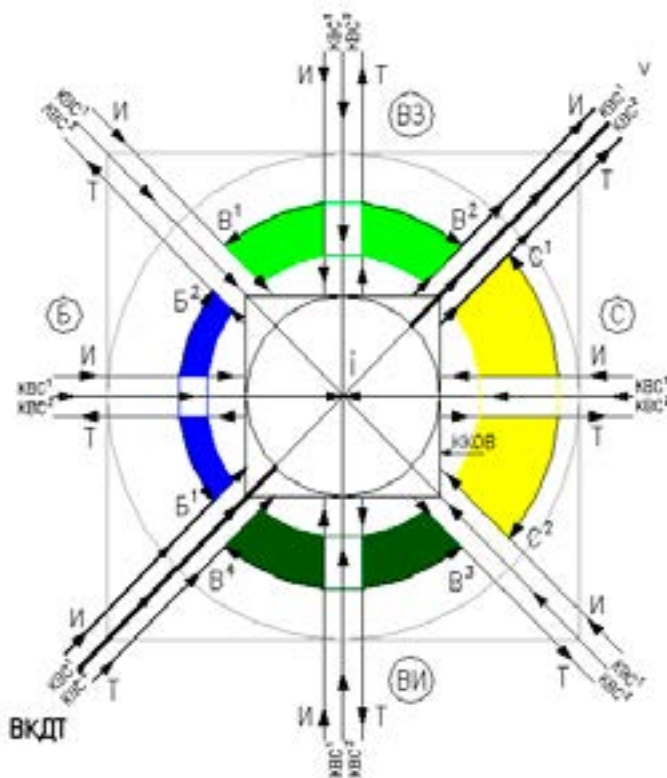
Определенные особенности в поведенческой экономике имеют и другие виды систем. Однако сложные нас привлекают больше потому, что к таковым относятся социальные, в том числе экономические, поведенческие системы, обладающие системой альтернативных рисков.

Первый вариант сферной декомпозиции поведенческой экономики связан с ее характеристикой как открытой (инновационной) и закрытой (традиционной) подсистемы.

Поведенческая экономика как открытая система обменивается веществом и энергией с внешней средой, не препятствует обмену мировым опытом, утверждению общих тенденций развития

производства. Допускает обновление своих элементов – подсистем бизнеса, власти и социума и смену их моделей в процессе динамической трансформации и диверсификации традиций и инноваций поведенческой экономики. Иначе говоря, в поведенческой экономике всегда существуют, функционируют и развиваются инновации, регулятором которых выступает инновационная деятельность. Но, с другой стороны, как срез культурного слоя конкретной цивилизации поведенческая экономика ориентирована, прежде всего, на воспроизводство данного типа цивилизации. **С этих позиций она предстает замкнутой системой.** Возможности использования модели, выработанной в одной поведенческой экономике, в других системах ограничены, чтобы воспрепятствовать разрушению этнических связей и целостности цивилизации. Роль естественного ограничителя выполняют нравственные устои, господствующие ценности и традиции, поддерживающие стабильность данного общества и оберегающие его от утраты самобытности и способности к самовоспроизводству (самодостаточности). Регулятором данной сферы поведенческой экономики выступает стабилизирующая традиция.

На рис. 2 изображен вариант декомпозиции поведенческой экономики, в котором выделяются и анализируются следующие три взаимодействующие внутренние подсистемы: бизнес (Б), власть – законодательная и исполнительная (ВЗ, ВИ) и социум (С) и сферные подсистемы с тремя взаимосвязанными традиционными, инновационными и инвестиционными потоками в процессе их динамической трансформации и диверсификации под воздействием эндогенных и экзогенных факторов. Традиции, инновации и инвестиции взаимодействуют как системные полезности. При этом традиции являются генетическим ресурсом подсистем бизнеса, власти и социума, их питательной средой. Она регулируется декомпозицией поведенческой экономики. Она стабилизирует традиции. С ее помощью аккумулирует центробежные силы традиций поведенческой экономики в квадрантах круга оптимальных возможностей (ККОВ) и по каналам внутренней среды (КВС²) регулирует их динамическую трансформацию и диверсификацию с инновациями. Диверсификация последних с традициями и их трансформация регулируются поведенческой экономикой обновления, которая аккумулирует центростремительные силы инноваций в квадрантах того же круга оптимальных возможностей и, соединяясь с инвестициями, обеспечивает обогащение традиций поведенческой экономики, адаптирует новые социокультуры по каналам внешней среды (КВС¹). Движение традиций, инноваций и инвестиций регулируется различными инновационными закономерностями.

Условные обозначения

Б – бизнес	ВДТ – векторный канал динамической трансформации
С – социум	С ¹ –С ² –кривая потребительских возможностей
ВЗ – власть законодательная	В ¹ –В ² –кривая производственных возможностей
ВИ – власть исполнительная	В ³ –В ² –кривая законодательных возможностей
Т – традиции	В ³ –В ⁴ –кривая исполнительных возможностей
И – инновации	ККОВ – квадрат круга оптимальных возможностей
і – инвестиции	V – вектор динамической трансформации и диверсификации традиций и инноваций
КВС ¹ – канал внешней среды	
КВС ² – канал внутренней среды	

Рис. 2. Модель действия поведенческой экономики динамической трансформации и диверсификации традиций, инноваций и инвестиций в квадрантах круга оптимальных возможностей подсистемы «Бизнес-Власть-Социум»

В качестве критерия классификации данных закономерностей можно использовать степень развития инновационных отношений, уровень которой в экономической системе не должен превышать объема ее потенциала, где инновация из «созидательного разрушения» может превратиться в фактор абсолютного разрушения поведенческой экономики экономической системы и привести ее к гибели. Причем несмотря на общность данной тенденции в поведенческой экономике, ее проявление неоднозначно по форме и характеру. Так, в доиндустриальной экономической системе эта тенденция реализуется в примитивных формах инновационных отношений и их малой степенью в системе. Здесь преобладали материальные традиции с мягким непрерывным совершенствованием. Индустриальное общество характеризуется оптимизацией и жесткостью процесса устойчивой трансформации инновационных и традиционных отношений. В данной экономической системе наблюдается преобладание в ее структуре ориентаций на инновационные вещественные формы и индустриальные технологии. Спецификой постиндустриального периода является востребованность интеллектуальных инноваций.

В общих тенденциях развития поведенческой экономики проявляются такие специфические закономерности, как: непрерывное совершенствование и диверсификация экономических систем с использованием локальных рационализаторских форм инноваций; динамическая трансформация и диверсификация экономических систем на основе инноваций прорывного характера; динамическая трансформация и диверсификация традиционных отношений и др. Все эти закономерности обеспечивают устойчивость, целостность, целенаправленность и конкурентоспособность экономической системы. Анализ различных типов и форм экономических систем показал, что динамическая трансформация и диверсификация инновационных и традиционных отношений имеет различные формы проявления и степени реализации. Но векторным движением экономических систем является циклическое и закономерное преобразование их структур с помощью инвестиционного обеспечения в оптимальные динамические инновационно-традиционные экономические подсистемы с преобладанием инноваций.

2. Типология инноваций в поведенческой экономике

Инновация – это специфическая форма жизни – и мыследеятельности человека в альтернативной поведенческой экономике. В ней отражаются прогрессивное новшество, новое введение, задействованное в динамической трансформации и диверсификации с традицией, которая составляет генетическую среду возникновения, функционирования и развития инновации. Следовательно, инновация – это есть противоречивое единство традиций и нововведения. Организационная система, порождающая инновацию, воспринимающая и применяющая ее, повы-

шает свою внутреннюю и внешнюю, текущую и стратегическую конкурентоспособность.

Осмысление и реализация инновации как системной полезности, противоречивой совокупности особым образом организованных действий и мыслей на различных этапах развития общества, в различных типах и моделях экономических систем имели различную адекватность. Это обусловлено, прежде всего, уровнем развития самой инновации как реального процесса, как специфической формы реального мира, а также степенью совершенства процесса познания данной реальности. Динамика взаимосвязи этих процессов может быть охарактеризована как продуктивное взаимодействие двух асимптот, к которым постоянно приближаются «точки» кривой нашего познания.

Любая деятельность человека представляет собой специфическую форму его отношения к окружающему миру. Она возникает, существует и развивается в процессе разделения и кооперации труда. Разделение труда как исходное отношение между людьми приводит к растущей дифференциации и специализации различных видов целесообразной деятельности человека, ее кооперации, трансформации и диверсификации. Данные процессы, в свою очередь, предопределены аналогичными процессами в системе потребностей, интересов и целей человека. В экономическую деятельность человека как хозяйствующего субъекта превращается тогда, когда он ставит своей целью либо имеет своим следствием производство, обмен, распределение и потребление материальных и нематериальных благ, признаваемых и полезными, и редкими. При этом экономическая деятельность хозяйствующих субъектов может быть как репродуктивной, направленной на получение и воспроизводство уже известных, традиционных материальных и нематериальных благ уже известными средствами и способами, так и продуктивной, или инновационной, связанной с выработкой и реализацией новых материальных и нематериальных благ и соответствующих им средств и способов или с выработкой известных материальных и нематериальных благ, но с помощью новых средств и способов. Иначе говоря, инновационной экономической деятельностью хозяйствующих субъектов становится тогда, когда она в своей форме, своем содержании и следствии имеет новизну, новшество и инновацию. Следовательно, экономическая деятельность хозяйствующих субъектов, несущая на себе «печать» новизны, является инновационной экономической деятельностью.

Инновационная экономическая деятельность хозяйствующих субъектов как особый, специфический вид экономической деятельности представляет собой совокупность продуктивных экономических отношений, в результате которых люди удовлетворяют свои экономические потребности, интересы и цели посредством воспроизводства материальных и нематериальных благ, обладающих новизной. Экономические

отношения, возникающие в процессе инновационной экономической деятельности, можно охарактеризовать как инновационные экономические отношения, которые в совокупности со своими объектами, субъектами, их потребностями, интересами и целями, а также механизмом их обеспечения образуют инновационную сферу экономической системы и выступают фактором развития последней.

В случае, когда инновационные экономические отношения становятся достаточно распространенным фактором развития экономической системы и воспринимаются ею, то она трансформируется в инновационную экономическую систему.

Для получения такого тождества научная идея, лежащая в основе нововведения, должна отвечать свойствам полезности и редкости продукта, заключенным в его конкретной практической цели и обеспеченным условиями ее реализации. Однако научная деятельность и идея непосредственно этого обеспечить, как известно, не могут. Поэтому мы называем их креативной¹ формой инновационной деятельности.

Возможность и реалистичность материализации креативной идеи (научного открытия, изобретения, рацпредложения и пр.) в новую системную полезность с системным эффектом составляет содержание категории «инновационная идея».

Возникнув как инновационная идея, инновационная экономическая деятельность устремляется к своему результату – экономическому новшеству. Однако не всякая инновационная идея воплощается в экономическое новшество, а только та, которая находит свое применение в хозяйственной практике, т.е. соединяется с инвестицией и с экономической традицией. Следовательно, экономическое новшество – это есть примененный или реализованный на практике результат инновационной экономической деятельности.

Последовательное развитие взглядов на экономические инновации позволило значительно расширить понимание их природы, выявить их различные типы и закономерности развития. Глубина и масштабы проникновения инновационной деятельности в экономические процессы, а также накопленный теоретический материал в этой области исследований вызвали объективную необходимость систематизации экономических инноваций в органической взаимосвязи с основой их развития – интеллектуальным капиталом.

Накопленный практический и теоретический материал о функционировании и развитии интеллектуальной и инновационной сфер в экономической структуре общества вызвал объективную необходимость согласованной систематизации экономических инноваций и интеллектуального капитала. Всякая инновация на стадии ее «генети-

¹ Креативность (от лат. creatio – созидание, сотворение) – созидательность; творческая, новаторская деятельность. См.: Новейший словарь иностранных слов и выражений. – М.: Современный литератор, 2005. – С. 442.

ческого толчка» (инновационной идеи) должна иметь свою конкретную форму существования и реализации – интеллектуальный капитал.

Несмотря на то, что каждая из согласованных групп характеризует свою область изменений, все же следует отметить определенную условность данного деления, поскольку любая согласованная группа по своей сути и представляет собой единый инновационный процесс, в котором взаимодействуют все вышеназванные согласованные группы экономических инноваций и интеллектуального капитала. В этой связи изменения в технологии производства вследствие научно-технического нововведения, реализации его интеллектуального капитала и институционального обеспечения вызывают адекватные им изменения в системе управления (возникают управленческие нововведения с его интеллектуальным капиталом). Верно и обратное. Любые изменения факторов производства и их комбинаций сказываются на характере социально-экономических инновационных отношений и характере реализации интеллектуального капитала и институционального обеспечения. При этом не надо забывать, что данные процессы происходят на основе традиционных экономических отношений, которые являются их генетическим ресурсом. Причем их непрерывная противоречивая динамическая трансформация и диверсификация обуславливают неравновесную форму их реализации, в которой они постоянно пребывают и развиваются. Нормальным состоянием экономики является ее неравновесие, которое предопределено системно – и структурообразующими связями. Именно в качестве таковых в экономической системе выступают взаимодействующие в динамической трансформации и диверсификации противоречивые инновационные и традиционные связи в поведенческой экономике.

3. Диверсификация поведенческой экономики

Компания достигает конкурентных преимуществ благодаря нововведениям, которые получают наибольшую альтернативную положительную значимость. Она может удержать их только с помощью постоянных улучшений. Конкуренты сразу же обойдут любую компанию, которая прекратит совершенствование и внедрение инноваций преимущественно по случаю превосходства второй – положительной, по сравнению с предыдущей – менее значимой, ориентированной на результат. Можно сделать вывод, что ключевая роль в поддержании, обеспечении и удержании конкурентоспособности хозяйственных систем различного уровня принадлежит инновационным процессам, а, следовательно, инновационной диверсификации. Кроме того, в силу обостряющейся глобализации мировой экономики, экспансии транснациональных корпораций, особенно диверсифицированных в несколько видов деятельности, инновационная составляющая бизнеса становится ключевым фактором выживания хозяйственных систем. Глубина инновационной

диверсификации определяется степенью новизны, лежащей в основе инновации. Чем более инновационная идея, тем больше степень различия между традиционной и инновационной деятельностью предприятия. Можно классифицировать инновационную диверсификацию по глубине вносимых изменений следующим образом (табл. 2).

Таблица 2

Диверсификации по глубине вносимых изменений

Тип инновации	Тип инновационной диверсификации
фундаментальная	фундаментальная инновационная диверсификация
прикладная	прикладная инновационная диверсификация
улучшающая	улучшающая инновационная диверсификация
модификационная	модификационная, инновационная диверсификация
поведенческая	поведенческая диверсификация

Широта инновационной диверсификации хозяйственной системы означает количество инноваций, осваиваемых ею в данный период. Представляется, что существуют некие критические, пороговые значения степени глубины и широты инновационной диверсификации для каждой хозяйственной системы, за пределами которых эффективность инновационной диверсификации снижается. Существует определенное количество видов инноваций с определенной глубиной вносимых изменений, имеющих максимальную эффективность. Данную зависимость условно можно изобразить на рис. 2.

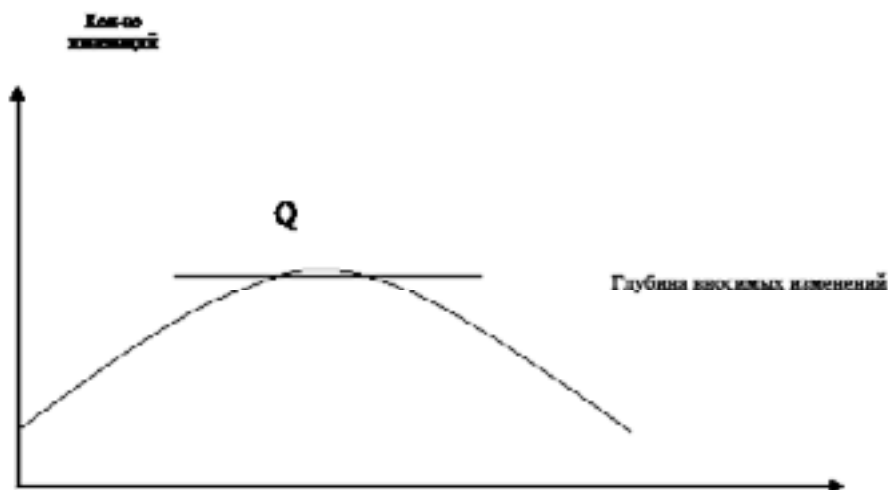

Рис. 2. Кривая эффективности инноваций в зависимости от ширины и глубины инновационной диверсификации в поведенческой экономике

Точка Q – оптимальная точка, где широта и глубина инновационной диверсификации хозяйствующей системы обеспечивают ее максимальную эффективность. То есть определенное количество инноваций, имеющих определенную степень новизны (глубины вносимых изменений) дает максимальную отдачу от их внедрения. Эта точка для каждой хозяйственной системы имеет свое значение. Инновационные процессы в экономике должны быть оптимальными, для того чтобы не разрушить хозяйственную систему, фундаментом, основанием функционирования которой являются экономические традиции.

Всю совокупность экономических циклов развития общественного производства можно представить в виде взаимодействующих экономических традиций, инноваций и инвестиций. Базой устойчивости экономической системы, основой процессов воспроизводства, конечно, являются экономические традиции. Затем в результате научно-практического развития появляются экономические инновации, которые, посредством инвестиций, постепенно вытесняют менее прогрессивную традицию. В свою очередь, с течением времени данная инновация становится общепринятой и распространенной и трансформируется в традицию. Процесс повторяется циклически. В данном процессе в составе инвестиций, инвестиционных вложений наряду со специализацией (вложение средств происходит концентрированно в определенный вид деятельности) участвуют и традиционные, и инновационные формы диверсификации.

Наиболее типичной в современных рыночных условиях является связанная традиционная диверсификация. Хозяйствующий субъект распространяет свои экономические интересы на сферы деятельности, связанные с основной и не имеющие инновационной направленности. При этом связи между видами деятельности могут быть непосредственными и опосредованными, ярко выраженными и выраженными слабо, поддающимися количественным подсчетам и неподдающимися. Можно классифицировать эти связи по степени убывания значимости (глубины) и степени возможности количественной оценки следующим образом:

- наличие общих производственных элементов, их частей (сырье и материалы, технологии, производственные мощности);
- наличие общих кадровых элементов (навыки и умения персонала, его способность к обучению, то есть определенные свойства человеческого капитала);
- наличие общих инфраструктурных элементов (сбытовая сеть, поставщики и покупатели, характер удовлетворяемых альтернативных потребностей).

Общность производственных элементов непосредственно связывает виды деятельности через совместное использование сырья,

материалов, оборудования и мощностей. Сырье является наиболее традиционным распространенным элементом, связующим различные хозяйствующие системы. При этом связанная диверсификация производства может быть основана на последовательной переработке сырья, использовании отходов производства, комплексной переработке сырья.

При последовательной переработке сырья имеет место вертикальная интеграция, или, как ее еще определяют, – связанная вертикальная диверсификация, когда сырье проходит последовательные стадии обработки, в результате чего получается готовый продукт. Связанная вертикальная диверсификация может быть прямой и обратной, полной и частичной в альтернативной поведенческой экономике.

Использование отходов основного производства в альтернативной поведенческой экономике позволяет предприятию более рационально использовать сырье и получать большую прибыль. Использование отходов и побочных продуктов производства наиболее типично для хозяйствующих субъектов деревообрабатывающей промышленности, где в их составе представлены предприятия, перерабатывающие древесные стружки, опилки и другие отходы деревообработки.

С развитием науки и техники в настоящее время все больше применяется третья форма в альтернативной поведенческой экономике, связанной диверсификации, основанная на общем использовании одного сырья. При комплексной переработке сырья из данного его вида может получаться все большее количество альтернативных полезных продуктов в поведенческой экономике. Это, например, у предприятий химической, нефтехимической промышленности, а также у хозяйствующих субъектов, перерабатывающих комплексные (полиметаллические) руды цветных металлов.

Возможность совместно использовать технологические процессы, оборудование также является важным связующим звеном между несколькими производствами. Общность производственных элементов между видами деятельности предполагает связанную диверсификацию производства, наибольшая эффективность от которой достигается при наличии технико-экономического единства производств, входящих в систему предприятия, в условиях единой энергетической и транспортной базы. Техничко-экономическое единство производств, входящих в систему диверсифицированного предприятия, выражается в том, что все эти производства соответствуют друг другу по количеству, номенклатуре и качеству выпускаемой ими продукции в поведенческой экономике.

Все производства связанно-диверсифицированного предприятия в поведенческой экономике для уменьшения диссипативных и транзакционных издержек должны размещаться на единой территории, иметь общую систему коммуникаций (водо-, паро-, газо- и электро-

снабжение, единая внутризаводская транспортная сеть и т.д.) и обслуживаться общим вспомогательным хозяйством.

Связь между несколькими видами деятельности может опосредоваться и через человеческий капитал. В этом случае навыки и умения персонала в поведенческой экономике, применяемые и приобретенные в результате основной деятельности, могут быть использованы и в новой сфере. При этом происходит диверсификация человеческого капитала в поведенческой экономике, так как работники вынуждены осваивать пусть и смежные, но незнакомые или слабознакомые области знаний.

Наименее ярко выраженной и опосредованной связью между несколькими сферами деятельности в поведенческой экономике могут выступать инфраструктурные элементы: поставщики, потребители и характер удовлетворяемых потребностей, сбытовые сети.

Необходимо отметить, что, как правило, взаимосвязь между несколькими видами деятельности в поведенческой экономике заключается в общности сразу нескольких элементов. Например, при наличии общих производственных элементов может использоваться и единая сбытовая сеть или применяться диверсифицированный человеческий капитал в поведенческой экономике.

Наибольший интерес в данный момент развития в поведенческой экономике представляет собой связанная инновационная диверсификация, когда хозяйственная система осуществляет инвестирование в смежные с основной сферой деятельности области, в основе которых лежат инновации. К данной стратегии развития вынуждены периодически прибегать все предприятия, имеющие цель быть конкурентоспособными в средне – и долгосрочной перспективе. Представляется, что инновационная деятельность всегда порождает диверсификационные процессы в компании. Даже в случае усовершенствования одного и того же товара, как правило, сохраняется определенный период времени, когда старый и новый товар производятся параллельно, а персонал, то есть человеческий капитал, осваивая производство нового товара, альтернативно диверсифицируется. Результатом инновационной деятельности на предприятии в поведенческой экономике является освоение производства нового и/или модернизированного продукта, внедрение новой технологии, методов управления, сбыта продукции, использования ресурсов. Но ведь результатом альтернативной диверсификации является и освоение новых видов деятельности, которое, в свою очередь, обязательно потребует и совершенствования системы управления, и применения новых методов альтернативного маркетинга, и распределения альтернативных ресурсов.

Взаимодействие между инновационной и традиционной деятельностью также опосредуется через систему связей, представленных выше в поведенческой экономике.

Необходимо отметить, что при этом степень взаимосвязи между различными сферами деятельности – инновационной и традиционной – сильно варьируется. Отличие инновационной от традиционной деятельности зависит от применяемых технологий, удовлетворяемых потребностей, используемых материалов и т.д. Например, инновационная деятельность фирмы-производителя телевизоров по освоению выпуска новой модели телевизора будет иметь больше общности с прежней деятельностью, чем инновационная деятельность по выпуску другой бытовой техники, а выпуск телевизора с жидкокристаллическим монитором не имеет практически ничего общего с технологией производства обычного телевизора. Важным и необходимым фактором развития инновационной диверсификации является наличие отделов НИОКР, кадров, обладающих творческим потенциалом и возможностью приобретения объектов интеллектуальной собственности.

Необходимо отметить и такой момент, что именно инновационная связанная диверсификация является наиболее предпочтительным вариантом реализации инноваций, так как предприятие, во-первых, обладает необходимыми ресурсами для инвестирования, а, во-вторых, оно знакомо с данной областью деятельности, имеет представление об особенностях поведения спроса на данном рынке товара и может прогнозировать будущие потребности потребителей.

Таким образом, инновационная диверсификация в ее расширительном толковании важна в циклическом взаимодействии экономических традиций, инноваций и инвестиций в поведенческой экономике, во многом определяет будущее конкурентоспособности хозяйственных альтернативных поведенческих систем.

Создание данных инновационных инфраструктур и их успешное развитие и функционирование объективно обуславливают возникновение интенсивных диверсификационных процессов структуры экономики регионов и страны в целом на качественно новой основе инновационного высокотехнологического роста воспроизводства различных видов товаров и услуг в поведенческой экономике. Эти структуры порождают два вида диверсификации – инновационную, когда осуществляется производство инновационных товаров и услуг, и традиционную диверсификацию, которая выражается в разнообразии вспомогательных видов деятельности, необходимых для полноценного их функционирования.

Для поддержания своей конкурентоспособности хозяйствующие субъекты должны постоянно поддерживать устойчиво-эффективные формы деятельности хозяйственных систем, внедрять и осваивать выпуск новшеств, модификаций, то есть сочетать традиционную и инновационную деятельность. В этом заключается продуктивное и перспективное взаимодействие процессов традиционной и инновационной диверсификации хозяйствующих субъектов в поведенческой экономике.

Типология инновационных процессов в поведенческой экономике

№№ п/п	Признаки классификации	Виды и подвиды инновационных процессов	
1.	Происхождение	Материально-вещественные	Идеальные
		Эндогенные	Экзогенные
2.	Форма участия человека в их реализации	Реальные	Виртуальные
3.	Степень инновационности	Фундаментальные	Улучшающие
		Прикладные	Модифицирующие
4.	Масштабность и число входящих элементов	Большие	Малые
		Всеобщие	Сферные, отраслевые
5.	Характер взаимосвязи	Простые (линейные)	Сложные (нелинейные)
6.	Форма реализации	Принудительные	Свободные
7.	Подчиненность и субординация	Управляющие (контролирующие)	Управляемые (контролируемые)
8.	Число уровней управления	Одноуровневые	Иерархические
9.	Характер изменчивости	Детерминированные	Неопределенные
10.	Тип взаимодействия с внешней средой	Открытые	Закрытые
11.	Способ регулирования	Регулируемые	Саморегулируемые
12.	Цель	Целенаправленные	Некоммерческие
		Коммерческие	Некоммерческие
		Одноцелевые	Многоцелевые
13.	Эффект и эффективность	Системный эффект	Синергетический эффект
		Эффективные	Неэффективные
14.	Правовое положение	Легитимные	Нелегитимные
15.	Достоверность	Истинные	Ложные, с инновационными ловушками
16.	Степень риска	Отсутствие неопределенности	Частичная или полная неопределенность
17.	Безопасность	Усиливающие	Ослабляющие
18.	Экологичность	Экологически чистые	Разрушающие экологическую среду
		В рамках экологически допустимых норм	Нарушающие экологическую среду
19.	По типу развития	Экстенсивные	Интенсивные
20.	По характеру использования	Инновационная	Поведенческая

В русле нашего исследования инновационный процесс по содержанию можно определить как согласованную совокупность связей, отношений по реализации инноваций с целью получения системного эффекта. Тип инновационного процесса зависит от конкретной экономической системы, этапа, уровня и сферы ее развития, а также от типа самой инновации. Типология инновационных процессов по различным основаниям приведена в таблице 2.

Природа и содержание, динамическая трансформация и диверсификация инновационных процессов должны исследоваться не только как непрерывные, развивающиеся неравновесные процессы, но и их дискретные, прерывистые стадии и циклы.

Содержательно инновационный цикл представляет период инновационного процесса от его «генетического толчка», зарождения инновационной идеи, до превращения ее в системный эффект и трансформацию в традицию как фундаментальную инновацию.

Вывод. Обобщив рассмотренные варианты выделения фаз инновационного цикла, можно предложить следующую их структуру:

– Креативная фаза, где в результате творчества, фундаментальных исследований и открытий зарождаются инновационные идеи, вызванные человеческими потребностями и ходом процесса познания.

– Фаза рационализации и изобретения, когда инновационные идеи получают техническое решение и институциональное обеспечение в ходе прикладных исследований. Она завершается патентованием полученного результата и определением субъекта креативного капитала.

– Фаза виртуальных и реальных разработок и экспериментов, в ходе которой формируется прототип и опытный образец нового, т.е. само новшество. Уже на этой фазе осуществляется оценка возможности системного эффекта от применения новшества, передаваемого потребителю.

– Фаза реального нововведения, подразумевающая комплекс отношений по налаживанию опытного производства и пробному выходу на рынок продукта, содержащего новшество

– Фаза коммерциализации и распространения новшества. Распространение новшества включается в инновационный процесс в случае, если его рассмотрение не ограничивается отдельным предприятием, а осуществляется на уровне хозяйственной системы в целом.

– Фаза потребления (утилизации) нововведения, на которой происходят одновременно его диагностика и признание как редкой системной полезности. Здесь же нововведение закрепляется в качестве традиции с одновременным становлением, развитием и воспроизводством новой потребности в нем. На этой фазе происходят отторжение, непризнание нововведения существующей структурой потребностей, если она не «узнает» и не принимает его как новшество.

– Фаза обновления, на которой происходит частичная или полная смена инноваций, т.е. или приращение новых свойств, качеств к уже существующей традиции как фундаментальной инновации посредством частичного отрицания ее свойств и качеств, или полное отрицание традиции как целого и замещение ее инновацией. Частичное или полное замещение традиции может происходить не только на фазе потребления, но и на других фазах инновационного экономического цикла.

– Фаза трансформации инновации и инновационных отношений в экономическую традицию и традиционные отношения, которые превращаются в «плацдарм», «генетическую среду» новых инноваций. Трансформация инноваций в традиции как закономерность действует и реализуется на всех циклах и фазах инновационного процесса.

Таким образом, инновационный экономический цикл и его обеспечение – это альтернативный экономический процесс, рассматриваемый во временном аспекте в период времени от зарождения идеи и до ее использования и реализующийся посредством отдельных фаз, стадий, объединенных в единый цикл. Инновационный экономический цикл и его активное обеспечение будут совпадать с жизненным циклом товара до тех пор, пока данный товар (услуга) будет являться новшеством на конкретном рынке, т.е. до тех пор, пока его полезность для потребителей характеризуется новизной его потребительских свойств. Следовательно, «генетическим толчком» инновационных экономических отношений является инновационная идея, «генетическим ресурсом» – экономические традиции, а основой, определяющей характер их динамической трансформации, служит интеллектуальная собственность, или интеллектуальный капитал.

Литература:

1. Посталюк М.П. Инноватизация пространственных структур развития экономических систем // Проблемы современной экономики. – 2015.
2. Леонтьев Б.Б. Принципы и подходы к оценке интеллектуальной собственности и нематериальных активов: Учебное пос. / Б.Б. Леонтьев, Х.А. Мамаджанов. – М.: РИНФО, 2003. – 269 с.
3. Наука России. 1993: Стат. сб. – М.: ЦИСН, 1994. – 239 с.
4. Аганбегян А.Г. Стратегия экономического развития Российской Федерации / А.Г. Аганбегян // Инновационные центры и наукограды: материалы проекта FinRus 9804 Европейского Союза. – М., 2001. – С. 14-21.
5. Аньшин В.М. Менеджмент инвестиций и инноваций в малом и вен-чурном бизнесе: Учебное пос. / В.М. Аньшин, С.А. Филин. – М.: Анкил, 2003. – 360 с.

6. Кулагин А.С. Риск инновационной деятельности и обеспечение ее безопасности в условиях нестабильности экономики / А.С. Кулагин // *Инновации*. – 1998. – № 6. – С. 31-47; 1999. – № 3/4. – С. 19-27.

7. Кориков А.М. Основы системного анализа и теории систем: Учебное пос. / А.М. Кориков, Е.Н. Сафьянова. – Томск: Изд. Томск. ун-та, 1989. – 208 с.

8. Петрушенко Л.А. Самодвижение материи в свете кибернетики: Фи-лософский очерк взаимосвязи организации и деорганизации в природе / Л.А. Петрушенко. – М.: Наука, 1971. – 292 с.

9. Посталюк М.П. Движение иностранного капитала как форма инноватизации региональной экономической системы (на примере Республики Татарстан) // *Вестник КАИ*. – 2014. – № 1. – С. 31-37.

References:

1. Postalyuk M. Innovatization of spatial structures of development of economic systems // *Problems of modern economics*. – 2015.

2. Leontiev B. Principles and approaches to the assessment of intellectual property and intangible assets: Textbook / B. Leontiev, H. Mamajanov. – М.: RINFO, 2003. – 269 p.

3. Science of Russia. 1993: Stat. collection. – М., 1994. – 239 p.

4. Aganbegyan A. The strategy of economic development of the Russian Federation / A. Aganbegyan // *Innovation centers and science cities: materials of the FinRus 9804 project of the European Union*. – М., 2001. – P. 14-21.

5. Anshin V. Investment and innovation management in small and venture business: Textbook / V. Anshin, S. Filin. – М.: Ankil, 2003. – 360 p.

6. Kulagin A. The risk of innovation and ensuring its safety in the context of economic instability / A. Kulagin // *Innovations*. – 1998. – № 6. – P. 31-47; 1999. – № 3/4. – P. 19-27.

7. Korikov A. Fundamentals of systems analysis and systems theory: Textbook / A. Korikov, E. Safyanova. – Tomsk: Publishing house Tomsk. University, 1989. – 208 p.

8. Petrushenko L. Self-motion of matter in the light of cybernetics: A philosophical outline of the relationship between organization and deorganization in nature / L. Petrushenko. – М.: Nauka, 1971. – 292 p.

9. Postalyuk M. Movement of foreign capital as a form of innovation in the regional economic system (on the example of the Republic of Tatarstan) // *Vestnik KAI*. – 2014. – № 1. – P. 31-37.

**ПОСТРОЕНИЕ СРЕДНЕСРОЧНОГО ПРОГНОЗА РАЗВИТИЯ
ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН В ПАНДЕМИЙНЫЙ
И ПОСТПАНДЕМИЙНЫЙ ПЕРИОДЫ**

**MAKING MEDIUM-TERM PREDICTIONS OF ECONOMIC
DEVELOPMENT OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN
IN THE PANDEMIC AND POST-PANDEMIC PERIODS**

*ЕЛЬШИН Л.А., д-р экон. наук, профессор кафедры экономики Университета
управления «ТИСБИ»*

E-mail: Leonid.Elshin@tatar.ru

*ELSHIN L., Doctor of Economic Sciences, Professor, Department of Economics,
the University of Management «TISBI»*

E-mail: Leonid.Elshin@tatar.ru

Аннотация

В статье представлены основные проблемы развития экономики России в условиях пандемии коронавируса. Выявлены ключевые факторы институционального и конъюнктурного порядка, определяющие динамику совокупного спроса в новых сформировавшихся условиях, которые позволили, используя методы экономико-математического анализа, построить модели и сформировать прогностические оценки развития экономики Республики Татарстан на период до 2023 г. По результатам проведенного исследования обоснован L-образный восстановительный экономический рост. Также представлены некоторые предложения, направленные на интенсификацию экономической динамики в новых реалиях социально-экономической среды.

Ключевые слова: пандемия коронавируса, кризис, экономическая динамика, среднесрочный прогноз, моделирование, сценарный анализ экономики.

Abstract

The article presents the main problems of the Russian economy development in the context of a coronavirus pandemic. The identified key factors of institutional and market order, determining the dynamics of aggregate demand in the new formed conditions made it possible, using the methods of economic and mathematical analysis, to build models to generate predictive estimates of development of economy of the Republic of Tatarstan for the period up to 2023. Based on the results of the study, L-shaped recovery economic growth is justified. The author also presents some proposals aimed at intensifying economic dynamics in the new realities of the socio-economic environment.

Key words: coronavirus pandemic, crisis, economic dynamics, medium-term forecast, modeling, scenario analysis of the economy.

Высокий уровень неопределенности развития мировой и национальной экономических систем в 2020 г., обусловленный целым рядом факторов (пандемия коронавируса, напряженность внешнеполитических рынков, корректировка цен на сырьевые ресурсы, повышенная волатильность финансовых рынков и т.п.), формирует необходимость разработки и уточнения прогностических моделей экономического роста. На сегодняшний момент в научно-дискуссионном и экспертном пространстве нет единства в части понимания того, каким будет восстановительный рост экономики после его существенного снижения в 2020 г. Одна группа экспертов придерживается мнения о V-образном отскоке экономики от точки ее падения (как, к примеру, это происходило после кризиса 2008 г.) [1-3]; другая – о L-образном, восстановительном, росте после рекордных темпов сжатия мировой экономики в период максимального обострения пандемии коронавируса (табл. 1) [4-6].

Таблица 1. Темпы экономического роста в крупнейших развитых странах во II квартале 2020 г. [7]

Страна	Снижение ВВП во II квартале, %
США	-9,1
Испания	-21,5
Великобритания	-21,7
Франция	-18,9
Италия	-17,7
Германия	-11,3
Россия	-8,0
Китай	+3,2

В этих условиях крайне актуальным как в научном, так и в практическом отношении является вопрос определения прогностических оценок развития экономики на кратко – и среднесрочную перспективу. Понимание среднесрочных перспектив экономического роста формирует основы для построения экономическими агентами соответствующих бизнес-моделей и реализации операционной деятельности, что, в конечном итоге, будет задавать тональность и вектор развития социально-экономической системы в целом.

Следует отметить, что согласно прогнозам Министерства экономического развития РФ в условиях слабого спроса на энергоресурсы, сформировавшегося в 2020 г. в силу обозначенных ранее проблем, мировая экономика будет демонстрировать замедление своего развития [7]. Аналогичные оценки доминируют и в части построения прогноза развития российской экономики. Вместе с тем, учитывая, что пандемия коронавируса во II квартале 2020 г. нанесла сравнительно меньший ущерб России относительно большинства развитых стран (табл. 1), а также учитывая сравнительно быстрые темпы восстановления дина-

мики ВВП в III квартале, все чаще можно встретить оптимистические мнения в оценках динамики восстановительного роста экономики РФ. Как результат, в подтверждение данных мнений и предположений Министерство экономического развития России улучшило прогноз снижения ВВП до – 3,9% по сравнению с июньскими оценками, где снижение ВВП оценивалось по итогам 2020 г. на уровне – 4,8%.

Однако несмотря на проявляющийся оптимизм, перспективы быстрого отскока от своего пикового падения ожидать все же не следует. Этому есть ряд фундаментальных и конъюнктурных причин:

1. Прогнозируемая вторая волна в мире распространения пандемии коронавируса.

2. Снижение реальных доходов населения, что предопределяет падение совокупного спроса в экономике.

3. Ожидается дальнейшее замедление инвестиционной активности, корректирующейся, в том числе, и в рамках обострения внешнего политического фона.

4. Закрытие границ в результате реализации антипандемийных мер во многих странах, включая и Российскую Федерацию, будет ограничивать международные перемещения и бизнес-коммуникации и, как следствие, экономическую активность хозяйствующих субъектов.

Таким образом, необходимо подчеркнуть, что отмеченные допущения и предположения способствуют формированию, скорее, негативных оценок в части среднесрочного экономического развития как национальной, так и мировой экономической системы. При этом следует отметить, что под негативом мы понимаем отсутствие перспектив резкого отскока от точки падения. Вторит нашей позиции и опубликованный прогноз Минэкономразвития [7]. В соответствии с ним, согласно базовому сценарию, ожидается, что ежегодные темпы роста ВВП в 2021 г. составят 3,3% с последующей корректировкой до уровня 3,0% в период 2022-2023 гг. В то же время, согласно консервативному сценарию, динамика ВВП в 2021 г. составит 2,7% с последующей корректировкой до 2,5%.

Таким образом, следует констатировать, что восстановление экономики наиболее вероятным образом будет происходить по L-образному сценарию, что, конечно же, не способствует укреплению потенциала российской экономики на международной арене. Учитывая запаздывающую относительно мировых темпов экономического роста динамику ВВП России, подобные прогнозируемые тренды требуют разработки специальных мер государственного регулирования в целях выхода на опережающие темпы роста.

В то же время важно подчеркнуть, что важнейшим инструментарием в контексте обозначенных проблем является разработка многофакторных моделей, позволяющих выявить ключевые, наиболее чувствительные параметры, определяющие развитие экономики на

региональном уровне [8]. Отталкиваясь от базовых предпосылок, рассмотренных выше, о том, что темпы роста экономики в условиях пандемии и постпандемийного периода развития будут формироваться во многом общими для национальной экономики факторами, определяющими совокупный спрос (доходы населения, коррекция инвестиционных процессов, экономическая активность населения, волатильность на финансовых рынках и т.д.), в настоящей работе представлен методический алгоритм прогнозирования экономики региона в соответствии с изложенными принципами. При этом необходимо отметить, что на первоначальном этапе реализованы оценки промышленного развития исследуемого региона – Республики Татарстан.

На наш взгляд, крайне актуальным научно-исследовательским инструментом познания факторов промышленного развития экономики региона является анализ, основанный на изучении факторов спроса, что соответствует основным парадигмам неокейнсианства, базирующимся на концепции приоритетности фактора совокупного спроса в модели «совокупный спрос – совокупное предложение». Таким образом, в соответствии с изложенным подходом одной из основных целей настоящего исследования является комплексная оценка и анализ факторов, генерирующих совокупный спрос, определяющий параметры промышленного развития региона, в том числе в условиях кризиса.

Как известно, совокупный спрос формируется в результате воздействия на него большой совокупности факторов: ценовых, качественных параметров продукции/услуги, количественных и др. В данном исследовании, оптимизируя и концентрируя усилия на ограниченной совокупности факторов одного порядка, осуществляется комплексная оценка влияния факторов совокупного спроса на промышленную продукцию региона, характеризующих ценовые параметры, а также параметры покупательской способности экономических агентов. При этом к данным факторам были отнесены параметры, определяющие спрос на выпуск: динамика инфляции, курс национальной валюты, доходы населения. Несомненно, данный перечень факторов не является полным, однако, на наш взгляд, в существенной степени формирует базовые основы, раскрывающие рассматриваемые категории влияния промышленного роста. Важно также заметить, что данный перечень факторов был сформирован по результатам эконометрического анализа и фильтрации более широкого круга статистических показателей. Однако обнаруженные между ними корреляционные зависимости предопределили обозначенный в настоящей статье перечень используемых факторов, которые и вошли в итоговую регрессионную модель, характеризующую порядок влияния экзогенных переменных, отражающих совокупный спрос, на параметры промышленного развития Республики Татарстан.

Для исследования влияния факторов на зависимую переменную необходимо убедиться в отсутствии сезонности исследуемых рядов. Сезонность была обнаружена у фактора «Среднедушевые денежные доходы населения». Для моделирования сезонных колебаний были рассчитаны значения сезонной компоненты методом скользящей средней и построена мультипликативная модель временного ряда. Исходный и ряд с устраненной сезонностью продемонстрированы на рис. 1.

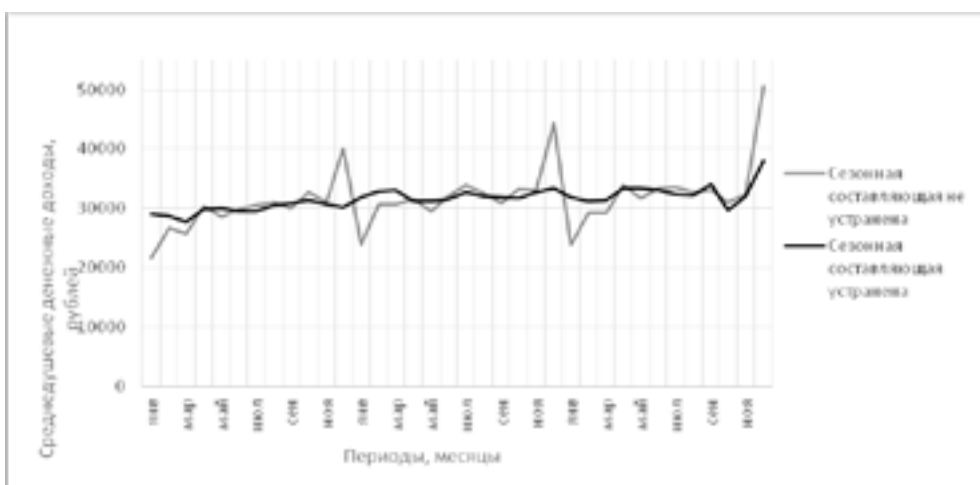

Рис. 1. Динамика среднедушевых денежных доходов населения в РТ за 2014-2016 гг.

По данным с устраненной сезонной компонентой был проведен регрессионный анализ, результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1. Расчетные параметры коэффициентов регрессионной модели и их статистической значимости

	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-Статистика	P-Значение
Y-пересечение	229,4729	52,01414	4,41174	0,00010877
x1	0,00016	0,000151	3,057941	0,00980035
x2	-1,36083	0,50564	-2,6913	0,01122218
x3	0,041666	0,027594	2,509977	0,04086147

где Y – Темпы роста промышленного производства, %;

X1 – Среднедушевые денежные доходы населения, руб.;

X2 – Индекс потребительских цен, %;

X3 – Официальный курс доллара США по отношению к рублю на конец периода, руб./долл.

ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ

Полагаясь на разработанную модель, а также основные сценарные оценки экзогенных факторов, участвующих в модели, в таблице 2 представлены расчетные оценки ИПП Республики Татарстан на 2020 г.

Таблица 2. Расчетные оценки ИПП Республики Татарстан на 2020 г.

Показатели	Сценарный анализ	
	2019 Факт	2020 (Прогноз)
Y – Темпы роста промышленного производства, %	102,4	96,46432
X1 – Среднедушевые денежные доходы населения, руб.	35686	34329,93
X2 – Индекс потребительских цен, %	102,9	104
X3 – Официальный курс доллара США по отношению к рублю, на конец периода, руб./долл.	64.66	72,6

Сценарные параметры определены по данным Минэкономразвития на 2020 г. [7]:

– Минэкономразвития прогнозирует падение реальных располагаемых доходов на 3,8%.

– Согласно базовому прогнозу ведомства годовая инфляция составит 4% в 2020 г.

– Среднегодовой курс рубля ожидается в 2020 г. на уровне 72,6 руб. за долл.

Учитывая наличие крайне высокого уровня влияния ИПП на ВРП (табл. 3), прогноз валового регионального продукта Республики Татарстан на 2020 г. оценивается на уровне 99,54%.

Таблица 3. Расчетные параметры коэффициентов регрессионной модели и их статистической значимости

	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-Значение
Y-пересечение	45,56	10,72192	4,249699102	0,000481985
Индексы физического объема валового регионального продукта в основных ценах (ОКВЭД-2007) (процент, значение показателя за год)	0,559	0,102777	5,444169116	3,58695E-05

Таблица 4. Итоговые прогнозные значения динамики роста ИПП и ВРП Республики Татарстан на 2020 г., в %

Показатель	2019 (факт)	2020 (прогноз)
ИПП, в %	102,4	96,46
ВРП, в %	101,3	99,54

В таблице 5 представлены основные сценарные параметры среднесрочного изменения экзогенных факторов модели, оценивающих вли-

яние параметров спроса на динамику роста промышленного производства региона.

Сценарии изменения значений показателей определены по данным Минэкономразвития. Так, по данным ведомства [7]:

– Реальные располагаемые доходы населения по итогам текущего (2020) года сократятся на 3,8%, после чего начнут расти на 2,8% в 2021 г., на 2% – в 2022-м и на 2,6% – в 2023 г.

– Среднегодовой курс рубля в 2020 г. составит 72,6 руб. за долл. при цене нефти \$31,1 за баррель. Курс рубля на конец 2020 г. ожидается на уровне 75-76 руб. за долл. В 2021 г. среднегодовой курс составит 74,7 руб. за долл. при цене нефти \$35,4 за баррель; 73,3 руб. за долл. при цене нефти в \$42,2 за баррель; 72,1 руб. за долл. при цене нефти в \$45 [9].

Таблица 5. Сценарные параметры изменения факторов спроса на период до 2022 г.

Параметр (фактор модели)	2021	2022
X1 – Среднедушевые денежные доходы населения, руб.	35291,17	35996,99
X2 – Индекс потребительских цен, %	103,5 (По данным ЦБ РФ, скорректировано с учетом традиционного соотношения ИПЦ в РФ и РТ)	103 (По данным ЦБ РФ, скорректировано с учетом традиционного соотношения ИПЦ в РФ и РТ)
X3 – Официальный курс доллара США по отношению к рублю на конец периода, руб./долл.	74,7	75,0

В таблице 6 представлены прогнозные значения динамики ИПП и ВРП Республики Татарстан на период до 2022 г. с учетом сценарного моделирования экзогенных факторов.

Таблица 6. Среднесрочный прогноз развития экономики Республики Татарстан до 2022 г.

Параметр (фактор модели)	2020	2021	2022
Индекс промышленного производства (ИПП), темпы роста в %	96,46	98,4	99,2
Валовой региональный продукт (ВРП), темпы роста в %	99,54	100,6	101,1

В целом, полагаясь на построенную модель экономического роста региона на основе сценарного прогнозирования ключевых факторов, генерирующих спрос, в Республике Татарстан на период до 2022 г. прогнозируется L-образное восстановление экономики. Расчеты демонстри-

руют, что есть риск того, что после прогнозируемого снижения темпов роста ВРП в 2020 г. последует период медленного восстановительного роста ключевых макропоказателей.

Важно отметить, что по результатам полученных оценок существенным воздействием на динамику роса ВРП нашего региона является индекс потребительских цен. В этой связи крайне важным инструментом стимулирования экономического роста в условиях восстановительной динамики является строгий контроль над ростом цен. К управляемым факторам также необходимо отнести и доходы населения, рост которых, согласно полученной модели экономического роста, стимулирует динамику ВРП Республики Татарстан.

Существенным образом полученные прогностические оценки корреспондируют с теорией циклического развития экономики. В соответствии с ранее построенными автором среднесрочными циклами опережающего развития [10-12] на рис. 2 представлен прогноз экономического развития регионов ПФО на период до 2020 г. Следует отдельно заметить, что прогнозная траектория очередного краткосрочного опережающего цикла экономического развития РФ сформирована исходя из тренда, полученного на основании полученных расчетных значений фазы оживления (2014-2015 гг.) и логики циклического развития сводного индекса опережающего развития, характерной для предыдущих периодов. В соответствии с этим пик очередного опережающего краткосрочного цикла придется на 2016 г. с последующим вступлением в фазу кризиса (2016-2018 гг.).

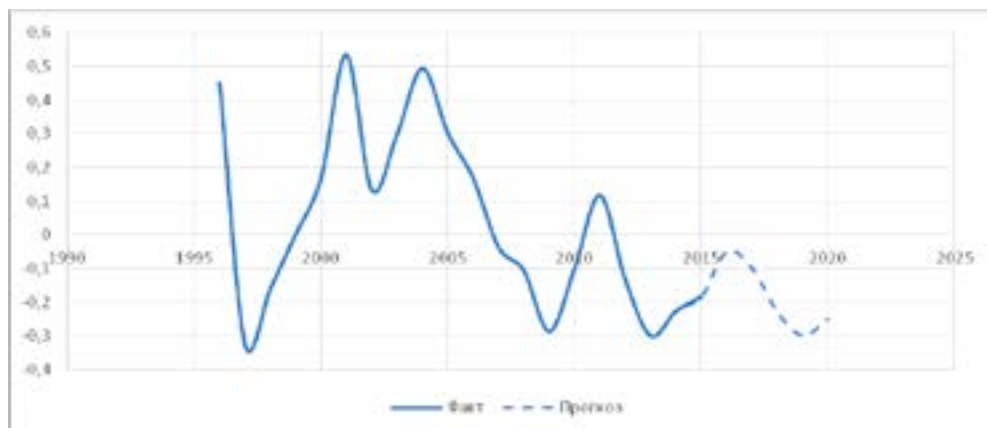

Рис. 2. Прогнозная траектория краткосрочного цикла российской экономики (сводного индекса опережающего развития)

Учитывая, что на рис. 2 представлены краткосрочные циклы опережающего развития, реальные циклические колебания экономики РФ имеют соответствующие значения лет, опережающие датировки

фаз циклов опережающего развития на 1-2 года. Таким образом, еще в 2018 г. нами прогнозировалось, что в соответствии с полученными данными о корректировках индекса опережающего развития, а также следуя трендам синусоидального развития траектории циклов опережающего развития, с высокой долей вероятности можно предположить, что фаза роста достигнет своего пика в национальной экономике РФ в 2018 г. с последующим переходом в фазу кризиса, датированную в соответствии с прогностическими оценками 2018-2020 гг. Следуя постулатам теории циклизма, ожидается что 2021-2022 гг. сформируется фаза оживления динамики экономического роста, что соответствует полученным прогностическим оценкам в рамках построенной модели, базирующейся на моделировании факторов совокупного спроса.

Исходя из вышеизложенного, необходимо констатировать, что текущий 2020 г. в любом случае продемонстрировал бы фазу депрессии в циклическом развитии национальной экономики с ожидаемым восстановлением динамики в 2021-2022 гг. Между тем, пандемия существенным образом обострила кризис, ввиду чего прогностические восстановительные темпы оцениваются как весьма умеренные.

В заключение важно отметить, что ситуация, с которой столкнулся мир, конечно же, носит неординарный характер. Пандемия коронавируса, повлекшая за собой целый ряд ограничительных мер, крайне негативно отразилась на экономике и социальной устойчивости абсолютного большинства государств. Не исключением здесь стала и Российская Федерация, продемонстрировавшая во II квартале 2020 г. существенное снижение ВВП. При этом данное снижение на фоне крупных развитых стран выглядело не столь угрожающим. В этих новых условиях или, как сегодня часто говорят, – в новой реальности крайне важно понимать, какие макроэкономические факторы и в какой степени могут повлиять на дальнейший ход событий. Это обуславливает и актуализирует необходимость разработки и совершенствования прогностических моделей, которые бы учитывали и включали в состав экзогенных параметров те, которые бы максимально отражали возникающие «шоки» в экономической системе в условиях пандемии коронавируса и последующего восстановительного этапа. Частичному решению поставленного вопроса и посвящена настоящая статья, являющаяся во многом своего рода приглашением к дальнейшей дискуссии.

Литература:

1. Мастепанов А.М. Что год 2020-й нам готовит: о прогнозах развития нефтегазовой отрасли в России и мире // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. – 2020. – № 1 (181). – С. 5-6.

2. Зайнуллина М.Р. Прогноз основных макроэкономических показателей на 2020 год Российской Федерации // Электрон. экономич. Вестник Татарстана. – 2019. – № 4. – С. 4-12.

3. Зюзя Е.В., Пыжикова Н.И. Экономический кризис-2020: причины возникновения и прогнозы развития // Экономика и предпринимательство. – 2020. – № 3 (116). – С. 115-118.

4. Дунаева Т.И. Прогноз промышленного сектора Российской Федерации на 2020 год // Матрица научного познания. – 2020. – № 5. – С. 234-237.

5. Пронина Л.И. О бюджетной политике в 2020-2022 годы: реалии и прогнозы // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2020. – № 5 (101). – Т. 2. – С. 93-107.

6. Белев С.Г., Ведев А.Л., Дробышевский С.М., Каукин А.С., Кнобель А.Ю., Миллер Е.М., Трунин П.В. Сценарный прогноз основных параметров макроэкономического развития и бюджетной сферы в России в 2020-2022 гг. // Экономическое развитие России. – 2020. – № 7. – Т. 27. – С. 4-24.

7. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов. Министерство экономического развития Российской Федерации. – URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/956cde638e96c25da7d978fe3424ad87/Prognoz.pdf> (режим доступа: 19.10.2020).

8. Сафиуллин М.Р., Ельшин Л.А., Абдукаева А.А. Идентификация факторов совокупного спроса и их влияние на параметры промышленного развития региона (на примере Республики Татарстан) // Экономический вестник Республики Татарстан. – 2017. – № 4. – С. 5-12.

9. Минэкономразвития оценило влияние пандемии COVID-19 на экономику России. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/8535503> (режим доступа: 19.10.2020).

10. Safiullin M., Elshin L., Prygunova M. Diagnostics of expectations of economic agents as an instrument for the modelling of economic cycles (2017) // *Economy of Region*, 13 (2). – P. 604-615. – DOI: 10.17059/2017-2-24

11. Safiullin M., Elshin L., Galyavov A., Prygunova M. Institutional and tactical potentials and their influence on development of regional Reproductive forces and trajectories of economic development (Prognostic Approaches) (2016) // *Journal of Economics and Economic Education Research*, 17 (Special Issue 2). – P. 227-236.

12. Ельшин Л.А. Сравнительный анализ циклических колебаний региональных экономических систем: моделирование, идентификация, прогнозирование // Вестник Института экономики Российской Академии наук. – 2017. – № 4. – С. 138-156.

References:

1. Mastepanov A. What does the year 2020 hold us: about the forecasts of the development of the oil and gas industry in Russia and the world // Problems of economy and management of the oil and gas complex. – 2020. – № 1 (181). – P. 5-6.
2. Zainullina M. Forecast of the main macroeconomic indicators for 2020 of the Russian Federation // Electronic economic Bulletin of the Republic of Tatarstan. – 2019. – № 4. – P. 4-12.
3. Zyuzya E., Pyzhikova N. Economic crisis-2020: causes and development forecasts // Economics and entrepreneurship. – 2020. – № 3 (116). – P. 115-118.
4. Dunaeva T. Forecast of the industrial sector of the Russian Federation for 2020 // Matrix of scientific knowledge. – 2020. – № 5. – P. 234-237.
5. Pronina L. On budget policy in 2020-2022: realities and forecasts // Economics and management: problems and solutions. – 2020. – Vol. 2. – № 5 (101). – P. 93-107.
6. Belev S., Vedev A., Drobyshevsky S., Kaukin A., Knobel A., Miller E., Trunin P. Scenario forecast of the main parameters of macroeconomic development and the budget sphere in Russia in 2020-2022 // Russian economic development. – 2020. – Vol. 27. – № 7. – P. 4-24.
7. The forecast of socio-economic development of the Russian Federation for 2021 and for the planning period in 2022 and 2023 years. Ministry of economic development of the Russian Federation. – URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/956cde638e96c25da7d978fe3424ad87/Prognoz.pdf> (access mode: 19.10.2020).
8. Safiullin M., Elshin L., Abdukaeva A. The identification of aggregate demand factors and their influence on the parameters of industrial development of the region (on the example of the Republic of Tatarstan) // Economic Bulletin of the Republic of Tatarstan. – 2017. – № 4. – P. 5-12.
9. The Ministry of economic development assessed the impact of the COVID-19 pandemic on the Russian economy. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/8535503> (access mode: 19.10.2020).
10. Safiullin M., Elshin L., Prygunova M. Diagnostics of expectations of economic agents as an instrument for the modeling of economic cycles (2017) // Economy of Region. – 13 (2). – P. 604-615. – DOI: 10.17059/2017-2-24
11. Safiullin M., Elshin L., Galyavov A., Prygunova M. Institutional and tactical potentials and their influence on development of regional productive forces and trajectories of economic development (Prognostic Approaches) (2016) // Journal of Economics and Economic Education Research, 17 (Special Issue 2). – P. 227-236.
12. Elshin L. Comparative analysis of cyclical fluctuations in regional economic systems: modelling, identification, prediction // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. – 2017. – № 4. – P. 138-156.

**ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**DIGITAL TRANSFORMATION IN IRON AND STEEL INDUSTRY
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

АХМАДУЛЛИН Р.Н., студент, КНИТУ (КАИ) им. А.Н. Туполева

Тел.: 8(908)335-14-50

E-mail: rail98n@mail.ru

ТУМАШЕВ А.Р., канд. экон. наук, доцент кафедры ЭТиУР КНИТУ (КАИ)
им. А.Н. Туполева

Тел.: 8(903)305-76-69

E-mail: artoumashev@mail.ru

AKHMADULLIN R., student, Kazan State Technical Tupolev University (KAI)

Tel.: 8 (908) 335-14-50

E-mail: rail98n@mail.ru

TUMASHEV A., PhD in Economics, Associate Professor, Kazan State Technical
Tupolev University (KAI)

Tel.: 8(903)305-76-69

E-mail: artoumashev@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрены основные показатели цифровой трансформации металлургической промышленности РФ в разрезе внедрения новых технологий: система управления технологическим комплексом сталеплавильного цеха, разработка и внедрение системы мониторинга огнеупорной футеровки горна доменной печи, средства защиты информации для промышленных систем.

Ключевые слова: цифровая трансформация, цифровизация, металлургия, инновации.

Abstract

The article discusses the main indicators of the digital transformation in the iron and steel industry of the Russian Federation in the context of the introduction of new technologies. Special attention the authors pay to the control system of the technological complex of the steel-smelting shop, the development and implementation of a monitoring system for the refractory lining of the hearth of a blast furnace and information security tools for industrial systems.

Key words: digital transformation, digitalization, iron and steel, industry, innovation.

Первый переворот в промышленности произошел с переходом от ручного труда к механизированному, второй – с началом использования электроэнергии в массовом производстве, запустившем процессы его

автоматизации. С внедрением электроники и информационных технологий началась третья революция, положившая начало нынешней цифровой эпохе. Мир неумолимо вовлекается в следующую индустриальную революцию (Industry 4.0), которая характеризуется проникновением в производство кибер-физических систем и сращиванием виртуального и физического пространства [1]. Современные условия производства, в том числе на металлургических предприятиях, требуют квалифицированных специалистов, обладающих набором компетенций, позволяющих им предлагать и разрабатывать новые идеи, находить нетрадиционные решения и реализовывать экономически выгодные проекты. В этой связи содержание и формы практико-ориентированного обучения современного профессионального образования имеют огромную значимость.

В основу разработки и реализации профессиональных образовательных программ металлургических вузов в соответствии с современными требованиями положены:

- реальные профессиональные задачи, сложность которых возрастает от курса к курсу;
- специфика профессиональной деятельности будущих специалистов, которые работают индивидуально или малыми группами;
- интеграция знаний, методов различных областей науки и практики.

Практико-ориентированный подход к обучению в вузах предполагает поэтапное формирование профессиональных компетенций будущего инженера. Студент адаптируется к образовательному пространству университета и, одновременно, погружается в профессиональное пространство. Программа позволяет студенту изучить весь производственный цикл будущей профессии, выполнять конкретные задания, соответствующие должностным обязанностям работника [2].

Одной из важных составляющих любого производственного процесса, включая металлургическую отрасль, является автоматизация. Совместно с усложнением оборудования систем автоматизации растут и требования к специалистам, которые эксплуатируют и внедряют данное оборудование.

Полноценное обучение высококлассных специалистов-автоматчиков и переход к цифровому производству не могут быть осуществлены без работы со сложным технологическим процессом. Вследствие того, что обучение на реальном технологическом оборудовании не может быть осуществлено из соображений безопасности, правомерно считать целесообразным создание 3D и математических моделей трех технологических процессов непрерывных производств и технологического оборудования, их обеспечивающих. К числу объектов, требующих моделирования, относятся машина для розлива анодов медеплавильного цеха, сушильный барабан и парогазовая установка.

С развитием систем 3D моделирования реалистичность отображения технологического объекта возрастает, при этом появляется возможность усложнения моделей с визуальной фиксацией хода процесса.

Содержание новой технологии обучения состоит в том, что студент в соответствии с описанием технологического процесса, режимными картами и значениями технологических величин разрабатывает алгоритм управления оборудованием. Далее алгоритм загружается в контроллер, и уже контроллер связывается с сервером модели технологического процесса. В результате реализации данной цепочки студент может наглядно определить, где именно он ошибся при разработке алгоритма, и устранить недоработку.

Главным преимуществом использования моделей процессов является то, что допускается наличие ошибки в достаточно сложном алгоритме без нанесения материального ущерба предприятию. Подобная лаборатория автоматизированных систем управления позволяет решать весь комплекс задач подготовки специалистов по автоматизации непрерывных технологических процессов и производств, в том числе и для реализации проектов по цифровизации производства [3].

В настоящее время управление производственным предприятием включает три основных уровня и соответствующие им классы ИТ-систем: Управление предприятием (ERP), Управление производством (MES), Управление агрегатами (АСУ ТП) [4]. Такая структура ИТ-систем предприятия удовлетворительно работает на производствах, технологический процесс которых относительно прост и может быть описан нормативами, а управление им сводится к соблюдению заданных нормативных режимов.

В черной металлургии MES-системы, как правило, применяются для координации производства на уровне предприятия, обеспечивая межцеховое взаимодействие, не управляя производством внутри сталеплавильного цеха: участок выплавки стали отличается целым рядом специфических особенностей, которые не позволяют эффективно использовать эти системы. Управление внутрицеховыми производственными процессами, обеспечение согласованности работы всех агрегатов и участков цеха по-прежнему остаются прерогативой персонала цеха, и выработка этих решений не обеспечивается средствами автоматизации [5].

В результате образовался своего рода разрыв между менеджментом и управлением технологическими процессами и, соответственно, между ERP – и MES-системами и АСУ ТП. Это обусловлено различием характера решаемых задач: задачи управления предприятием, задачи менеджмента имеют организационный характер, а управление производственной цепочкой в цехе сводится к технологическим задачам.

Эффективность системы управления циклом выплавки стали в цехе определяется возможностью адаптации (коррекции) технологиче-

ских режимов к текущей ситуации и наличием инструмента, надежно обеспечивающего их реализацию и выполнение поплавочных заданий. Надежным способом расчета коррекции технологических режимов является использование моделей, описывающих с достаточной точностью процессы, происходящие в агрегатах, а средством реализации рассчитанных режимов является АСУ ТП агрегатов, опирающееся на те же модели. Отсутствие в достаточной мере адекватной модели было главным препятствием при создании высокоэффективной системы управления производством в цехе.

Компанией «ЛАНИТ» разработана новая концепция теоретического описания тепло – и массообменных процессов, происходящих при выплавке, стали, которая позволила создать термодинамическую модель, позволяющую с высокой точностью рассчитывать параметры металла, шлака и газовой фазы, а также описывать траекторию развития процессов в зависимости от воздействия на процесс плавки. Это дает возможность уверенно контролировать текущее состояние технологического процесса, а также определять режимы ведения плавки, надежно обеспечивающие выполнение задания на плавку наиболее рациональным способом.

Созданная модель может использоваться в качестве теоретического ядра в системах управления не только отдельными агрегатами, но и при создании систем сквозного управления комплексом выплавки стали, состоящим из нескольких агрегатов. Таким образом, система оперативного согласования получает недостающий инструмент для выполнения необходимых технологических расчетов, а АСУ ТП агрегатов, построенных с использованием этих моделей, становится средством надежного и рационального выполнения поплавочных заданий, что в итоге обеспечивает эффективность внутрицехового оперативного управления производством [6].

Предложена система контроля состояния огнеупорной футеровки горна доменной печи. Разработаны математическое описание, алгоритм и компьютерная программа расчета двумерных температурных полей в любом вертикальном и горизонтальном сечении футеровки горна доменной печи. Расчет ведется путем решения уравнений теплопроводности с использованием показаний большого числа датчиков температуры (до 700), вмонтированных в футеровку печи между огнеупорными блоками. Алгоритм расчета усовершенствован в части учета сложного профиля нижней части доменной печи с использованием теоремы отсчетов (теорема Котельникова или теорема Найквиста – Шеннона). Разработаны методика определения оптимального количества и расположения термодпар в футеровке горна доменной печи и методика определения теплофизических свойств огнеупорных материалов по кривым разгона температур после задувки доменной печи. Используется система сбо-

ра, обработки и передачи информации от датчиков температур в базу данных программы. Кроме специального программного обеспечения, применены:

- термопреобразователи кабельные типа ХА или НН для замера температуры в футеровке горна и лещади доменной печи;
- газоплотные устройства для вывода термопреобразователей из доменной печи;
- сборные кроссовые шкафы вокруг печи в соответствии с расположением газоплотных устройств;
- линия связи от сборных кроссовых шкафов до пульта управления печью;
- компьютеры, мониторы и другая необходимая техника, связанная через локальную сеть с контроллерами главного компьютера пульта управления.

Непрерывный контроль изменения температуры в каждой точке позволяет определить текущую толщину огнеупорной футеровки или появление гарнисажа и предупредить персонал печи о начале разгара футеровки. Разработанный интерфейс программы позволяет мастеру печи использовать многие дополнительные функции контроля, в частности, историю показаний датчиков, оставшейся толщины футеровки и т.д. Системы контроля состояния футеровки горна доменной печи установлены на пяти доменных печах трех металлургических комбинатов Китая: «Jinan Iron & Steel Company» в г. Цзинань № 4 объемом 3200 м³, «Henan Jiyuan Iron & Steel (Group) Company» в г. Цзююань № 2 объемом 1080 м³, «Guangxi Liuzhou Iron & Steel (Group) Company» в г. Лючжоу № 4 объемом 2500 м³, «Jinan Iron & Steel Company» в г. Цзинань № 3 объемом 1750 м³; «Jinan Iron & Steel Company» в г. Цзинань № 1 объемом 1750 м³ [7].

В последние годы значительно возросло количество киберинцидентов в промышленных информационных системах и АСУ. По данным исследований института SANS более 60% организаций рассматривают уровень существующих киберугроз для своих АСУ как критический, в более 70% организаций за прошедший год произошел хотя бы один киберинцидент.

Увеличение возможностей для атаки на промышленные информационные системы и АСУ связано с:

- использованием Интернета как транспортной среды;
- использованием беспроводной связи в АСУ;
- удаленным доступом для обслуживания и сервиса;
- обменом информацией между технологической сетью и бизнес – приложениями предприятия;
- доступом к внешним сервисам.

Наличие уязвимостей в АСУ позволяет злоумышленникам использовать их для атак на такие системы. Основными направлениями атаки на промышленные информационные системы являются:

- атака на технологическую сеть через офисную компьютерную сеть;
- использование вредоносного программного обеспечения типа MalOT для атаки на уровень оперативно-диспетчерского управления АСУ;
- несанкционированное скрытое подключение устройств на уровне промышленной сети для атаки на устройства АСУ.

Компания «ИнфоТекС» для защиты АСУ предлагает решения, на основе которых можно выстроить эшелонированную защиту, соответствующую Требованиям ФЗ № 187 от 26.07.2017 г. «О безопасности критической информационной инфраструктуры РФ» [8], Приказу ФСТЭК № 239 от 25.12.2017 г. «Об утверждении Требований по обеспечению безопасности значимых объектов критической информационной инфраструктуры РФ» [9].

Для защиты периметра, сегментирования, защиты каналов разработан программно-аппаратный комплекс (ПАК) ViPNet Coordinator IG (Industrial Gateway) [10]. Он выполняет функции промышленного межсетевого экрана и криптографического шлюза. ViPNet Coordinator IG поддерживает различные стандарты связи и промышленные протоколы передачи данных, обладает расширенными характеристиками по обеспечению надежности и условиям эксплуатации, имеет промышленный дизайн, предназначен для установки непосредственно на объектах автоматизации. Совместно с продуктами ViPNet Network Security ViPNet Coordinator IG позволяет реализовывать сценарии защищенного удаленного доступа, защищенного мониторинга и телеконтроля.

Для защиты конечных узлов и коммуникаций по последовательным каналам применяется встраиваемое решение ViPNet SIES (Security for Industrial and Embedded Systems) [11]. ViPNet SIES позволяет реализовать для устройств АСУ следующие сценарии защиты:

- стойкая идентификация и аутентификация;
- доверенное обновление;
- доверенная загрузка;
- доверенное конфигурирование;
- защита коммуникаций.

В каждое защищаемое устройство интегрируется свой компонент: для контроллеров ПЛК, счетчиков и других устройств нижнего уровня используется ПАК ViPNet SIES Core; для устройств верхнего уровня – ПО ViPNet SIES Unit и ПАК ViPNet SIES Server. Компоненты решения ViPNet SIES создают в АСУ доверенные узлы и предоставляют им криптографический сервис с помощью простого абстрагированного от криптогра-

фии API. Так как устройства на нижнем уровне являются малоресурсными, ViPNet SIES Core не предъявляет дополнительных требований к объему памяти или вычислительным ресурсам таких устройств. Ключевая информация также хранится внутри ViPNet SIES Core и SIES Unit.

Управление всеми компонентами решения ViPNet SIES автоматизировано и выполняется администратором безопасности через графический интерфейс системы управления ViPNet SIES MC (Management Center).

Таким образом, цифровизация в металлургической отрасли в РФ имеет положительную тенденцию, приближая нашу страну к эпохе Industry 4.0.

Литература:

1. Круглый стол. Индустрия 4.0: цифровая трансформация промышленного предприятия // Rational Enterprise Management / Рациональное Управление Предприятием. – URL: http://www.remmag.ru/upload_data/files/2017-0304/RT.pdf (дата обращения: 30.09.2020).

2. Петрова С.Н., Коржавина Н.В., Гурская Т.В. Об использовании технологии смешанного обучения в Техническом университете УГМК // Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2020. – № 2. – С. 173-189.

3. Лаборатория автоматизированных систем управления // Технический ун-т УГМК. – URL: <https://tu-ugmk.com/info/science/laboratoriya-avtomatizatsii-tehnologicheskikh-protsesov/> (дата обращения: 30.09.2020).

4. Дробитько А.В., Орлов Ю.К. Разработка системы диспетчеризации автоматизированной системы управления технологической линией // Информатика, управляющие системы, математическое и компьютерное моделирование (ИУСМКМ-2019). – Донецк: Донецкий национальный технический ун-т, 2019. – С. 131-136.

5. Шмаков В.И. Развитие информационных технологий на металлургических предприятиях // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. – 2017. – № 4-1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-informatsionnyh-tehnologiy-na-metallurgicheskikh-predpriyatiyah> (дата обращения: 30.09.2020).

Datana Smart // Datana URL: <https://www.datana.ru/solutions/smart/> (дата обращения: 30.09.2020).

6. Дмитриев А.Н., Золотых М.О., Витькина Г.Ю. Совершенствование аглококсодового производства с использованием цифровых технологий в рамках «Индустрии 4.0» // Черная металлургия. Бюллетень научно-технич. и эконом. информации. – 2020. – № 76(4). – С. 339-343. – <https://doi.org/10.32339/0135-5910-2020-4-339-343>.

7. О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации // ФСТЭК. – URL: <https://fstec.ru/tekhnicheskaya-zashchita-informatsii/obespechenie-bezopasnosti-kriticheskoy-informatsionnoj-infrastruktury/285-zakony/1610-federalnyj-zakon-ot-26-iyulya-2017-g-n-187-fz> (дата обращения: 30.09.2020).

8. Об утверждении требований по обеспечению безопасности значимых объектов критической информационной инфраструктуры РФ: Приказ ФСТЭК России от 25 дек. 2017 г. № 239 // Правовой сервер «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – URL: <http://consultant.ru>

9. ViPNet Coordinator IG // ИнфоТеКс URL: <https://infotecs.ru/product/setevye-komponenty/vipnet-coordinator-ig/>

10. ViPNet SIES // ИнфоТеКс. – URL: <https://infotecs.ru/product/klient-skie-komponenty/vipnet-sies/>

References:

1. Round table. Industry 4.0: digital transformation of an industrial enterprise // Rational Enterprise Management. – URL: http://www.remmag.ru/upload_data/files/2017-0304/RT.pdf (date of access: 30.09.2020).

2. Petrova S., Korzhavina N., Gurskaya T. On the use of blended learning technology at the UMMC Technical University // Bulletin of the Leningrad State Pushkin University. – 2020. – № 2. – P. 173-189.

3. Laboratory of automated control systems // Technical University UGMC. – URL: <https://tu-ugmk.com/info/science/laboratoriya-avtomatizatsii-tehnologicheskikh-protseessov> (date of access: 30.09.2020).

4. Drobitko A., Orlov Yu. Development of a dispatching system for an automated control system for a technological line // Informatics, control systems, mathematical and computer modeling (IUSMKM-2019). – Donetsk: Donetsk National Technical University, 2019. – P. 131-136.

5. Shmakov V. Development of information technologies at metallurgical enterprises // Izvestiya TulGU. Economic and legal sciences. – 2017. – № 4-1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-informatsionnyh-tehnologiy-na-metallurgicheskikh-predpriyatiyah>

Datana Smart // Datana. – URL: <https://www.datana.ru/solutions/smart/> (date of access: 30.09.2020).

6. Dmitriev A., Zolotykh M., Vitkina G. Improvement of sinter-coking and blast-furnace production using digital technologies within the framework of «Industry 4.0» // Ferrous metal industry. Bulletin of scientific, technical and economic information. – 2020. – № 76(4). – P. 339-343. – <https://doi.org/10.32339/0135-5910-2020-4-339-343>.

7. On the security of the critical information infrastructure of the Russian Federation // FSTEK. – URL: <https://fstec.ru/tekhnicheskaya-zashchita-informatsii/obespechenie-bezopasnosti-kriticheskoy-informatsionnoj-infrastruktury/>

infrastruktury/285-zakony/1610-federalnyj-zakon-ot-26-iyulya-2017-g-n-187-fz (date of access: 30.09.2020).

8. On the approval of requirements for ensuring the security of significant objects of critical information infrastructure of the Russian Federation: Order of the FSTEC of Russia dated December 25, 2017, № 239 // Legal server «ConsultantPlus». [Electronic resource]. – URL: <http://consultant.ru>

9. ViPNet Coordinator IG // ИнфоТеКС. – URL: <https://infotecs.ru/product/setevye-komponenty/vipnet-coordinator-ig>

10. ViPNet SIES // ИнфоТеКС. – URL: <https://infotecs.ru/product/klient-skie-komponenty/vipnet-sies>

УДК 331.104

ХАРАКТЕР ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ И ОРИЕНТАЦИИ НА ДЕЛО/ОТНОШЕНИЯ КАК ВАЖНЕЙШИЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ СТИЛЯ РУКОВОДСТВА

THE NATURE OF DECISION-MAKING AND BUSINESS ORIENTATION/RELATIONSHIPS AS THE MOST IMPORTANT COMPONENTS OF A LEADERSHIP STYLE

*ДЫРИН С.П., д-р социол. наук, профессор кафедры менеджмента и
экономико-математических дисциплин НчФ Университета управления
«ТИСБИ», г. Набережные Челны*

E-mail: sdyrin@yandex.ru

*DYRIN S., Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department
of Management and Economic and Mathematical Disciplines, the University
of Management «TISBI», Naberezhnye Chelny*

E-mail: sdyrin@yandex.ru

Аннотация

В статье автор осуществляет попытку предложить собственную типологию стиля руководства. При этом в качестве оснований для классификации стилей руководства автор предлагает два показателя: характер принятия решений и ориентацию руководителя на дело/отношения. Исходя из сочетания двух этих показателей, автор выделяет четыре стиля руководства: авторитарно-технократический, патерналистский, партисипативный и коммунальный.

Ссылаясь на результаты собственных исследований, автор отмечает, что в условиях современных российских предприятий господствующими являются авторитарный и патерналистский стили руководства.

Ключевые слова: стиль руководства, принятие решений, ориентация на дело, ориентация на отношения.

Abstract

In the article, the author tries to offer his own typology of a leadership style. At the same time, the author offers two indicators as the basis for classifying management styles: the nature of decision-making and the orientation of the Manager on the case\ relationship. Based on the combination of these two indicators, the author identifies four leadership styles: an authoritarian-technocratic style, a paternalistic style, a participatory and a communal leadership style.

Referring to the results of his own research, the author notes that in the conditions of modern Russian enterprises dominant styles are the authoritarian and the paternalistic leadership styles.

Key word: *leadership style, decision-making, business orientation, relationship.*

Начиная с исследований Ф. Фидлера [7], проблема стиля руководства рассматривается, прежде всего, с позиций ситуативного лидерства. Важнейшими факторами, определявшими на взгляд сторонников концепции ситуативного лидерства выбор того или иного стиля руководства, были преимущественно факторы внутренней среды предприятия (размер предприятия, степень стандартизованности выполняемых подчиненными задач и т.д.) или, в крайнем случае, факторы внешней среды прямого воздействия: поведение поставщиков, потребителей, конкурентов, органов государственного управления. В данном случае наша гипотеза состоит в том, что выбор стиля руководства определяется не столько факторами внутренней среды и факторами внешней среды прямого воздействия, сколько некоторыми факторами внешней среды косвенного воздействия, прежде всего этнокультурными особенностями поведения персонала и самих руководителей. В силу этого нам представляется целесообразным предпринять попытку типологии стилей руководства с учетом данного предположения.

Первая попытка типологии стилей руководства, как известно, принадлежит К. Левину [8]. Он использовал, по сути дела, лишь одно основание для деления – характер принятия управленческих решений и выделил три основных стиля руководства: авторитарный, демократический и либеральный. Подобная типология предполагает последовательное уменьшение степени концентрации управленческих полномочий в верхних эшелонах власти, делегирование полномочий вниз по вертикали, привлечение подчиненных к принятию решений и даже полное устранение руководителя от принятия управленческих решений, что характерно для либерального стиля руководства. Впоследствии показатель степени участия подчиненных в принятии управленческих решений использовался для разработки своих концепций типологии стилей руководства многими учеными, в частности, Р. Танненбаумом и У. Шмидтом [9], В. Врумом, Ф. Йеттоном и А. Яго [10] и др. Но при всем внешнем сходстве подходов к оценке стилей руководства между К. Левиным и сторонниками концепции ситуативного лидерства в ре-

альности между ними существуют принципиальные различия. К. Левин оценивал тот или иной стиль руководства прежде всего с точки зрения его соответствия базовым ценностям Западного общества, которые он считал ценностями общечеловеческими. С этой точки зрения демократический стиль он закономерно считал наиболее эффективным, поскольку, по его мнению, именно этот стиль в наибольшей степени способствовал развитию гражданского общества. Для сторонников же концепции ситуативного лидерства стиль руководства представлял собой прежде всего совокупность способов воздействия на подчиненных с целью достижения поставленных перед предприятием технико-технологических и экономических задач. В силу этого критерием оценки эффективности того или иного стиля руководства выступает эффективность самого предприятия, результат, полученный с помощью того или иного стиля. И если интересы производства требуют применения стиля руководства, ограничивающего свободу работников, то это представлялось указанным авторам вполне оправданным.

Однако уже вскоре стало очевидно, что использование только лишь этого показателя не позволяет получить всю полноту представлений о возможных вариантах стиля руководства. Неполнота подобного рассмотрения актуализировалась в силу того, что во второй половине XX века организация стала рассматриваться прежде всего как социальная система, где одним из элементов выступает человек. В рамках концепции организации как социальной системы работник рассматривался не просто как субъект производственных функций, а прежде всего как личность, имеющая собственные цели и интересы, которые нужно согласовать с интересами предприятия. В силу этого для типологии стилей руководства был введен другой показатель – каково соотношение ценностей результата деятельности предприятия и ценности человека, на данном предприятии работающего. Впервые подобный подход к типологии стилей руководства был предложен Блейком и Мутоном и впоследствии развит в ряде других концепций. Однако и в данном случае использование одного только этого показателя не отражает всей гаммы возможных на предприятии управленческих ситуаций. Скажем, ориентация на дело включает в себя две достаточно разных ситуации: тиранию одного лица, в интересах дела отрицающего интересы остальных членов организации, с одной стороны, и добровольный отказ работник от части своих интересов в пользу интересов организации – с другой стороны. В свою очередь, ориентация на человека также может иметь различные варианты. Работник может рассматриваться как самостоятельный субъект деятельности, которому делегировали часть управленческих полномочий, а может рассматриваться как некий пассивный объект, о котором нужно заботиться и в целом относиться с позиций патернализма.

Исходя из этого, нам представляется необходимым предложить типологию стилей руководства, основанную одновременно на двух упоминавшихся ранее показателях: степени участия человека в принятии управленческих решений и преимущественной ориентации на дело или на человека. Соотнеся два этих показателя, можно предложить следующую типологию стилей руководства (рис. 1):

	Индивидуальный характер принятия решений	Коллективный характер принятия решений
Ориентация на дело	Авторитарно- технократический стиль	Партисипативный стиль
Ориентация на отношения	Патерналистский стиль	Коммунальный стиль

Рис. 1. Типология стилей руководства

1. Авторитарно-технократический стиль представляет собой сочетание индивидуального характера принятия решений при ярко выраженной ориентации прежде всего на интересы производства. Для него характерны следующие признаки:

- Концентрация полномочий на принятие управленческих решений в одних руках.
- Преобладание формального типа власти, приоритет формальных отношений, правил и норм над неформальными.
- Большая дистанция власти между руководством и подчиненными.

2. Партисипативный стиль строится на преимущественно коллективном характере принятия управленческих решений и ярко выраженной ориентации на дело (результат). Наиболее существенными признаками данного стиля являются следующие:

- Право на принятие важнейших управленческих решений принадлежит не одному лицу, а всем работникам либо (что чаще всего) наиболее квалифицированной части персонала.

- Руководитель выступает при этом, прежде всего, как координатор совместных действий по разработке и принятию решений.

- Работники в одинаковой степени заинтересованы в производственном или в экономическом результате, в силу чего распространена практика, когда они добровольно ограничивают свои интересы в пользу интересов производства.

3. Патерналистский стиль построен на преимущественно индивидуальном принятии управленческих решений и преимущественной ориентации на человека. Основные его признаки следующие:

- Право на принятие управленческих решений принадлежит руководителю.

- Подчиненные добровольно признают за руководителем право на единоличное принятие решений.

- Господствующим типом власти является харизматическая и традиционная власть.

- Большое значение имеют неформальные отношения в организации.

- В организации установлен определенный баланс между производственными и социальными целями, и тем и другим уделяется большое внимание.

4. Коммунальный стиль предполагает коллективный характер принятия решений при одновременной ориентации на человека. Такой стиль может быть выявлен на основании следующих признаков:

- Социальные цели доминируют над производственными и экономическими целями.

- Реальная власть принадлежит не столько формальному руководителю, сколько влиятельным неформальным группам.

- Господствующим типом власти является харизматическая власть неформальных лидеров.

Исследования стиля руководства, проведенные автором в 2000-2010 гг., показали, что в условиях современных российских предприятий господствующими являются авторитарный и патерналистский стили руководства.

Литература:

1. Дырин С.П. Управление персоналом: от кадрового подхода к многоаспектному // Кадровик. – 2016. – № 9. – С. 5-10.

2. Дырин С.П. Типология организационной культуры российских предприятий // Философия, наука, культура: Сб. научных статей, посвященных 60-летию проф. А. А. Шестакова. – Самара, 2015. – С. 243-256.

3. Никулин А.М. Предприятия и семьи в России: социокультурный симбиоз // Куда идет Россия? Трансформация социальной сферы и социальная политика / Под ред. Т.И. Заславской. – М.: Дело, 1998. – С. 218-229.

4. Никифорова Н.А. Формальный статус руководителя как детерминанта восприятия его подчиненными: Дисс. ... канд. психол. наук. – Иваново, 1998.

5. Филонович С.Р. Лидерство и практические навыки менеджера. – М.: Инфра М., 2000.

6. Эндо Ю. К вопросу о формировании теории лидерства // Менеджмент. – 2018. – № 7. – С.78-95.

7. Fiedler F. The Contingency Approach to Leadership Training // Organizational Dynamics. – 1976. – Winter. – P. 6-16.

8. Lewin K. The Field Theory in Social Science. – N.Y.: Harper & Row, 1951.

9. Tannenbaum R., Schmidt W. How to Choose a Leadership Pattern // Harward Business Review. – 1958. – March-April. – P. 117-132.

10. Vroom V., Jago A. On the validity of the Vroom-Jetton Model // Journal of Applied Psychology. – 1978. – Vol. 63. – P. 151-162.

References:

1. Dyrin S. Personnel management: from personnel approach to multidimensional // Personnel officer. – 2016. – № 9. – P. 5-10.

2. Dyrin S. The typology of organizational culture of Russian enterprises // Philosophy, science, culture: A collection of scientific articles dedicated to the 60th anniversary of Prof. A. Shestakov. – Samara, 2015. – P. 243-256.

3. Nikulin A. Enterprises and families in Russia: socio-cultural symbiosis // Where is Russia going? Transformation of the social sphere and social policy / Ed. T. Zaslavskaya. – М.: Delo, 1998. – P. 218-229.

4. Nikiforova N. Formal status of a leader as a determinant of perception by his subordinates: Diss. ... Cand. psychol. sciences. – Ivanovo, 1998.

5. Filonovich S. Leadership and practical managerial skills. – М.: Infra M., 2000.

6. Endo Yu. To the question of the formation of the theory of leadership // Management. – 2018. – № 7. – P. 78-95.

7. Fiedler F. The Contingency Approach to Leadership Training // Organizational Dynamics. – 1976. – Winter. – P. 6-16.

8. Lewin K. The Field Theory in Social Science. – N.Y.: Harper & Row, 1951.

9. Tannenbaum R., Schmidt W. How to Choose a Leadership Pattern // Harward Business Review. – 1958. – March-April. – P. 117-132.

10. Vroom V., Jago A. On the validity of the Vroom-Jetton Model // Journal of Applied Psychology. – 1978. – Vol. 63. – P. 151-162.

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИСПОЛНЕНИЯ БЮДЖЕТОВ
ПО ДОХОДАМ ЦАРСКОЙ РОССИИ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**THE COMPARATIVE ANALYSIS OF THE EXECUTION
OF BUDGET ESTIMATION VALUES IN CZAR RUSSIA
AND IN THE RUSSIAN FEDERATION**

ДАНИЛИНА И.Н., канд. экон. наук, доцент кафедры «Финансы и кредит»
Университета управления «ТИСБИ»

Тел.: +7(996)949-51-69

E-mail: danilinain@yandex.ru

ВАСИЛЬЧЕНКО А.А., бакалавр экономического факультета Университета
управления «ТИСБИ»

DANILINA I., Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
of the Department of Finance and Credit, the University of Management «TISBI»

Tel.: + 7(996)949-51-69

E-mail: danilinain@yandex.ru

VASILCHENKO A., bachelor's degree student, the Faculty of Economics,
the University of Management «TISBI»

Аннотация

Доходы бюджета – это основа деятельности любого государства во все времена. Опыт прошлого позволяет совершенствовать современные механизмы по увеличению доходной составляющей бюджета. Изменение структуры доходов, а именно увеличение доходов от наукоемких отраслей, является первоочередной задачей финансовых органов в период турбулентности современной экономики.

Ключевые слова: казначейство, исполнение бюджета, доходы, государственный бюджет.

Abstract

Budget revenues are the basis of the activity of any state at all times. The experience allows us the importance of improving modern mechanisms to increase the revenue component of the budget. The primary task of financial authorities in a period of turbulence in the modern economy is to change the structure of income, namely to increase the outcome of income from knowledge-intensive industries.

Key words: treasury, budget execution, revenues, state budget.

Деятельность любого государства неразрывно связана с главным финансовым документом страны – бюджетом. Во все времена бюджет для России являлся и является самым важным способом регулирования экономического положения и правопорядка в стране.

Поскольку казначейская система представляет собой одну из самых надежных и динамично развивающихся систем, нельзя не сказать о ее важности для России. Для того чтобы средства, поступающие в бюджет, эффективно расходовались и были опорой отраслям, нуждающимся в материальной поддержке, несколько веков императоры Великой России, президенты выстраивают организованный и достаточно жесткий процесс управления доходами.

Актуальность темы исследования определяется особой важностью доходной составляющей бюджета для реализации государством своих функций.

Сущность и значение бюджета как экономической категории особенно выделяет М.В. Киселев. Так, в частности, он считает: «Государственный бюджет – это форма образования и расходования фонда денежных средств, предназначенных для финансового обеспечения задач и функций государства и местного самоуправления». Более того, консолидированный бюджет представляет собой свод бюджетов бюджетной системы Российской Федерации на соответствующей территории без учета межбюджетных трансфертов между этими бюджетами [1].

Организацию исполнения бюджета в настоящее время невозможно представить без органов Федерального Казначейства. Сама история возникновения Казначейства уходит корнями в дальнее прошлое и совпадает с процессом формирования Русского централизованного государства.

Первое упоминание «казны» встречается в 1328 г. во время правления Ивана Калиты, именно туда стекались золото, серебро. При нем же мы замечаем первые прообразы казначейства – создание государственных органов, во главе которых стоит казначей. Лишь через четыре века появляются коллегии, самыми важными из которых являются камер-коллегия, ревизион-коллегия и штатс-коллегия. В 1821 году создан Департамент государственного казначейства, а к 1910 году было создано 728 казначейств, в число которых входили губернские и областные [7].

Правильная система управления казенными средствами резко снижала взяточничество в сфере государственных финансов, таким образом роль казначейства стала заметно увеличиваться. Наблюдался рост как доходов, так и расходов. Данные представлены в таблице 1 [6].

Таблица 1. Государственный бюджет России за 1913 г. (млн. руб.)

Годы	Обыкновенный бюджет			Чрезвычайный бюджет			Суммарный бюджет		
	Доходы	Расходы	Излишек или дефицит	Доходы	Расходы	Излишек или дефицит	Доходы	Расходы	Излишек или дефицит
1913	3417,4	3094,2	+323,2	13,8	288,7	-274,9	3431,2	3382,9	+48,3

В 1913 г. доходы по бюджету выросли до громадной цифры – почти в 3,5 млн. руб., и это позволило правительству временно отказаться от

ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ

заклучения займов для покрытия бюджетного дефицита (данные представлены в таблице 2) [5].

Таблица 2. Доходная часть обыкновенного бюджета России за 1913 г. (млн. руб.)

Статьи дохода	1913 г.	
	Доходы	%
Прямые налоги	272,5	8,0
Косвенные налоги	708,1	20,7
Пошлины	231,2	6,8
Правительственные регалии	1024,9	30,0
Доходы от казенного имущества	1043,7	30,6
Доходы от отчуждения государственного имущества	2,9	0,1
Выкупные платежи	1,2	0,03
Возмещение расходов главного казначейства	116,7	3,4
Прочие статьи доходов	16,2	0,4
Итого	3417,4	100,0

Таким образом, мы видим, что прямые налоги, которые включали в себя налоги с недвижимого имущества, поземельные и т.д., составляют всего лишь 8%, в тот момент, как доходы от казенного имущества, а именно от эксплуатации казенных железных дорог, составляют больше 30%.

При этом приблизительно такой же вклад в казну государства вносили «Правительственные регалии» или же доходы от введенной казенной винной монополии, от деятельности телефонных телеграфных учреждений. А.Л. Сидоров по-своему изложил структуру бюджета перед войной и привел роспись доходов 1913 г. (см. диаграмму 1).

Диаграмма 1. Роспись доходов 1913 г. в млн. руб.

На основании полученных данных видно, что свыше четверти всех доходов давала та самая винная монополия, по причине которой бюд-

жет в Царской Империи называли «пьяным», и несмотря на отсутствие подоходного налога, его очень просто покрывали акцизы на алкоголь [5].

В Российской Федерации на протяжении двадцати лет совершенствуется нормативно-правовая база. Бюджетный кодекс как основной нормотворческий документ предполагает все более совершенные механизмы исполнения бюджета по доходам.

Согласно ст. 6 Бюджетного кодекса Российской Федерации: «Доходы бюджета – поступающие в бюджет денежные средства, за исключением средств, являющихся в соответствии с настоящим Кодексом источниками финансирования дефицита бюджета» [2].

Учет всех налогов и сборов на всех уровнях бюджетов осуществляется органами Федерального казначейства, именно это позволяет органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органам местного самоуправления и налоговым органам иметь оперативную информацию о поступивших с территории субъектов Российской Федерации налогах и сборах.

Важнейшим фактором ускорения экономического роста в стране является повышение эффективности общего функционирования системы бюджета.

Федеральное казначейство систематически совершенствует информационные технологии и финансовые механизмы контроля, направленные на повышение доходной составляющей бюджета.

Благодаря казначейским технологиям можно сказать, что федеральный бюджет полностью находится под контролем государства. Проведем оценку структуры федерального бюджета (данные представлены в таблице 3).

Таблица 3. Структура доходов Федерального бюджета Российской Федерации за 2019 г.

Показатель	Млрд. руб.	%
Доходы	19 969,3	100,0
Нефтегазовые доходы	8 298,2	41,5
НДПИ	6 059,3	73,0
Вывозные таможенные пошлины	2 436,7	29,4
Акциз на нефтяное сырье, направленное на переработку	103,1	1,2
НДД	-300,8	-3,6
Не нефтегазовые доходы	11 671,1	58,5
Связанные с внутренним производством	5 916,4	50,7
Связанные с импортом	3 667,6	31,4
Прочие не нефтегазовые доходы	2 087,2	17,9

Для более детального анализа представим структуру доходов в виде диаграмм (см. диаграммы 2-4).

Диаграмма 2. Не нефтегазовые доходы, связанные с внутренним производством (млрд. руб.)

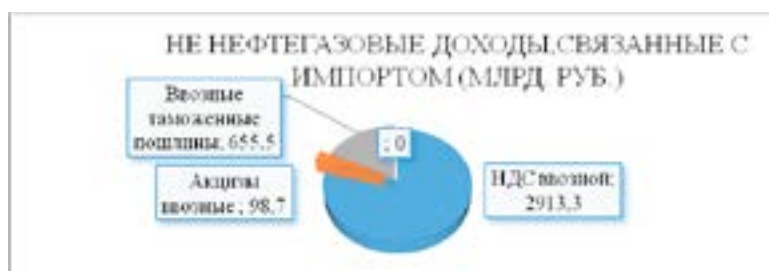

Диаграмма 3. Не нефтегазовые доходы, связанные с импортом (млрд. руб.)

Диаграмма 4. Прочие не нефтегазовые доходы (млрд. руб.)

На основании полученных данных мы видим, что 58,5% всех доходов прогнозируемого федерального бюджета на 2020 г. составляют не нефтегазовые доходы, в которых доля доходов, связанных с внутрен-

ним производством, составляет 50,7%. Налог на добычу полезных ископаемых превышает 70% от всех нефтегазовых доходов, которые, в свою очередь, составляют 41,5%, или 8298,2 млрд. руб. всех доходов страны. Отдельно хотелось бы выделить долю внутреннего и ввозного налогов на добавленную стоимость, составляющих в сумме 6899,7 млрд. руб. в общей сумме доходов Российской Федерации. Более того, бюджет страны обеспечен не нефтегазовыми доходами, связанными с импортом на 3667,6 млрд. руб., или же на 31,4%.

Таким образом, наибольший удельный вес всех доходов России занимают: налог на добычу полезных ископаемых, внутренний и ввозной налоги на добавленную стоимость и вывозные таможенные пошлины.

Различия и сходства в структурах федерального бюджета по доходам за 1913 и 2020 гг. не заметить невозможно. Проводя сравнительный анализ данных бюджетов, нам удалось выяснить, что в тот момент, как в Царской России прямые налоги имели незначительный вес всех доходов страны, в наши дни они же составляют более одной трети доходов Российской Федерации. Косвенные налоги не теряют своей значимости во все времена.

Следовательно, Россия – страна богатая не только широтами и просторами, но и полезными ископаемыми, которые, в свою очередь, составляют большую часть бюджета.

Изучив процессы исполнения и статьи доходов бюджета Российской Федерации, можно сделать вывод, что для ускорения экономического роста России в 2020 г., в связи с турбулентностью ситуации с Covid-19, государству необходимо осуществлять инвестиционную политику, направленную на создание отраслей инновационных технологий, что позволит создавать в будущем доходы от реального сектора экономики. Тем самым структура бюджета и зависимость от нефтегазовых доходов будут уменьшаться, а доходная составляющая от наукоемких, инновационных отраслей – увеличиваться.

Литература:

1. Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 3-е. – Т. XII. – № 8708. [С 1 марта 1881 г. по 1913 г.]: [В 33-х т.]. – СПб.; Пг.: Гос. тип., 1885-1916. – С. 430-456.

2. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 г. № 145-ФЗ (принят ГД ФС РФ 17.07.1998 г.) // Собрание законодательства РФ. – 03.08.1998. – № 31. – Ст. 3823.

3. Федеральный закон от 27.12.2019 г. № 479-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части казначейского обслуживания и системы казначейских платежей».

4. Ежегодник Министерства финансов. – Вып. 1902. – СПб., 1903.

5. Академия наук СССР / А.Л. Сидоров. «Финансовое положение России в годы Первой мировой войны» (1914-1917). – 1-е изд. Академии наук СССР. – М., 1960.

6. Данилина И.Н. Теоретические и методологические подходы к совершенствованию казначейства в современной экономической системе: Автореф. дис. ... канд. экон. наук / Чувашский гос. ун-т им. И.Н. Ульянова. – Чебоксары, 2007.

7. Федеральное казначейство. Официальный сайт Казначейства России. – Режим доступа: <https://roskazna.gov.ru/o-kaznachejstve/istoriya/> (дата обращения: 14.10.2020).

References:

1. Complete collection of laws of the Russian Empire. – The 3rd Collection. – Vol. XII. – № 8708. [From March 1, 1881 to 1913]: [In 33 volumes]. – SPb.; State type, 1885-1916. – P. 430-456.

2. The Budget Code of the Russian Federation dated 07/31/1998 № 145-FZ (adopted by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation on July 17, 1998) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 08/03/1998. – № 31. – Article 3823.

3. Federal Law dated 27.12.2019 № 479-FZ (as amended on 31.07.2020) «On Amendments to the Budget Code of the Russian Federation in terms of treasury services and the system of treasury payments».

4. Yearbook of the Ministry of Finance. – Issue 1902. – SPb., 1903.

5. Academy of Sciences of the USSR / A.L. Sidorov. «The financial situation of Russia during the First World War» (1914-1917). – The first publishing house of the USSR Academy of Sciences. – Moscow, 1960.

6. Danilina I. Theoretical and methodological approaches to improving the treasury in the modern economic system: Dissertation abstract for the degree of candidate of economic sciences / Chuvash State Ulyanov University. – Cheboksary, 2007.

7. The Federal Treasury. Official website of the Russian Treasury. – Access mode: <https://roskazna.gov.ru/o-kaznachejstve/istoriya> (access date: 10/14/2020).

**ОСОБЕННОСТЬ КЛАССИФИКАЦИИ ОБОРОТНЫХ СРЕДСТВ
В РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛЕ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ****THE NATURE OF CLASSIFICATION OF WORKING CAPITAL
AT RETAIL AND ITS SIGNIFICANCE**

СЮРКОВА С.М., канд. экон. наук, доцент Университета управления «ТИСБИ»
E-mail: syurkova@mail.ru

САЛАХОВА Д.Р., магистрант Университета управления «ТИСБИ»
E-mail: sdd_1964@mail.ru

SYURKOVA S., Associate Professor, PhD, the University of Management «TISBI»
E-mail: syurkova@mail.ru

SALAKHOVA D., a Master's Degree student, the University of Management «TISBI»
E-mail: sdd_1964@mail.ru

Аннотация

Сфера розничной торговли специфична, и оборотные средства не исключение. Ведь некоторые элементы в структуре оборотных средств отсутствуют. Особое внимание торговым организациям необходимо уделять запасам товаров, предназначенным для перепродажи. В данной статье рассматривается особенность оборотных средств торговых организаций, а также раскрывается роль запасов в структуре оборотных средств.

Ключевые слова: оборотные средства, оборотный капитал, операционный цикл, источники образования оборотных средств, оборотные фонды, фонды обращения, торговые организации.

Abstract

The nature of a retail sphere is specific and working capital is no exception. After all, some elements in the structure of working capital are not present. Trade organizations should pay particular attention to resale stocks. This article discusses the working capital features of trading organizations, and discloses the role of stocks in the structure of the working capital.

Key words: current assets, working capital, operational cycle, sources of formation of current assets, revolving funds, funds of the address, trade organizations.

Розничная торговля, как следует из ее определения, обеспечивает продажу товаров конечным потребителям – населению – для их использования в личных, семейных, домашних целях. Розничные продажи в стоимостном выражении отражают размер удовлетворенного спроса потребителей [1, с. 48].

В настоящее время розничная торговля России в основном представлена малыми предприятиями, но доля крупного бизнеса активно увеличивается.

К основным функциям розничной торговли на рынке можно отнести следующие:

- ликвидирует пространственный и временной дефицит товаров;
- формирует потребительский ассортимент товаров;
- осуществляет необходимые производственные работы (упаковка, маркировка и т.д.);
- кредитует покупателей товаров;
- осуществляет маркетинговые работы;
- оказывает дополнительные услуги покупателям [1, с. 49].

Функционирование любого хозяйствующего субъекта, в том числе предприятий торговли, невозможно без наличия оборотного капитала. Особенностью оборотного капитала является высокая скорость оборачиваемости. К примеру, у основного капитала скорость оборачиваемости намного ниже. Оборотный капитал предназначен для поддержания деятельности любой компании, в том числе и в сфере рознично-торговой сети. Хотелось бы отметить, что именно оборотный капитал удовлетворяет потребности организаций в денежных и материальных ресурсах.

Существуют такие понятия, как оборотный капитал, оборотные средства, оборотные фонды и фонды обращения. Далее раскроем эти понятия.

Оборотный капитал – это средства торговых организаций, инвестируемые ими в создающие основную прибавочную стоимость оборотные активы, на период каждого операционного цикла для обеспечения текущей деятельности [2, с. 45].

Оборотные средства рассматриваются как имущество торговых организаций, которое служит или погашается в течение короткого промежутка времени, не превышающего 12 месяцев, или в течение одного нормального операционного цикла торговых организаций, если его продолжительность превышает 12 месяцев [2, с. 46].

Оборотные фонды – это средства и предметы труда, которые потребляются в каждом торговом цикле, изменяют или теряют свою натуральную форму и переносят свою стоимость на реальные товары и услуги в течение одного оборота (в пределах одного года). Оборотные фонды торговли представлены запасами сырья и материалов, малоценными и быстроизнашивающимися предметами, расходами будущих периодов и др.

Фонды обращения – это предметы труда и средства расчетов, которые участвуют в смене товарной стоимости на денежную. Фонды обращения торговли представлены товарными запасами и денежными средствами. Материальная часть фондов обращения – это товарные запасы [1, с. 89].

Итак, оборотный капитал и оборотные средства – одинаково родственные понятия, характеризующие одну и ту же экономическую категорию с разных сторон. Последний термин используется обычно в бухгалтерском учете. Стоит обратить внимание на то, что понятие «оборотные средства» – шире само по себе, так как некоторые из их элементов могут быть задействованы в хозяйственной деятельности торговых организаций в течение нескольких операционных циклов, но с одним условием: их общая продолжительность не превышает 12 месяцев.

Таким образом, оборотные средства – важные и легко реализуемые из всех средств торговых организаций. В их состав включаются:

– Запасы товаров всех видов, предназначенные для реализации. В балансе они отражаются как по покупной, так и по продажной стоимости.

– Запасы материалов, малоценных и быстроизнашивающихся предметов. В состав материалов включаются разнообразные виды, предназначенные для ремонта, упаковочные материалы.

– Малоценные и быстроизнашивающиеся предметы – это часть материально-производственных запасов, которая включает в себя:

– предметы, используемые в качестве средств труда в течение не более 12 месяцев или в течение обычного операционного цикла, если он превышает 12 месяцев;

– предметы стоимостью на дату приобретения ниже лимита, утвержденного организацией; лимит стоимости утверждается в пределах не более 100-кратного минимального размера оплаты труда, установленного законодательством, независимо от срока службы предметов.

– Дебиторская задолженность, а именно: задолженность различных лиц (как юридических, так и физических) торговому предприятию за товары и другие виды услуг.

– Денежные активы – это все денежные средства торгового предприятия в различных формах.

– Краткосрочные финансовые вложения в срок менее одного года.

– Прочие объекты оборотных средств: расходы будущих периодов (затраты, которые произведены в данном отчетном периоде, но будут учтены на издержки обращения в будущих отчетных периодах) и т.д. [3, с. 144].

Оборотные средства предприятий розничной торговли связаны с товарооборотом торгового предприятия. Компаниям данной сферы нужно уделять особое внимание на распределение запасов товаров, предназначенных для перепродажи согласно следующей классификации:

– Товарно-групповая структура отражает деление продукции по назначению. К примеру, кондитерские товары, хлебобулочные изделия, табачные изделия и др.

– Товарно-ассортиментная структура определяет соотношение видов продукции. Например, мужская, женская и детская одежда составляют категорию одежды.

Так, для розничных торговых компаний важное значение имеет товарно-групповая структура запасов. Ведь текущий спрос анализируется из динамики оборота товарно-ассортиментной группы.

Товарные запасы – это основной элемент оборотного капитала торгового предприятия. Именные товарные запасы находятся в сфере товарного обращения. Товарные запасы представляют собой совокупность товарной массы, находящейся в процессе движения из сферы производства в сферу потребления.

Необходимость формирования товарных запасов обусловлена следующими причинами:

- сезонные колебания производства и потребления;
- несоответствие промышленного ассортимента торговому;
- неравномерность территориального размещения производств;
- длительный цикл транспортировки товаров;
- особенности условий реализации товаров;
- наличие определенного интервала завоза товаров;
- имеющаяся звенность товародвижения;
- состояние материально-технической базы, определяющей возможности хранения [1, с. 89].

Товарные запасы участвуют на всех стадиях товародвижения: на складах производственных предприятий, в пути, на складах оптовых и розничных торговых предприятий.

Наличие товарных запасов обуславливается такими факторами, как время, необходимое для транспортировки товаров, сезонность и т.д.

Товарные запасы сами по себе обеспечивают основную деятельность торговых предприятий, а также удовлетворяют спрос покупателей. Сам объем товарных запасов определяется структурой товарооборота торговой компании. Важная задача торгового предприятия состоит в обеспечении оптимального уровня соотношения величины товарооборота и размеров товарных запасов.

При недостатке запасов нарушается товарооборот предприятия, а при излишке возникают лишние потери, которые приводят к дополнительным расходам.

Значение материальных ресурсов для торговли заключается в том, что они:

1. Создают необходимые материальные условия для осуществления деятельности в отрасли.
2. Непосредственно участвуют в торгово-технологическом процессе.

3. Являются основой для развития товарооборота (в части товарных запасов).

4. Обеспечивают бесперебойную работу торговых предприятий.

5. Формируют конкурентные преимущества.

Однако величина материальных ресурсов должна быть минимально достаточной, потому что материальные ресурсы ведут к затратам средств на их создание и обслуживание (транспортировку, хранение, фасовку, доработку и пр.) [1, с. 91].

Рассмотрим динамику товарных запасов в розничной торговле в России в целом по отрасли, которая представлена в таблице 1 [4].

Таблица 1

Товарные запасы в розничной торговле в России на конец года

Показатели	2010 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Товарные запасы в фактических ценах, млрд. руб.	591,9	1261,8	1395,4	1587,2	1779,7
Количество дней	29,0	33,0	33,0	32,0	33,0

Данные таблицы 1 иллюстрируют положительную динамику товарных запасов в отрасли. Товарные запасы в розничной торговле в России за рассматриваемый период увеличиваются и по своему стоимостному объему, и в днях реализации. Так, в 2015 г. стоимостной объем товарных запасов в фактических ценах вырос, по сравнению с 2010 г., на 669,9 млрд. руб., а в 2018 г., по сравнению с 2015 г., – на 517,9 млрд. руб. Если увеличение запасов товаров в денежных единицах может означать развитие товарного предложения в торговле, то увеличение запасов в днях реализации указывает на затоваривание в розничной торговле и на необходимость принятия мер по оптимизации объема, состава и структуры запасов, а также активизации продаж.

В таблице 2 отражена структура имеющихся в розничной торговле ресурсов товаров по признаку происхождения [4].

Таблица 2

Структура товарных ресурсов розничной торговли, в % к итогу

Показатели	2010 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Доля товаров российского производства	56	62	62	65	64
Доля поступлений по импорту	44	38	38	35	36

Из приведенной выше таблицы видно, что доля импорта в товарах, реализуемых в розничной торговле в Российской Федерации, в 2018 г. снизилась, по сравнению с 2010 г., на 8%. Эту динамику можно расценить положительно. Но все же вес импортных товаров, по нашему мнению, является достаточно высоким и требует от государства дальнейших мер по импортозамещению за счет качественных российских товаров.

Важная особенность эффективности использования оборотных средств розничных предприятий заключается в достижении максимального объема розничного товарооборота, который ведет к получению максимальной прибыли.

Для любой торговой компании резервом повышения эффективности своей деятельности и существования в целом будет являться постоянное стремление максимально увеличивать продажу товаров и повышать тем самым объемы прибыли. На повышение данных показателей большое влияние оказывает эффективность использования оборотных средств.

При планировании структуры оборотных средств и использовании источников их финансирования торговые предприятия должны применять оптимальную структуру источников оборотных средств.

Основными факторами, влияющими на эффективность использования оборотных средств предприятия розничной торговли, являются:

- объем и характер деятельности предприятия;
- товарно-ассортиментная и ценовая политика предприятия;
- география поставщиков и потребителей товара;
- система расчетов за товары, работы, услуги;
- платежеспособность клиентов;
- качество банковского обслуживания;
- учетная политика предприятия;
- конъюнктура рынка и темпы инфляции;
- маркетинг и реклама;
- квалификация кадров.

С целью повышения эффективности использования оборотных средств следует изучить влияние каждого из перечисленных факторов на скорость оборота и определить резервы его ускорения [5, с. 71].

Таким образом, оборачиваемость оборотных активов в торговых предприятиях должна поддерживаться на высоком уровне, так как выгода от использования заемных средств повышается с ростом оборачиваемости оборотных активов. Заемные же средства будут повышать потребность в финансировании оборотных активов. В дальнейшем при достижении высокой рентабельности предприятие может инвестировать в расширение своей деятельности и товарной номенклатуры для максимального обеспечения спроса и повышения собственной конкурентоспособности.

Литература:

1. Карашук О.С. Торговое дело. Введение в профессию: Учебное пос. для вузов / О.С. Карашук. – М.: Юрайт, 2020. – 141 с. – (Высшее образование). – Текст: электрон. // ЭБС Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/447436>

2. Гудкова О.В., Ермакова Л.В. Учетно-контрольное обеспечение системы управления производственными запасами в организациях хлебопекарной промышленности. – Брянск: Ладомир, 2017. – 536 с.

3. Мельгуй А.Э., Катков Ю.Н., Ковалева Н.Н. и др. Бухгалтерский учет и анализ. – Брянск: Ладомир, 2017. – 238 с.

4. Россия в цифрах-2019: Крат. стат. сб. – М.: Росстат, 2019. – URL: http://www.gks./bgd/regl/b19_11/Main.htm.

5. Магомедов А.М. Экономика организаций торговли: Учебник для вузов / А.М. Магомедов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2020. – 323 с. – (Высшее образование). – Текст: электрон. // ЭБС Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/454633>

References:

1. Karashchuk O. Trade. Introduction to the profession: A textbook for universities / O. Karashchuk. – М.: Yurite, 2020. – 141 p. – (Higher education). – Text: electronic // EBS Yurite [site]. – URL: <https://urait.ru/bcode/447436>

2. Gudkova O., Ermakova L. Accounting and control support of the system for managing production stocks in organizations of the bakery industry. – Bryansk: Ladamir Publishing House, 2017. – 536 p.

3. Melgui A., Katkov Yu., Kovaleva N., etc. Accounting and analysis. – Bryansk: Ladamir, 2017. – 238 p.

4. Russia in numbers-2019: Collection of articles. – М.: Rosstat, 2019. – URL: http://www.gks./bgd/regl/b19_11/Main.htm

5. Magomedov A. Economics of trade organizations: a textbook for universities / A. Magomedov. – 2nd ed., converted and added. – М.: Yurite, 2020. – 323 p. – (Higher education). – Text: electronic // EBS Yurite [site]. – URL: <https://urait.ru/bcode/454633>

**СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ
БАНКОВСКИХ ИННОВАЦИЙ В РОССИИ**

**CURRENT STATE AND DIRECTIONS OF DEVELOPMENT
OF BANKING INNOVATIONS IN RUSSIA**

*ТРУШ В.Р., магистрант кафедры «Ценные бумаги и финансовый инжиниринг»
Университета управления «ТИСБИ»*

E-mail: lera.trush.97@mail.ru

*СВИРИНА А.А., д-р экон. наук, профессор кафедры «Ценные бумаги и
финансовый инжиниринг» Университета управления «ТИСБИ»*

E-mail: anna_svirina@list.ru

*TRUSH V., Master's degree student, the Department of «Securities and Financial
Engineering», the University of Management «TISBI»*

E-mail: lera.trush.97@mail.ru

*SVIRINA A., Doctor of Economics, Professor, the Department of Securities and
Financial Engineering, the University of Management «TISBI»*

E-mail: anna_svirina@list.ru

Аннотация

Банковские инновации – это та сфера, без которой не обходится ни один вид деятельности в современных реалиях. Именно инновационный процесс позволяет развиваться стремительно и повышать эффективность продуктов и услуг, выдерживая конкуренцию с мировыми стандартами и зарубежными инновациями. В данной статье рассмотрены современное состояние банковских инноваций в России и направления их развития.

Ключевые слова: банки, инновации, развитие банковских инноваций.

Abstract

Banking innovation is an area that no type of activity can do without in modern realities. An innovative process allows you to quickly develop and improve the efficiency of products and services. The article examines the current state of banking innovations in Russia and the directions of their development.

Key words: banks, innovations, development of banking innovations.

В современных реалиях инновационный процесс и его развитие являются стратегически важным направлением в банковской сфере. Инновационные банковские услуги, основанные на системе удаленного обслуживания, являются приоритетными для пользователей и клиентов, в связи с удобством и быстротой оказываемых услуг.

На данный момент банки активно расширяют функции, упрощают процессы приобретения банковских продуктов путем использования

приложений или веб-сайтов в сети «Интернет». Это позволяет клиентам банка, не обращаясь в офис, в несколько простых шагов решить необходимые вопросы и удовлетворить потребности с наибольшей эффективностью.

На данный момент лидером в части дистанционного обслуживания является Тинькофф Банк, фактические офисы которого отсутствуют. Данный банк – превосходный пример инновационного подхода для развития банковской сферы, и не только [4].

Большим скачком для развития банковской сферы является развитие онлайн-экосистем, которыми занимаются в настоящее время Тинькофф Банк и СберБанк. Экосистемы состоят из множества дополнительных услуг, к которым могут иметь доступ клиенты. Примерами могут выступать:

1. Тинькофф Инвестиции – это функции биржевого брокера, которые позволяют клиенту купить акции и управлять своим портфелем ценных бумаг дистанционно, «в один клик».

2. Тинькофф Страхование – возможность обеспечить страхование жизни и имущества.

3. Тинькофф Путешествия – покупка билетов в отели, на самолеты, поезда и т.д.

Каждая из указанных услуг затрагивает разные сферы и является далеко не единственной, ведь экосистемы банков развиваются ежедневно. Согласно представленной статистике на официальном сайте Тинькофф Банка: на конец первого полугодия 2019 г. было обслужено 593 тыс. брокерских счетов, половина из которых открыта на Московской бирже и пришлась на сервис Тинькофф Инвестиции [2].

Благодаря росту инновационных продуктов группа Тинькофф получила рост клиентской базы. На 1 августа 2019 г. мобильное приложение Тинькофф было установлено свыше 15,3 млн. раз, а количество активных пользователей составило 4,2 млн. человек.

Рост доходов и клиентской базы помог банку развить и запустить собственного голосового помощника по имени Олег, который является первым в мире сервисов лайфстайл-услуг, разработанным финансовой организацией.

Развитие инноваций в 2019 г. достаточно разнообразно. Основным направлением развития продуктов и услуг является сокращение времени и действий во время пользования.

Так, одной из эффективных услуг стали банкоматы без карты. При использовании клиенту не нужно пользоваться банковской картой для совершения действий. Достаточно помнить ПИН-код и иметь в наличии телефон, а затем с помощью приложений Apple Pay или прочих кошельков снять деньги.

Не менее важным инновационным скачком является разработка банка ВТБ. В 2019 г. данный банк провел первую в России сделку по VR-ипотеке [3].

VR-ипотека – это услуга, которая позволяет клиенту рассмотреть объект, не выходя из офиса банка. Используя очки виртуальной реальности, можно оценить все характеристики недвижимости – от деталей дизайна комнаты до инфраструктуры и месторасположения недвижимости в городе. На данный момент подобная услуга является новейшей из разработок, выпущенных в пилотном режиме.

СберБанк на сегодняшний день остается одним из лидеров инновационного прогресса банковской деятельности. Множество разработок в данной сфере позволяет искать более успешный подход к развитию и мобилизации.

Основные направления инновационной деятельности представлены на рис. 1 [1].

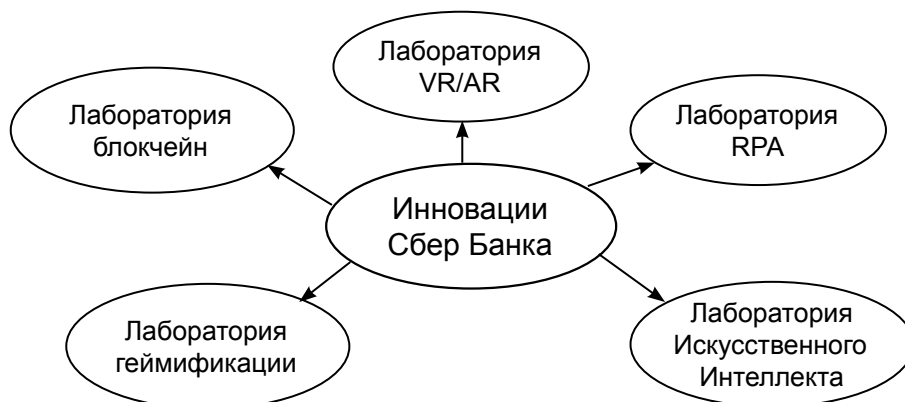

Рис. 1. Иновации ПАО «Сбер Банк» за 2019 г.

Среди инноваций ПАО «Сбер Банк» присутствует одна из крайне полезных разработок, направленная на обучение персонала и отбор IT-специалистов. Лаборатория геймификации разработала специальный сайт по поиску сотрудников в игровой форме. Игрок, кандидат на должность в зависимости от опыта выбирает свою категорию и может виртуально проработать необходимую позицию в отделении банка. Данный способ позволяет наглядно рассмотреть действия кандидатов на практике.

Лаборатория блокчейн, существующая уже не первый год, также является одной из постоянных разработок, постоянно совершенствующихся. В 2019 г. данной лабораторией была разработана новая версия платформы для Сбербанк Факторинга. СберБанк провел пилотную

сделку по дисконтированию дебиторской задолженности поставок западносибирской нефти на основе блокчейн. В целом, разработки блокчейн-платформ находятся в состоянии постоянного совершенствования, что говорит о том, что данное направление для множества банков крайне перспективно и интересно, а значит, будет развиваться.

Среди разработок лаборатории VR/AR в 2019 г. создатели внедрили функцию тренировки инкассаторов в удаленном режиме. Безопасность сейчас является крайне актуальным вопросом не только в плане атаки на серверы банков, но и в фактическом режиме. Тренажер нацелен на соревнования по стрельбе между территориальными банками.

Так же, как и Банк ВТБ, Сбер Банк в рамках данной лаборатории создал VR-презентации недвижимости для ипотечного кредитования.

Лаборатория RPA (Robotic process automation) – это платформа, деятельностью которой является создание на виртуальной машине автономных программных роботов для выполнения рутинной работы. При использовании подобных прототипов рост производительности сотрудников потенциально возрастает на 27% [1].

Пожалуй, одним из самых трудоемких и перспективных инноваций является разработка искусственного интеллекта. Сутью данной разработки в 2019 г. стала библиотека AutoML, которая при минимальном участии специалиста решает ряд ограниченных задач. Библиотека сосредоточена на выявлении ошибок сотрудников, составлении образовательного процесса и проч.

Таким образом, можно сказать, что перспективы развития инноваций в банковской деятельности России весьма положительные. Ведущие банки и финансовые группы стремятся занять эту нишу, конкурируя между собой, что лишь подстегивает развитие.

Основным направлением развития инновационной деятельности является автоматизация и роботизация процессов внедрения продуктов и механических задач.

Литература:

1. <https://www.sberbank.com/common/img/uploaded/files/pdf/yrep/sberbank-ar19-rus.pdf> – Годовой отчет ПАО «СберБанк» за 2019 г.
2. <https://www.tinkoff.ru/> – официальный сайт Тинькофф Банк.
3. <https://www.vtb.ru/> – официальный сайт «ПАО Банк ВТБ».
4. <https://bankinform.ru/news/singlenews.aspx?newsid=102852> – статья на сайте БанкИнформСервис «Топ-10 банковских инноваций 2019 года» за 2019 г.
5. <https://www.sberbank.com/ru> – Официальный сайт ПАО «СберБанк».

References:

1. <https://www.sberbank.com/common/img/uploaded/files/pdf/yrep/sberbank-ar19-rus.pdf> – Annual report of Sberbank PJSC for 2019.
2. <https://www.tinkoff.ru> – the official website of Tinkoff Bank.
3. <https://www.vtb.ru> – the official website of PJSC VTB Bank.
4. <https://bankinform.ru/news/singlenews.aspx?newsid=102852> – article on the BankInformService website «Top 10 banking innovations of 2019» for 2019.
5. <https://www.sberbank.com/ru> – Official website of Sberbank PJSC.

УДК 341(8)

**ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕДАЧИ В МЕЖДУНАРОДНЫЙ
УГОЛОВНЫЙ СУД СИТУАЦИЙ В ГОСУДАРСТВАХ,
НЕ УЧАСТВУЮЩИХ В РИМСКОМ СТАТУТЕ МУС****LEGAL PROBLEMS OF THE AUTHORITY
OF THE UNITED NATIONS SECURITY COUNCIL TO REFER
SITUATIONS IN STATES NON-PARTY TO THE ICC**

*ИЙИ Джон-Марк, профессор Университета Западного Кейпа (Южная Африка)
МЕЗЯЕВ А.Б., профессор кафедры конституционного и международного
права Университета управления «ТИСБИ»*

*IYI John-Mark, Associate Professor at the Faculty of Law, University of the Western
Cape, Cape Town, Republic of South Africa*

*MEZYAEV Alexander, Professor of Law, Head of the Department of Constitutional
and International Law, the University of Management «TISBI»*

Аннотация

В статье рассматриваются теоретические и практические вопросы полномочий Совета Безопасности Организации Объединенных Наций по ст. 13b Римского Статута Международного уголовного суда (МУС), которая предусматривает право Совета передавать в МУС ситуацию в государствах, не являющихся участниками данного международного договора. Анализируются аргументы, выдвигаемые в качестве правового обоснования такого права СБ ООН и показываются их правовые дефекты. Прежде всего, отмечается, что положения ст. 13b противоречат основополагающим характеристикам международного права, а именно его согласительный характер. В статье подчеркивается, что согласие государств продолжает оставаться единственным правовым основанием обязательности для них тех или иных международных договоров. Таким образом, заключается, что кризис в деятельности Международного уголовного суда по ситуациям, переданным в МУС Советом Безопасности ООН, в значительной степени обусловлен шаткими правовыми основаниями полномочий СБ ООН по передаче в МУС ситуаций в государствах-неучастниках. Предлагается пересмотреть положения ст. 13b Статута МУС и привести ее в соответствие с положениями и принципами современного международного права, прежде всего с положениями Венской конвенции о праве международных договоров.

Ключевые слова: *Международный уголовный суд, Совет Безопасности ООН, Венская конвенция о праве международных договоров, суверенитет государства, международное право, Римский Статут Международного уголовного суда.*

Abstract

The article discusses theoretical and practical issues of the authority of the United Nations Security Council under Article 13b of the Rome Statute of the International Criminal Court (ICC), which provides for the Council's power to refer to the ICC the situation in non-party states. The authors examine the arguments that supposedly prove the legal basis for such a right of the UN Security Council, and their legal defects. First, they note that the provisions of Article 13b contradict the fundamental characteristics of international law, namely its conciliatory nature. The article emphasizes that the consent of states continues to be the only legal basis for their bindingness of international treaties. Thus, it is concluded that the crisis in the activities of the International Criminal Court on situations referred to the ICC by the UN Security Council is largely due to the shaky legal foundations of the UN Security Council's powers to transfer situations in non-party states to the ICC. It is proposed to revise the provisions of Article 13b of the ICC Statute and bring it in line with the provisions and principles of modern international law, primarily with the provisions of the Vienna Convention on the Law of Treaties.

Key words: *International Criminal Court, United Nations, Security Council, Vienna Convention on the Law of Treaties, UN Charter, state sovereignty, international law, Rome Statute of the International Criminal Court.*

Развитие международного уголовного правосудия после принятия в 1998 г. Статута Международного уголовного суда (МУС) поставило перед наукой и практикой множество важных теоретических и практических проблем, в том числе проблему взаимодействия государств с органами международной юстиции и имплементацией положений Статута МУС в национальное право государств [1, с. 104]. Среди вопросов, вызвавших наиболее острые споры, стал вопрос об иммунитетах глав государств и правительств государств, не являющихся участниками Статута МУС [7, с. 278-310].

Особую проблему представляет собой осуществление ст. 13b Римского Статута Международного уголовного суда. Данная статья предусматривает право Совета Безопасности ООН передавать в Международный уголовный суд ситуации в государствах, не являющихся участниками Римского Статута [3, с. 505-509].

На сегодняшний день Совет Безопасности ООН принял две резолюции о передаче ситуаций в МУС: Резолюцию № 1593 – по ситуации в Дарфуре (Судан) и Резолюцию № 1970 – по ситуации в Ливии. Кроме того, Совет отклонил три проекта резолюции о передаче в МУС ситуации в Сирии.

Реализация ст. 13b Статута МУС Советом Безопасности поставила ряд серьезных правовых вопросов. В настоящей статье рассматривается лишь один из них, а именно – правовые основания передачи прокурору Суда Советом Безопасности ситуаций в государствах, не являющихся участниками Статута Международного уголовного суда. Во всех трех случаях (как принятия, так и отклонения резолюции) Совет Безопасности рассматривал ситуации в государствах, которые либо не под-

писали (Ливия, Сирия), либо не ратифицировали (Судан) Статут МУС, то есть ни одно из них не было участником договора о создании МУС.

Еще во время Римской Дипломатической конференции вопрос о праве СБ ООН передавать ситуации в МУС вызвал серьезные дискуссии принципиального характера. Так, например, Индия выступала против какого-либо участия в деятельности МУС вообще, утверждая, что в противном случае будет нарушен принцип независимости и беспристрастности суда как такового. Другие государства выступали за такое право Совета Безопасности, например, страны ЕС и Российская Федерация.

При первой апробации применения ст. 13b Статута МУС в СБ ООН четыре государства воздержались от голосования (Алжир, Бразилия, Китай и США), однако сделали это по различным основаниям, большинство из которых носили политический характер,¹ и только одно государство (США) выдвинуло правовые аргументы, связанные с положениями Статута МУС. В то же время США не применили вето по резолюции 1593, проголосовали за резолюцию 1970 и, наконец, были инициаторами двух проектов резолюций, предусматривающих передачу в МУС ситуации в Сирии. Схожую эволюцию претерпела позиция Китая (воздержание по Резолюции СБ ООН № 1953 и голосование за по Резолюции № 1970).

Статут Международного уголовного суда предусматривает, что суд обладает юрисдикцией в отношении геноцида, военных преступлений и преступлений против человечности. Условия осуществления юрисдикции МУС перечисляются в ст. 12 Статута:

– Во-первых, государство признает юрисдикцию Суда в отношении преступлений, указанных в Статуте, посредством присоединения к участникам договора. При этом Суд может осуществлять свою юрисдикцию, если одно или несколько из нижеуказанных государств являются участниками Статута (или признают юрисдикцию МУС).

– Во-вторых, государство, не являющееся участником Статута МУС, может признать юрисдикцию Суда в отношении конкретного преступления посредством заявления. При этом такое признающее государство сотрудничает с МУС «без каких бы то ни было задержек или исключений».

Порядок осуществления юрисдикции МУС регулируется ст. 13 Статута. Согласно данной статье МУС может осуществлять свою юрисдикцию если:

- 1) ситуация передается прокурору МУС государством-участником;
- 2) ситуация передается прокурору МУС Советом Безопасности ООН, действующим на основании главы VII Устава ООН;
- 3) прокурор МУС начал расследование *proprio motu*.

¹ Так, например, Алжир заявил, что предпочитает урегулировать ситуацию в Дарфуре на основе предложений Африканского Союза, а Китай высказался за то, чтобы соответствующие дела рассматривались не в международных, а суданских судебных органах.

Рассмотрим подробнее правовые аспекты **второго основания**. Для этого нам необходимо ответить на два вопроса: существуют ли юридические условия согласия государств и какова правовая природа взаимоотношений МУС и СБ ООН?

В целом можно утверждать, что юрисдикция Статута МУС базируется на согласии государств, что выражается в ратификации Статута МУС либо выполнении условий, перечисленных в ст. 12.

В ст. 2.1 Согласованного проекта соглашения о взаимоотношениях между Организацией Объединенных Наций и Международным уголовным судом ООН (далее – *Соглашение ООН-МУС*) признает Международный уголовный суд в качестве «независимого постоянного судебного органа». По ст. 2.3 данного Соглашения Организация Объединенных Наций и МУС «уважают статус и мандаты друг друга».

Понятно, что упоминание ООН означает все органы организации, включая Совет Безопасности. Возникает вопрос: насколько МУС является, действительно, независимым от СБ ООН и в каких пределах Совет Безопасности контролирует деятельность МУС?

Во время переговоров о создании Статута МУС позиции государств о взаимоотношениях между МУС и СБ ООН кардинально разделились. Одни государства исходили из того, что МУС должен быть полностью независимым от СБ ООН (который является политическим органом). Кроме того, СБ ООН представляется этим государствам как чрезвычайно «поляризованным», контроль которого над судом может привести к избирательному правосудию, имея в виду, что постоянные члены СБ ООН могут играть особую роль в принятии или непринятии решений. Впрочем, именно этот аргумент не слишком убедителен, ибо он не отвечает на вопрос: почему единоличное решение прокурора МУС также не является опасным с точки зрения политизации, в том числе избирательного правосудия?

Другие государства, напротив, полагали, что СБ ООН должен не только контролировать деятельность МУС, но и играть центральную роль в его деятельности, ссылаясь на то, что именно Совет Безопасности несет основную ответственность за поддержание международного мира и безопасности.

Статьи 13.b и 16 Статута МУС сформулированы таким образом, чтобы попытаться найти некий компромисс между этими противоположными позициями. Однако данный компромисс создал, пожалуй, еще более серьезную проблему законности и юридических последствий передачи Советом Безопасности в МУС ситуаций в государствах, не являющихся участниками Статута МУС.

Резолюция СБ ООН № 1593 называет своими правовыми основаниями главу VII Устава ООН, а также ссылается на статьи 98.2 и 16 Статута МУС и на Соглашение ООН-МУС. Параграф 2 Резолюции № 1593,

в частности, гласит, что правительство Судана обязано сотрудничать с судом и прокурором «на основании настоящей Резолюции», делать это «в полной мере», а также «оказывать им любую необходимую помощь».

Статья 13.b позволяет Международному уголовному суду распространять свою юрисдикцию в отношении тех государств, которые не являются участниками Статута МУС, то есть без согласия этих государств. Однако в обычной ситуации (без резолюции СБ ООН) МУС такой юрисдикцией не обладает. Статья 13.b не создает каких-либо прав и не возлагает каких-либо обязательств на государств-неучастников Статута.

Однако прочтение ст. 13.b совместно со ст. 17.2 Соглашения ООН-МУС, а также полномочия СБ ООН по Уставу ООН говорят о том, что Совет Безопасности может создавать обязательства для государств, включая обязательства для государств-неучастников. Подобного рода попытка непрямого возложения обязанностей по договору на несогласное государство представляет собой весьма сомнительную с юридической точки зрения конструкцию.

Резолюция СБ ООН № 1593 прямо и недвусмысленно признает, что государства, не являющиеся участниками Статута МУС, «не несут обязательств по Статуту», однако это относится не к «переданному» государству, а ко всем остальным государствам-неучастникам Статута. «Переданное» же в МУС государство, якобы, обязано сотрудничать с МУС. Такая ситуация ставит важнейший теоретический вопрос: может ли СБ ООН создавать для государств обязательства по договору, будь это Статут МУС или любой другой договор, без согласия такого государства? [4, с. 82-88].

На данный вопрос имеются две основные точки зрения. Первая исходит из того, что полномочия СБ ООН по главе VII настолько широки, что они включают в себя практически все, включая возложение на государства обязательств по договору, участником которого они не являются, или создавать международные уголовные трибуналы. Однако такая точка зрения игнорирует тот факт, что СБ ООН может осуществлять свои «широкие» полномочия только в рамках полномочий самой ООН и точно также связан нормами общего международного права. В этой связи утверждение о праве СБ ООН создавать судебные органы не выдерживает простого теста на предмет соответствия общим принципам права, например, принципа *Nemo dat quod non habet*. Тем не менее, сторонники столь шаткой позиции настаивают на своем и выдвигают другие аргументы. Так, Д. Аканде утверждает, что когда СБ ООН передает ситуацию в государство-неучастнике Статута МУС, он не создает обязательства по Статуту на такое государство, а «как бы помещает государство в положение, аналогичное государствам-участникам МУС» [6, с. 333-352]. Данный «как бы» аргумент полагается также на ст. 103 Устава ООН, который указывает, что если обязательства членов ООН

по Уставу окажутся в противоречии с их обязательствами по какому-либо другому международному соглашению, преимущественную силу имеют обязательства по Уставу.

Интересно, что сторонники данной шаткой позиции все же признают, что несмотря на широкие полномочия Совета по главе VII, без ст. 13.b СБ ООН не может передавать ситуации в МУС. Если принять предположение о том, что СБ ООН не делает Статут МУС юридически обязательным в отношении «переданного» государства-неучастника (так как Совет не может этого сделать законным образом), но всего лишь «передает» юрисдикцию и «всего лишь» требует от государства-неучастника сотрудничать с МУС, то возникает два трудноразрешимых вопроса:

– Может ли, с правовой точки зрения, данное государство-неучастник обладать правами и обязанностями по сотрудничеству с МУС без официального признания обязательности Статута МУС как международного договора?

– В каких правовых рамках должно происходить такое сотрудничество: в рамках Статута МУС, рамках общего международного права или в рамках и того, и другого одновременно?

Интересно, что на второй вопрос были даны попытки ответа со стороны самого Международного уголовного суда. Так, в решении по делу «*Прокурор против Омара аль-Башира*» палата досудебного производства МУС заявила, что «передача в Международный уголовный суд ситуации по ст. 13b Статута МУС является правовыми рамками, которые применяются в ее полноте».¹ Таким образом, сам Суд указал, что отношения между «переданным» государством-неучастником и МУС регулируются Римским Статутом. Это означает, что передача делает такое государство носителем всех обязательств (и обладателем всех прав?), созданных Статутом МУС (то есть – по международному договору) без его согласия. Данное утверждение не получило серьезного правового обоснования.

Главным аргументом в защиту права СБ ООН передавать в МУС ситуации в государствах-неучастниках является утверждение о том, что правовыми основаниями для СБ ООН в этом случае являются статьи 24, 25 и глава VII Устава ООН. Данная позиция исходит из того, что обязательство «переданных» в МУС государств признать юрисдикцию суда вытекает не из Римского Статута, а из Устава ООН. Так, ст. 25 Устава ООН устанавливает, что государства-члены соглашаются подчиняться решениям Совета Безопасности и выполнять их. Такое решение называют «непрямой передачей юрисдикции».²

¹ *Prosecutor v. Omar Hassan Ahmad Al Bashir*, [Pre-Trial Chamber] Decision under Article 87(7) of the Rome Statute on the Non-Compliance by Jordan with the Request by the Court for the Arrest and Surrender or [sic] Omar Al-Bashir. 11 December 2017.

² Критика данной позиции содержится в целом ряде публикаций, в частности, см.: Goldsmith J. The Self-Defeating International Criminal Court. *University of Chicago Law Review*. Vol. 70. 2003. № 1. P. 89-104; Morris M. High Crimes and Misconceptions: The ICC and Non-States Parties. *Law and Contemporary Problems*. 2001. № 64. P. 13-66.

Согласно данному представлению, чрезвычайные полномочия СБ ООН по главе VII позволят ему «мгновенно менять мировой правовой ландшафт» [13, с. 592], например, отменять иммунитеты глав государств и правительств по общему международному праву или не принимать во внимание (если угодно – отменять) необходимость условия согласия государства на обязательность договора и т.д. Однако такие выводы являются абсурдными (как бы на их «действительности» не настаивали некоторые авторы), а это, в свою очередь, означает, что изначальный тезис является негодным.

Таким образом, авторы настоящей статьи полагают, что имеются большие сомнения в правовой обоснованности ст. 13b Статута МУС, позволяющей передачу в МУС ситуаций в государствах, не являющихся участниками Римского Статута.

Во-первых, ст. 13b Статута МУС нарушает принцип *Pacta tertiis nec nocent nec prosunt*. Как указал Постоянный международный суд (называемый также в российской научной литературе Постоянной палатой международного правосудия) в решении по делу *Лотус*, международное право регулирует отношения между независимыми государствами, и, следовательно, нормы права, обязательные для государств, происходят из их свободной воли, выраженной в соглашениях или обычаях. Суд также подчеркнул, что нормы международного права создаются с целью регулировать отношения между сосуществующими независимыми сообществами или с целью достижения общих целей. И, следовательно, ограничения независимости государств не могут презюмироваться.¹ Принцип *Pacta tertiis nec nocent nec prosunt* кодифицирован в современном праве международных договоров. Статья 37 Венской конвенции о праве международных договоров установила правило согласия третьих государств в отношении их прав и обязательств. Часть 1 данной статьи гласит, что если для третьего государства возникает обязательство, то оно может быть отменено или изменено только с согласия участников договора и третьего государства, если только не установлено, что они условились об ином. Часть 2 регулирует возникновение прав: оно (право) не может быть отменено или изменено участниками, если установлено, что согласно существовавшему намерению это право не подлежало отмене или изменению без согласия этого третьего государства.

Как справедливо подчеркивал Г. Кельзен, источником международно-правовых обязательств является согласие государств. Развитие международного правопорядка создается теми правовыми нормами, которые создаются теми органами, которые сами созданы на основании международных договоров (то есть согласия государств) [10, с. 370]. Аналогичную позицию заявлял Г.И. Тункин, который принцип согласия

¹ Affaire du «Lotus». Arrêt # 9. Publications de la Cour Permanente de Justice Internationale. Série A – N° 70. Le 7 septembre 1927. Recueil des Arrêts // https://www.icj-cij.org/public/files/permanent-court-of-international-justice/A/A_10/30_Lotus_Arret.pdf

государств абсолютно точно сформулировал как основополагающую характеристику самой сущности международного права (понятие международного права как «согласования волей»), а также тот факт, что нормы международного права не только создаются, но и изменяются либо ликвидируются также согласительным порядком [5, с. 181]. Несмотря на все новые тенденции в развитии международного права, включая и такие противоречивые, как концепция «обязанности по защите» (R2P), согласие государств остается центральным условием обязательности международных норм [9].

Статья 34 Венской конвенции о праве международных договоров отражает фундаментальную норму международного права, согласно которой государства не связаны теми или иными положениями договоров без их согласия.

Таким образом, утверждение о том, что СБ ООН может создавать для государств обязанности по Статуту МУС без их согласия, является юридически проблематичным. Нет никаких оснований для того, чтобы утверждать, что согласие государства может быть заменено резолюцией международной организации, в данном случае резолюцией Совета Безопасности.

Несмотря на все попытки обосновать правомерность передачи в МУС Советом Безопасности ООН ситуаций в государствах-неучастниках, эти попытки не учитывают главного – недопустимость согласно современному международному праву возложения на государства обязанностей по договору без согласия соответствующих государств [11, с. 1-9].

Правовая абсурдность данной ситуации обостряется, когда среди государств-членов СБ ООН, передающего в МУС ситуацию в государстве-неучастнике, находятся другие государства-неучастники. В случае с резолюциями СБ № 1593 и № 1970 произошло именно так: за передачу в МУС голосовало три члена Совета, не являющихся участниками Римского Статута (США, Китай и Россия). При этом одно государство-неучастник Статута МУС было еще и инициатором проекта резолюции (США).¹ Объяснение о том, что в данной ситуации государство-неучастник действует не в своём индивидуальном качестве, а коллективно выглядит неадекватным, ибо прямо противоречит фактам, ибо голосование в СБ ООН проводится исключительно индивидуально.

Ситуации, переданные в МУС Советом Безопасности ООН, вызвали и другие правовые и политические проблемы. Среди них, например, проблема финансирования деятельности МУС в отношении ситуаций в Дарфуре (Судан) и в Ливии. Данный вопрос систематически поднимается прокурором МУС перед СБ ООН. Аналогичное заявление было

¹ Данная ситуация дважды повторилась в 2012 году, когда государство-неучастник Статута МУС (США) представило проект резолюции о передаче в МУС ситуации в другом государстве-неучастнике (Сирия). См. проекты резолюций СБ ООН, рассмотренных 4 февраля и 19 июля 2012 года. (См. подробнее: «Казанский журнал международного права». 2012. № 5. С. 36-67).

принято на Ассамблее государств-членов МУС, и, наконец, в сентябре 2020 г. такое требование было выдвинуто адвокатом обвиняемого МУС Али Мухаммада абд-аль-Рахмана (Судан).¹ Кроме того, требование МУС к ряду государств Африки об аресте президента Судана Омара аль-Башира, а также правовая непоследовательность в аргументации Суда привели к решению Африканского Союза о коллективном выходе из Статута МУС [2, с. 298-300]. Принимая решение о выходе из Статута МУС, правительство Южной Африки отмечало, что продолжение участия страны в Римском Статуте приведет к неразрешимому противоречию ее международных обязательств. Однако все эти проблемы носят подчиненный характер в отношении главной – отсутствие серьезных правовых оснований самого права СБ ООН передавать в МУС ситуацию в государстве-неучастнике Статута МУС.

Таким образом, авторы полагают, что ст. 13b Статута Международного уголовного суда представляет собой положение, противоречащее фундаментальному признаку современного международного права как такового – а именно его согласительному характеру. Данная статья должна быть пересмотрена и приведена в соответствие с действующим международным правом.

Литература:

1. Мавлонов А., Мезяев А. Проблемы имплементации норм международного уголовного права в российском уголовном законодательстве. Государство и право. 1998. № 4. С. 104.

2. Международное гуманитарное право: война, память, справедливость (юридические и исторические аспекты). Игнатенко Г.В., Перевалов В.Д., др. Учебное пособие / Москва, 2020. Сер. 76. Высшее образование (1-е изд.)

3. Международное уголовное правосудие: современные проблемы. Бассиуни М.Ш., Белый И.Ю., Богуш Г.И., Ван С., Ведерникова О.Н., Велиева С.Д., Верле Г., Вилкички П., Волеводз А.Г., Волеводз В.А., Глотова С.В., Грицаев С.А., Додонов В.Н., Дория Ж., Дремина-Волок Н.В., Зауль В., Зелинская Н.А., Ильютченко Н.В., Иногамова-Хегай Л.В., Каюмова А.Р. и др. Институт права и публичной политики. Москва, 2009.

4. Мезяев А.Б. Международно-правовые аспекты решения Международного уголовного суда о выдаче ордера на арест президента Судана. Российский юридический журнал. 2009. № 6 (69). С. 82-88.

5. Тункин Г.И. Теория международного права. М., Зерцало-М. 2019.

6. Akande D. The legal nature of Security Council referrals to the ICC and its impact on Al Bashir's immunities. Journal of International Criminal Justice. 2009. № 7.

¹ *Situation au Darfur, Soudan. Affaire le Procureur c. Ali Muhammad Ali Abd-Al-Rahman*. Requête en vertu des Articles 38-3-a, 43-2 et 115-b. 25 septembre 2020.

7. Hoile D. Justice denied the reality of the International Criminal Court, 2nd ed. African Research Centre. London. 2017. P. 278–310.

8. Goldsmith J. The Self-Defeating International Criminal Court. University of Chicago Law Review. Vol. 70. 2003. № 1. P. 89-104.

9. Iyi J-M. Humanitarian intervention and the AU-ECOWAS intervention treaties under international law: Towards a theory of regional responsibility to protect. Springer. Dordrecht. 2016.

10. Kelsen H. General theory of law and state (Welberg A. Transl. 2007). The Law Book Exchange, New Jersey. 1945.

11. Köchler H. Justice and Realpolitik: predicament of the International Criminal Court. Chinese Journal of International Law. 2017. № 16. P. 1–9.

12. Morris M. High Crimes and Misconceptions: The ICC and Non-States Parties. Law and Contemporary Problems. 2001. № 64. P. 13-66.

13. Ratner S. The Security Council and International Law. In: David M. Malone (eds) The Un Security Council: From The Cold War To The 21st Century. 2004. Lynne & Rienner. London. P. 591-605 at 592.

References:

1. Mavlonov A., Mezyaev A. Problems of the implementation of the norms of international criminal law in the Russian criminal legislation. State and law. 1998. No. 4. P. 104.

2. International humanitarian law: war, memory, justice (legal and historical aspects). Ignatenko G.V., Perevalov V.D., other textbooks / Moscow, 2020. Ser. 76. Higher education (1st ed.)

3. International criminal justice: modern problems. Bassiouni M.Sh., Bely I.Yu., Bogush G.I., Van S., Vedernikova O.N., Velieva S.D., Verle G., Vilkitsky P., Volevodz A.G., Volevodz V A.A., Glotova S.V., Gritsaev S.A., Dodonov V.N., Doria Zh., Dremina-Volok N.V., Zaul V., Zelinskaya N.A., Ilyutchenko N.V., Inogamova-Khegai L.V., Kayumova A.R. and others. Institute of Law and Public Policy. Moscow, 2009.

4. Mezyaev A.B. International legal aspects of the decision of the International Criminal Court to issue an arrest warrant for Sudan President. Russian legal journal. 2009. No. 6 (69). P. 82-88.

5. Tunkin G.I. The theory of international law. M., Zertsalo-M. 2019

6. Akande D. The legal nature of Security Council referrals to the ICC and its impact on Al Bashir's immunities. Journal of International Criminal Justice. 2009. № 7.

7. Hoile D. Justice denied the reality of the International Criminal Court, 2nd ed. African Research Centre. London. 2017. P. 278–310.

8. Goldsmith J. The Self-Defeating International Criminal Court. University of Chicago Law Review. Vol. 70. 2003. № 1. P. 89-104.

9. Iyi J-M. Humanitarian intervention and the AU-ECOWAS intervention treaties under international law: Towards a theory of regional responsibility to protect. Springer. Dordrecht. 2016.

10. Kelsen H. General theory of law and state (Welberg A. Transl. 2007). The Law Book Exchange, New Jersey. 1945.

11. Köchler H. Justice and Realpolitik: predicament of the International Criminal Court. Chinese Journal of International Law. 2017. № 16. P. 1–9.

12. Morris M. High Crimes and Misconceptions: The ICC and Non-States Partiesю Law and Contemporary Problems. 2001. № 64. P. 13-66.

13. Ratner S. The Security Council and International Law. In: David M. Malone (eds) The Un Security Council: From The Cold War To The 21st Century. 2004. Lynne & Rienner. London. P. 591-605 at 592.

УДК 347.2.3

**ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ
ГРАЖДАН-СОБСТВЕННИКОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**THE LEGAL STATUS OF FOREIGN CITIZEN-PROPRIETORS
IN THE RUSSIAN FEDERATION**

ТАГАЕВА С.Н., д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры гражданского права Университета управления «ТИСБИ»

E-mail: s.tagaeva@mail.ru

TAGAIEVA S., Doctor of Law, Associate Professor, Professor, the Civil Law Chair, the University of Management «TISBI»

E-mail: s.tagaeva@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию правового положения иностранных граждан в области правоотношений собственности. Отмечается, что определение правоспособности иностранного гражданина быть собственником имущества по его личному закону требует уточнения.

Автор указывает, что содержание правоспособности иностранца на территории Российской Федерации определяется по российскому законодательству. Ограничения в возможности иностранных граждан быть собственниками определенных видов имущества, установленные во внутреннем законодательстве, носят императивный характер и регулируются нормами непосредственного применения.

Ключевые слова: правоспособность, собственность, коллизионное регулирование, пределы гражданской правоспособности.

Abstract

The article is devoted to the study of the legal status of foreign citizens in the field of legal property relations. The author notes that the definition of the legal capacity of a foreign citizen to be the owner of property according to his personal law requires clarification.

The author points out that on the territory of the Russian Federation Russian law determines the content of the legal capacity of a foreigner. Restrictions on the ability of foreign citizens to be owners of certain types of property, established in Russian legislation, are imperative in nature and regulated by the rules of direct application.

Key words: *legal capacity, property, conflict regulation, limits of civil legal capacity.*

Международный гражданский оборот предполагает участие в вещно-правовых отношениях иностранных граждан и лиц без гражданства, в том числе и в правоотношениях собственности.

Содержание правоспособности иностранца обусловлено целью и сроком его пребывания или проживания на территории страны.

В соответствии с положениями Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в РФ» от 25.07.2002 г. № 115-ФЗ иностранцы могут временно пребывать, временно проживать и постоянно проживать в Российской Федерации.

Временно пребывающими иностранными гражданами признаются те, которые находятся на территории РФ в пределах срока выданной визы или девяноста дней для граждан стран, с которыми установлен безвизовый режим. Для высококвалифицированных специалистов срок временного пребывания зависит от срока действия разрешения на работу.

Временно проживающими на территории Российской Федерации иностранцами признаются те из них, которые имеют разрешение на временное проживание, срок которого составляет три года.

К иностранцам, постоянно проживающим на территории страны, Закон относит тех из них, которые имеют вид на жительство в России.

Кроме вышеуказанных категорий иностранцев на территории Российской Федерации, Федеральный закон «О беженцах» от 19.02.1993 г. № 4528-1 выделяет еще одну категорию иностранцев-беженцев, правовой статус которых отличается от общего правового статуса иностранцев.

Иностранцы в гражданских правоотношениях приравнены к гражданам Российской Федерации, то есть им предоставлен национальный режим, за исключением случаев, установленных Законом (ст. 1196 Гражданского кодекса РФ). Иностранец в России может иметь в собственности имущество, которое допускается нормативными правовыми актами. Основной закон страны предусматривает право каждого на имущество,

причем как единолично, так и совместно с другими лицами (ст. 35 Конституции). Отчуждение имущества собственника допускается только по решению суда или для государственных нужд.

Урегулирование отношений собственности в Конституции РФ имеет целью обеспечить право каждого, в том числе и иностранного гражданина на беспрепятственное пользование своим имуществом, приобретенным законным путем.

Нормы международных договоров, в которых участвует Российская Федерация, предусматривают положения о праве собственности. Например, Конвенция стран СНГ о правах и основных свободах человека 1995 г. закрепляет каждому физическому лицу право на собственность, провозглашает недопустимость лишения имущества, кроме как в общественных интересах, в судебном порядке и при соблюдении норм международного и национального права (ст. 26).

Возможность приобретения субъективного права собственности на определенные виды имущества составляет содержание правоспособности иностранца. Получается, что обеспеченная Законом возможность собственного поведения и свобода реализации права на обладание имуществом выступает в виде субъективного права на обладание собственностью.

Статья 1196 Гражданского кодекса РФ регламентирует определение гражданской правоспособности по личному закону физического лица, каковым является законодательство страны, гражданством которой оно обладает. Закрепление в качестве коллизионной привязки, определяющей правоспособность физического лица, закон гражданства объясняется стремлением законодателя обеспечить принцип недискриминации иностранного гражданина и возможность реализации гражданских прав и обязанностей на своей территории и ожидание предоставления такого же положения гражданам за пределами страны.

Однако коллизионная привязка к личному закону при определении правоспособности иностранного гражданина неэффективна. В связи с этим М.Н. Раджабовым было высказано мнение, что признание в равной степени правоспособности за всеми гражданами, независимо от гражданства, связывание определения правоспособности иностранца его личным законом, означает экстерриториальное действие норм иностранного права [5, с. 103].

В данном случае понимание правоспособности как способности иметь права позволяет заключить, что физическое лицо сохраняет правовую связь с правовой системой того государства, гражданством которой оно обладает. По этому поводу И.В. Гетьман-Павловой высказана справедливая точка зрения, что в российском праве сочетаются коллизионный и материально-правовой методы регулирования гражданской правоспособности иностранцев и лиц без гражданства... Применение

коллизией привязки к личному закону предполагает, что в России признаются ограничения правоспособности, основанные на приговоре суда, вынесенные в стране, гражданином которой иностранец является, при условии их не противоречия публичному порядку РФ [1, с. 135].

Вместе с тем, содержание правоспособности иностранного гражданина в возможности иметь имущество на праве собственности определяется по законодательству того государства, где это лицо находится.

Обладание суверенитетом позволяет государству самостоятельно устанавливать нормы права, которые регулируют отношения собственности, в том числе и с участием иностранных граждан. В целях защиты конституционного строя, здоровья, прав и законных интересов других лиц, территориальной целостности страны допускаются отдельные изъятия из национального режима, то есть ограничения.

Иностранцы-собственники подчинены двум видам ограничений: тем, которые установлены для всех (в том числе и отечественных граждан), и тем, которые касаются только иностранцев [2, с. 337].

Понимание правоспособности как предпосылки обладания собственностью объясняет использование коллизией привязки к личному закону иностранного гражданина. Возможность иметь в собственности какое-то имущество определяется по правопорядку того государства, где имущество находится. Реализация субъективного права собственности зависит от национального законодательства, которое ограничивает пределы правоспособности.

Предпосылка обладания правом собственности, предоставленная в стране гражданства иностранца, и реализация субъективного права собственности на территории другого государства – взаимосвязанные и вытекающие друг из друга явления. Например, способность обладать землями сельскохозяйственного назначения не может быть реализована в стране, где такие земли являются собственностью государства.

Причем объем правоспособности иностранного гражданина может быть шире, чем в стране, гражданство которой он имеет. Ограничения в отношении обладания собственностью по половому признаку, имеющиеся в стране гражданства иностранца, не имеют правового значения за пределами государства в силу установленного Конституцией равенства полов (ст. 19 Конституции РФ). Например, в Иране женщина не может наследовать имущество мужа. Оно переходит к кровным родственникам, которые обязаны выделить ей долю из этого имущества в стоимостном выражении [3, с. 8].

Предоставление национального режима иностранным гражданам не обусловлено наличием взаимности на территории иностранного государства, оно носит безусловный характер.

Несмотря на закрепление национального режима, для иностранных граждан возможность реализации субъективных прав собственно-

сти ограничена пределами, установленными нормативными правовыми актами РФ.

Во-первых, иностранные граждане не могут быть собственниками определенных видов имущества, которые отнесены к объектам государственной собственности. Так, недра, в том числе подземное пространство, полезные ископаемые, энергетические и иные ресурсы, участки континентального шельфа (ст. 1.2. Закона РФ «О недрах»), лесные участки (ст. 8 Лесного кодекса), водные объекты (ст. 8 Водного кодекса), не могут быть в собственности иностранных граждан и лиц без гражданства.

Также иностранные граждане ограничены в праве собственности на земли сельскохозяйственного назначения, если их доля в уставном (складочном) капитале хозяйственных обществ более чем 50 процентов.

Иностранцам не могут передаваться земельные участки, расположенные на приграничных территориях (ст. 15 Земельного кодекса), перечень которых утвержден Указом Президента РФ 9.01.2011 г.

При приобретении права собственности на земельные участки, находящиеся в приграничных территориях, например, при переходе права собственности на дом и земельный участок по наследству, собственник должен произвести его отчуждение в течение года с момента возникновения права собственности.

Несмотря на предоставленную Законом возможность по самостоятельному отчуждению принадлежащего собственнику имущества, не всегда последний реализует свое право.

В судебной практике имеются случаи приобретения иностранными гражданами земельных участков, которые находятся в приграничных территориях. Однако суды, опираясь на положения ст. 238 Гражданского кодекса РФ, предусматривающие возложение на собственника обязанности по отчуждению имущества, которое приобретено законным путем, но в силу Закона ему принадлежать не может, выносили решения об обязывании иностранных граждан провести отчуждение принадлежащих им земельных участков на приграничных территориях [6].

Правовые нормы, ограничивающие возможность приобретения иностранцами отдельных категорий земельных участков, акций и долей в уставном капитале определенных хозяйственных обществ, относятся к нормам непосредственного применения, которые направлены на защиту публичных интересов, связанных с основами экономической, политической или правовой системы страны. В связи с этим ограничения прав иностранных граждан в Российской Федерации в отношении собственности касаются возможности быть собственником земельных участков и объектов, имеющих стратегическое значение для страны.

Известно, что реализация субъективного права собственности тесно связана с другим качеством иностранного гражданина – наличием

дееспособности, совершением волевых действий по приобретению прав собственности и исполнению обязанностей.

Важной составляющей дееспособности является достижение возраста совершеннолетия, который не одинаков в различных странах. Дееспособность иностранного гражданина определяется его личным законом.

Вместе с тем, применение коллизионной привязки к личному закону при определении дееспособности физического лица не абсолютно. Так, при совершении сделки по возникновению или прекращению права собственности иностранцем, не являющимся дееспособным по личному закону, сделка признается действительной при его дееспособности по законодательству места заключения сделки. В этом случае доводы иностранца об отсутствии дееспособности по личному закону не имеют правового значения. Исключением является случай, когда другая сторона по сделке знала или заведомо должна была знать, что у иностранца отсутствует дееспособность, но, тем не менее, заключила с ним сделку.

Кроме вышеуказанной коллизионной привязки, гражданское законодательство РФ предусматривает при приобретении иностранным гражданином имущества по наследованию применение законодательства той страны, где наследодатель имел последнее место жительства, то есть используется принцип домицилия.

По вопросам возникновения и прекращения вещных прав по сделке, в том числе и по договорам, которые предполагают отчуждение имущества, гражданское законодательство РФ применяет вещный, а не обязательственный статут. В Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 9.07.2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» дано разъяснение, что реализация сторонами договора принципа автономии воли сторон, выражающаяся в выборе компетентного правопорядка, автоматически не распространяется на возникновение и прекращение вещных прав по сделке [4]. В то же время возможность выбора применимого права предусмотрена для регулирования вопросов возникновения и прекращения права собственности и иных вещных прав на движимое имущество.

Коллизионное регулирование отношений собственности предусматривает применение привязки к личному закону при определении правоспособности лица; к законодательству страны, где физическое лицо находится при определении содержания правоспособности; вопросы возникновения и прекращения права собственности регулируются коллизионными принципами места нахождения вещи.

В связи с вышеизложенным можно заключить, что определение правоспособности иностранного гражданина по его личному закону основывается на общепризнанной норме международного права, предусматривающей правосубъектность физического лица вне зависимости от того, где оно находится.

Содержание правоспособности иностранца на территории Российской Федерации определяется по российскому законодательству. Ограничения в возможности иностранных граждан быть собственниками определенных видов имущества, установленные во внутреннем законодательстве, носят императивный характер, регулируются нормами непосредственного применения. В Российской Федерации пределы правоспособности иностранного гражданина быть собственником имущества определяются на основе принципа национального режима. Определение содержания правоспособности иностранного гражданина по его личному закону означало экстерриториальное действие нормативных правовых актов иностранного государства в Российской Федерации и вмешательство во внутренние дела страны, что, естественно, является недопустимым.

Литература:

1. Гетьман-Павлова И.В. Международное частное право: Учебник. – М.: Эксмо, 2005. – 752 с.
2. Менглиев Ш. Международное частное право. – Душанбе: Типография ТНУ, 2013. – 736 с.
3. Пелевин М.С. Наследование в Иране // Ж-л междунар. частного права. – 1997. – № 5. – С. 3-24.
4. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 9.07.2019 г. № 24 «О применении норм международного права судами Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.consultant.ru.
5. Раджабов М.Н. Гражданско-правовой статус иностранцев в Республике Таджикистан. – Душанбе: Ирфон, 2004. – 186 с.
6. Решение № 2-221/2019 2-221/2019~М-197/2019 М-197/2019 от 26 сентября 2019 г. по делу № 2-221/2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.sudact.ru.

References:

1. Getman-Pavlova I. Private international law: Textbook. – M.: Eksmo, 2005. – 752 p.
2. Mengliev Sh. International private law. – Dushanbe: Printing house TNU, 2013. – 736 p.
3. Pelevin M. Inheritance in Iran // Journal of Private International Law. – 1997. – № 5. – P. 3-24.
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 9, 2019 № 24 «On the application of international law by the courts of the Russian Federation». [Electronic resource]. – Access mode: www.consultant.ru.
5. Radjabov M. Civil status of foreigners in the Republic of Tajikistan. – Dushanbe: Irfon, 2004. – 168 p.

6. Act № 2-221/2019 2-221/2019~М-197/2019 М-197/2019 dated September 26, 2019 in case № 2-221/2019. [Electronic resource]. – Access mode: www.sudact.ru.

УДК 342

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ МИГРАЦИОННОЙ
ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН**

**THE CURRENT ISSUES OF STATE MIGRATION POLICY
IMPLEMENTATION ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN**

***СОЛДАТОВА А.В.**, канд. юрид. наук, доцент, зав. кафедрой теории и истории государства и права Университета управления «ТИСБИ»*

***E-mail:** soldatovaalena@yandex.ru*

***ГАТАУЛЛИН А.И.**, магистрант юридического факультета Университета управления «ТИСБИ»*

***SOLDATOVA A.**, PhD in Law, associate Professor, the head of the Theory and History of State and Law, the University of Management «TISBI»*

***E-mail:** soldatovaalena@yandex.ru*

***GATAULLIN A.**, the master's student of the faculty of law, the University of Management «TISBI»*

Аннотация

В статье рассматриваются отдельные вопросы разграничения предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами в сфере правового регулирования миграции. Авторы проводят анализ опыта реализации миграционной политики государства на примере Республики Татарстан, рассматриваются роль и значение привлечения институтов гражданского общества к данному виду деятельности.

***Ключевые слова:** миграция, миграционная политика, разграничение предметов ведения и полномочий, институты гражданского общества.*

Abstract

The article deals with the certain issues of the differentiation of subjects of competence and powers between the Russian Federation and its subjects in the field of legal regulation of migration. The authors analyze the experience of implementing the state's migration policy on the example of the Republic of Tatarstan, and consider the role and importance of involving the civil society institutions in this type of activity.

***Key words:** migration, migration policy, differentiation of subjects of competence and powers, civil society institutions.*

Мобильность и миграция населения стали неотъемлемой частью современной глобальной экономики, а вопросы, связанные с переселением людей и интеграцией рынков труда и производств, оказывают все большее влияние на развитие субъектов Российской Федерации и мира в целом.

Вопросы разграничения предметов введения и полномочий Российской Федерации и ее субъектов отражаются преимущественно в Основном законе государства – Конституции России [1].

Закрепление такого разграничения определяется федеративной формой государственного устройства нашей страны. При этом динамичный характер развития системы общественных отношений не позволяет в полной мере конкретизировать все отношения, которые могут быть отнесены к ведению субъектов РФ. К таким вопросам разграничения полномочий относится и «миграция населения», которая стоит несколько обособленно от тех сфер жизни общества и функционирования государства, которые определены в статьях 71-72 Конституции России. В связи с чем сфера регулирования миграционных процессов напрямую не указана ни в вопросах ведения Федерального центра, ни в вопросах совместного ведения Федерации и субъектов.

Следует отметить, что отношения в сфере миграции касаются интересов не только федерального, но и регионального уровня государственной власти. В Законодательстве РФ нет запрета на участие органов государственной власти субъектов Российской Федерации в регулировании миграционных отношений.

Как правило, полномочия в области управления миграцией населения считаются переданными субъектам Федерации. Вместе с этим встает вопрос о финансовой основе такого делегирования. Способы его решения определяются Бюджетным кодексом Российской Федерации, который содержит потенциальные способы пополнения регионального бюджета, а также способы распределения определенных денежных средств. При отсутствии финансовой поддержки Федерального центра субъекты могут осуществлять миграционные мероприятия из средств собственного бюджета.

Рассматриваемая сфера, действительно, требует больших финансовых вложений. Так, для поддержания определенного уровня качества жизни мигрантов необходимы обеспечение их жильем, медицинским обслуживанием, предоставление услуг в сфере образования детей и пр. Решение всех подобных вопросов напрямую связано с финансированием субъекта Российской Федерации, реализацией целевых программ по оказанию адресной социальной поддержки мигрантам. Подобные программы, как отмечается в научной литературе, должны составлять одну из основ политики социального государства в сфере миграции [5, с. 62].

На сегодняшний день Республика Татарстан относится к числу привлекательных с точки зрения миграции субъектов. По данным республиканского Министерства труда, занятости и социальной защиты, на протяжении последних четырех лет количество прибывших в регион и поставленных на миграционный учет человек неизменно растет.

За 2019 г. на миграционный учет поставлены 322 тыс. иностранных граждан, что на 25% больше аналогичного периода 2017 г. Обращаясь к статистике за 2018 г., приведем цитату из выступления министра труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан: «Если говорить о постоянно и временно проживающих, то по состоянию на 1 декабря 2018 г. в Татарстане находятся 22 тыс. иностранных граждан. Нельзя забывать, что в уходящем году был Чемпионат мира по футболу-2018, который сыграл немалую роль в привлечении трудовой силы из стран СНГ».

Данные статистики, таким образом, подтверждают миграционную привлекательность Татарстана. При этом основной фактор, который продолжает выступать «магнитом» для мигрантов в республике, – это возможность трудоустройства. Наибольшее количество разрешений на работу оформлено для осуществления трудовой деятельности в сфере строительства, обрабатывающего производства и общественного питания. Подразделения по вопросам миграции территориальных органов МВД России оказывают 17 видов государственных услуг. В 2018 г. подразделениями по вопросам миграции оказано более 70 млн. государственных услуг, из них в Поволжском федеральном округе – 9,7 млн., что составляет почти 14% от общего количества оказанных услуг в сфере миграции. Немалую роль в этих процессах играет, как видится, фактор интенсивной информатизации сферы государственных услуг в нашей республике.

Так, к примеру, достаточно широко востребована у населения региона государственная услуга по оформлению документов, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации за пределами государства. В I квартале 2019 г. принято к рассмотрению свыше 37 тыс. заявлений о выдаче заграничного паспорта. В республике функционирует 20 объектов оформления паспортно-визовых документов нового поколения. Дополнительно с 2019 г. открыт прием документов на оформление заграничных паспортов, содержащих электронный носитель информации в 9 филиалах ГБУ МФЦ в городах: Казань, Набережные Челны, Нижнекамск, Альметьевск, Бугульма, Елабуга, Зеленодольск, Лениногорск, Чистополь [3].

Стратегией социально-экономического развития республики до 2030 г. предусмотрено привлечение мигрантов в качестве трудовых ресурсов. При этом руководство Республики Татарстан готово поддержать

предложения, направленные на решение актуальных проблем в сфере миграции.

Если говорить об адаптации мигрантов, то в этом вопросе, как видится, основная задача государства – привлечение институтов гражданского общества к проблемам мигрантов, поддержка некоммерческих организаций, обладающих соответствующим опытом, способных эффективно работать в данном направлении. Так, в Татарстане регулярно проводятся встречи представителей публичной власти с лидерами культурных автономий, оказывается всесторонняя поддержка функционирующим в данной сфере социально ориентированным некоммерческим организациям. Одной из таких организаций, занимающихся вопросами социальной адаптации мигрантов в республике, является Автономная благотворительная некоммерческая организация «Новый век», создавшая низкопороговый центр, в который мигранты могут обратиться со своими проблемами.

Данная организация реализует в своей деятельности комплексную модель работы с мигрантами, состоящую из нескольких компонентов. Каждый из них можно уверенно отнести к числу социальных инноваций: мобильное приложение M-Help на 7 языках, ориентационные курсы, Центр помощи мигрантам, институт социального патронажа и т.д.

Для предотвращения нежелательного, аномативного поведения мигрантов в социуме организация «Новый век» по заказу Министерства труда, занятости и соцзащиты РТ проводит обучающие курсы по правовым основам, культуре поведения, профилактике заболеваний, истории России и основам разговорного русского языка. Данный проект стал реализовываться относительно недавно, что было вызвано новой волной миграционного притока тех лиц, которые не застали времена Советского Союза и русским языком, соответственно, не владеют. Но даже для них есть решение – преподаватель курса владеет узбекским и азербайджанским языками. Для закрепления информации есть видеопособие на трех языках, а по окончании курса выдается карта-буклет с адресами всех необходимых учреждений.

В данном нововведении весьма прогрессивным является комплексный, системный характер применяемых мер, направленных, в числе прочего, на адаптацию правосознания и правовой культуры мигрантов к российской правовой действительности, что составляет одну из основ превенции совершения правонарушений данными субъектами. Как справедливо отмечается в научной юридической литературе, «правосознание как часть сознания индивида является своего рода индикатором состояния социально-правовой действительности, выступает субъективным фактором его взаимодействия с обществом» [4, с. 194]. Следовательно, первоначальные меры просветительской направленности способны оказать положительное влияние на процесс социальной

адаптации мигрантов, в том числе социокультурной ее составляющей. В противном случае миграция может стать источником пополнения правовой маргинальности, крайне опасные формы проявления которой могут представлять «исключительную общественную опасность для устойчивости и национальной безопасности государственных образований» [6, с. 100-101].

Помощь в социальной адаптации мигрантов на сегодняшний день оказывают многие предприятия республики. Одним из таких примеров, реализующих социальную политику, является унитарное предприятие «Метроэлектротранс». Сегодня водителями троллейбусов и трамваев, монтерами и кондукторами в Казани трудятся граждане Узбекистана, Таджикистана, Украины, Туркменистана, Молдовы и других стран. Предприятие за свой счет готовит мигрантов по профессии «водитель», предоставляет общежитие и т.д. Также компания помогает своим работникам оформлять трудовые патенты и прочие документы, необходимые для проживания и работы на территории республики [2].

Таким образом, грамотно выстроенная правовая политика в сфере миграции отдельного региона в составе Федерации, основанная на привлечении и социальной адаптации трудовых ресурсов, вовлечении в указанную деятельность институтов гражданского общества, субъектов экономической деятельности, способна стать одним из эффективных факторов и условий успешного социально-экономического развития субъекта Федерации.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС КонсультантПлюс
2. Мигранты будут ехать в Татарстан тысячами: жителям некоторых стран даже патент не нужен. // «БИЗНЕС Online»: <https://www.business-gazeta.ru/article/408050>
3. Правильная миграция как элемент успешного развития Татарстана // <https://www.kazan.kp.ru/daily/26590/3605973/>
4. Солдатов Я.В. Социокультурное содержание правосознания как фактор превенции анормативного поведения. В сборнике: Наука и образование: проблемы и перспективы. Материалы Ежегодной научно-практической конференции с международным участием. Под ред. Н.М. Прусс, А.А. Аюпова. 2018. С. 194-197.
5. Солдатова А.В., Салиева Р.Н. Политика социального государства по противодействию незаконной миграции. В сборнике: Противодействие органов внутренних дел незаконной миграции (вопросы теории и практики). материалы всероссийского круглого стола. 2018. С. 61-64.

6. Степаненко Р.Ф., Степаненко Г.Н. Миграция и правовая маргинальность: современные проблемы общей теории права. Право и государство: теория и практика. 2018. № 2 (158). С. 97-101.

References:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // SPS ConsultantPlus

2. Migrants will go to Tatarstan by the thousands: residents of some countries do not even need a patent. // "BUSINESS Online": <https://www.business-gazeta.ru/article/408050>

3. The correct migration as the element of successful development of Tatarstan // <https://www.kazan.kp.ru/daily/26590/3605973>

4. Soldatov Ya. V. The sociocultural content of the legal awareness as a factor of prevention of abnormal behavior. In the collection: Science and education: problems and prospects. Materials of the Annual scientific and practical conference with international participation. Edited by N. M. Pruss, A. A. Ayupov. 2018. p. 194-197.

5. Soldatova A.V., Salieva R.N. The social state policy on the countering illegal migration. In the collection: Counteraction of internal Affairs bodies to illegal migration (questions of theory and practice). Materials of the all-Russian round table. 2018. Pp. 61-64.

6. Stepanenko R. F., Stepanenko G. N. Migration and legal marginality: the modern problems of the general theory of law. The law and state: theory and practice. 2018. No. 2 (158). pp. 97-101.

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ В ОБЛАСТИ
ЮРИСПРУДЕНЦИИ В УСЛОВИЯХ КОМПЕТЕНТНО-
ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

**THE TOPICAL ISSUES OF THE FORMATION OF PROFESSIONAL
STANDARDS IN THE FIELD OF JURISPRUDENCE IN THE CONDITIONS
OF COMPETENCE-ORIENTED EDUCATION**

ИЛИДЖЕВ А.А., канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного права
юридического факультета Университета управления «ТИСБИ»

Тел.: 8(917)854-52-22

E-mail: ilidsasha@yandex.ru

ILIDZHEV A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate
Professor of the Department of Criminal Law, the Faculty of Law Institution,
the University of Management «TISBI»

Tel.: 8(917)854-52-22

E-mail: ilidsasha@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию вопросов развития системы образования в юридических вузах. Анализируются перспективы формирования профессиональных стандартов для различных должностей в юридической области и их соотношения с федеральными государственными образовательными стандартами. Обосновывается необходимость формирования цифровой компетентности студентов и курсантов в вузах юридической направленности.

Ключевые слова: профессиональный стандарт, компетентность, трудовая функция, цифровизация.

Abstract

The article is devoted to the study of development of the education system in law schools. The prospects for the formation of professional standards for various positions in the legal field and their relationship with federal state educational standards are analyzed. The need for the formation of digital competence of students and cadets in legal universities is substantiated.

Key words: professional standard, competence, labor function, digitalization.

В соответствии с современными тенденциями в образовательной среде, в том числе в области юриспруденции, одними из приоритетных задач в области профессиональной подготовки кадров являются развитие многоуровневой практико-ориентированной системы непрерывного профессионального образования, приведение содержания и струк-

туры профессиональной подготовки кадров в соответствии с динамично изменяющимися потребностями юридического сообщества. В этих целях предполагается разработать комплексное научное и методическое обеспечение Федеральных государственных образовательных стандартов (далее – ФГОС) по специальностям, реализуемым в образовательных организациях юридического профиля, разработать и реализовать практико-ориентированные образовательные программы, обеспечивающие наряду с базовым академическим образованием качественную прикладную профильную подготовку.

Формирование кадровой основы различных правоохранительных органов осуществляется с помощью разнообразных форм подготовки кадров в соответствии с различными нормативными правовыми актами. Например, в системе органов внутренних дел Федеральным законом «Об образовании», Федеральным законом «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации» [3], приказами МВД России и других правоохранительных органов, являющимися одними из самых важных.

Между тем, как отметил Президент России, принимая участие в ежегодном расширенном заседании коллегии МВД РФ по итогам работы за 2019 г. каждое второе преступление остается нераскрытым [6]. Стоит отметить, что не последнюю роль в таком негативном состоянии дел сыграло отсутствие в необходимом объеме высококвалифицированных кадров, способных на должном уровне решать поставленные задачи, что явилось следствием недостаточно высокого уровня профессиональной подготовки.

За последние десятилетия на процесс подготовки кадров для правоохранительных органов большое влияние оказал процесс стандартизации образования. В частности, подготовка кадров в рамках компетентностной парадигмы образования может осуществляться только путем реализации ФГОС с учетом специфики правоохранительной деятельности. Метаморфозы, произошедшие в системе образования в последнее время, обуславливают необходимость поиска новых возможностей в сфере стандартизации образования, которые должны коррелировать с профессиональными стандартами (далее – ПС). Вместе с тем, применение образовательных стандартов в юридических вузах связано с определенными противоречиями.

На данном этапе развития высшей школы ФГОСы устанавливаются Правительством Российской Федерации. Постановление Правительства РФ № 434 от 12.04.2019 г. «Об утверждении Правил разработки, утверждения Федеральных государственных образовательных стандартов» определяет, что Министерство науки и высшего образования (Министерство просвещения) Российской Федерации обеспечивает разработку их проектов.

Как справедливо отмечают в литературе, согласования проектов ФГОС, по которым готовят сотрудников правоохранительных органов, с работодателями не требуется [1, с. 153-159], что, на наш взгляд, вызывает некоторую настороженность, учитывая специфический характер будущей профессиональной деятельности их сотрудников.

В настоящее время к сотрудникам правоохранительных органов, претендующих на соответствующие должности, согласно Закону, предъявляются определенные требования, в том числе к стажу службы, профессиональным знаниям и навыкам, образованию. Следует отметить, что указанные требования в части профессиональных знаний определены в Законе не совсем четко и ясно, что не дает возможности понять, что же должен знать и уметь будущий сотрудник правоохранительного органа, обучаясь в ведомственном вузе [2, с. 48-51].

В то же время, как известно, российское образование, начиная с 2010 г., развивается в компетентностной парадигме образования, согласно которой в ФГОСах требования к результатам обучения выражаются в виде компетенций, и вуз, в данном случае – правоохранительный орган, должен разрабатывать учебно-методические материалы, пытаться скоррелировать их с соответствующими компетенциями. Стоит отметить, что они не в достаточной степени корреспондируются с квалификационными требованиями к должностям в органах внутренних дел. В итоге складывается довольно противоречивая ситуация.

Решение обозначенной проблемы видится в разработке профессиональных стандартов для различных правоохранительных органов.

Некоторые ученые понимают под ними многофункциональный нормативный документ, определяющий требования к содержанию и условиям труда, компетенциям работников и т.д. [4, с. 27].

Проблемы разработки и реализации профессиональных стандартов вызывают растущий интерес работодателей, и не только их [7; 8].

По мнению некоторых ученых [4, с. 27], разработка профессиональных стандартов основана на следующих принципах: учет особенностей современного типа общества; учет международных тенденций в области разработки профессиональных стандартов; измеримость требований, указанных в стандарте, и единые критерии формулировки этих требований; отражение минимальных требований.

В целом, поддерживая вышеуказанную классификацию принципов, необходимо уточнить, что применительно к правоохранительным органам их можно дополнить специфическими принципами, связанными с назначением и основными направлениями их деятельности.

Анализ трудовой деятельности, направленный на выявление функций и требований к качеству их выполнения работниками различных уровней квалификации, можно определить как базовую основу формирования стандарта. Например, для органов внутренних дел качество

выполняемой оперативно-служебной деятельности определяется достижением показателей служебной деятельности.

Профессиональные стандарты должны описывать актуальные требования к выполнению трудовых функций, обеспечивающих высокую эффективность правоприменительной деятельности. При этом каждая трудовая функция должна формировать «единицу профессионального стандарта». Каждая единица профессионального стандарта четко описывает следующие параметры: название трудовой функции, действия, обеспечивающие выполнение этой функции, характеристики квалификационного уровня, требуемые знания и умения.

Благодаря такой структуре входящих в него единиц профессиональный стандарт может быть спроецирован в требования образовательных стандартов и программ профессионального образования. А именно, каждая единица профессионального стандарта может быть трансформирована в модуль обучения, базирующийся на профессиональных компетенциях, при этом результатом обучения по каждой единице профессионального стандарта становится та функция, которая подлежит освоению [4, с. 59]. Некоторые ученые осуществляют понятийный анализ некоторых элементов, составляющих основу такой категории, как профессиональный стандарт. Так, О.Н. Олейникова, А.А. Муравьева определяют такие основные понятия, как область профессиональной деятельности, вид трудовой деятельности, квалификационный уровень, трудовая функция и т.д. [4, с. 27].

Особого внимания заслуживает определение этими учеными понятия «компетенция» – целостная актуализация в деятельности знаний, умений опыта и отношений/ценностных установок. Анализ различных точек зрения позволяет предположить, что профессиональные компетенции представляют собой интегративную взаимосвязь знаний, умений, навыков, опыта деятельности, ценностных ориентаций, задаваемых по отношению к определенному виду профессиональной деятельности, и определяют способность личности интегрировать в своем сознании и деятельности знания из разных учебных дисциплин.

На сегодняшний день классификация профессиональных стандартов и квалификаций систематизирована специалистами правовой системы «КонсультантПлюс» и размещена в соответствии с наименованиями и кодами областей профессиональной деятельности, утвержденных Приказом Минтруда России от 29.09.2014 г. № 667н. В разделе 09 «Юриспруденция» приводятся всего три профессиональных стандарта из области юриспруденции: Следователь-криминалист (09.001); Специалист по конкурентному праву (09.002); Специалист по операциям с недвижимостью (09.003). Вместе с тем, в идеале характеристики квалификаций, которые составляют содержание профессионального

стандарта, должны быть разработаны ко всем базовым должностям в сфере юриспруденции.

В то же время опыт в части разработки профессиональных стандартов, в частности, у некоторых правоохранительных органов уже имеется. Так, Следственный департамент Министерства внутренних дел Российской Федерации совместно с Академией Следственного комитета Российской Федерации и Московским государственным университетом им. М.В. Ломоносова выступил в качестве разработчика профессионального стандарта «Следователь-криминалист» [5].

Анализ данного профессионального стандарта представляется весьма полезным в контексте того, что по каждому структурному подразделению, осуществляющему оперативно-служебную деятельность по основным направлениям, регламентированным в ст. 2 Закона «О полиции», по соответствующим должностям должны быть разработаны профессиональные стандарты, и может послужить в качестве определенного ориентира в этих целях.

В этой связи необходимо отметить следующий момент. По нашему мнению, отсутствует достаточно четкая грань между содержанием некоторых элементов профессионального стандарта и формулировками различных компетенций, нашедших свое отражение в Федеральных государственных образовательных стандартах в области юриспруденции в качестве требований к результатам обучения.

Подводя итог анализу профессионального стандарта «Следователь-криминалист», следует отметить, что, прежде всего, необходимо четкое понимание того, какие сотрудники требуются организации на конкретные должности, какими профессиональными знаниями, умениями и навыками они должны обладать для выполнения возложенных на них задач. В итоге в перспективе должны быть сформированы тщательно продуманные профессиональные стандарты.

В этой связи представляется, что разработчиками профессиональных стандартов для должностей в правоохранительных органах должны стать их структурные подразделения, которые в последующем комплектуются соответствующими специалистами.

Отдельного внимания заслуживает такое направление, как учет при разработке профессиональных стандартов по различным должностям в правоохранительных органах (а далее – на их основе ФГОСов) вопросов формирования информационно-технологической или, если рассматривать шире, – цифровой компетентности. Безусловно, сотрудник должен быть информационно грамотным, то есть обладать набором компетенций, необходимых для получения, понимания, оценки, адаптации, генерирования, хранения и представления информации, используемой для анализа проблем и принятия решения в сфере органов внутренних дел.

В ходе профессиональной подготовки в ведомственных вузах не уделяется достаточного внимания вызовам современности, связанным с цифровизацией различных сфер человеческой жизнедеятельности, повсеместным внедрением элементов искусственного интеллекта, что неизбежно скажется в ближайшем будущем на эффективности оперативно-служебной деятельности сотрудников правоохранительных органов. Стоит отметить, что нормативное закрепление данной тенденции нашло свое отражение в Указе Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы», Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», Постановлении Правительства РФ от 2 марта 2019 г. № 234 «О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика в Российской Федерации». Данные требования обязательно должны найти свое отражение в профессиональных стандартах по различным должностям в правоохранительных органах.

Формирование цифровой компетентности – это одно из основных требований современного образования. Появляются новые формы информационного обеспечения деятельности правоохранительных органов, которые в некоторых случаях дают возможность раскрывать преступления, не выходя из стен служебного кабинета.

После разработки и принятия профессиональных стандартов в сфере деятельности правоохранительных органов должны быть созданы Федеральные государственные образовательные стандарты, которые в рамках компетентностного подхода должны включать перечень необходимых компетенций как результатов обучения.

Выделяются системные и организационные проблемы по стыковке ФГОС и ПС: ФГОС ориентированы на универсальность, относительную неизменность, а ПС – на уникальность; ПС находятся в стадии становления (идет разработка новых, вносятся изменения в уже утвержденные, по многим профессиям, видам деятельности они еще отсутствуют); отсутствуют отработанные методики и процедуры оценки соответствия ФГОС и ПС; часто одному ФГОС соответствуют ПС из разных областей профессиональной деятельности.

В ходе обучения обучающиеся в вузах правоохранительных органов должны приобретать знания, умения и профессиональные навыки, необходимые им для осуществления служебной деятельности в рамках занимаемой должности. Согласно компетентностной парадигме образования эти ЗУНы должны охватывать всю совокупность компетенций, предусмотренных ФГОС. Сформированность данных компетенций позволит в случае разработки и внедрения ПС утверждать, что выпуск-

ник соответствует им и может замещать соответствующую должность в ОВД.

Компетентностная парадигма, которая определяет основной вектор развития современного образования в России, предполагает, что преподаватель высшей школы должен понимать основные идеи этой модели и те новые квалификационные требования, которые должны вытекать из профессиональных стандартов, коррелирующих с ФГОС по направлениям подготовки (бакалавров или магистров). Результаты образования представляют собой описание того, что выпускник образовательной организации правоохранительного органа будет способен делать после освоения основной образовательной программы. Реализация данного подхода позволит существенно повысить уровень профессиональной подготовки обучающихся в вузах правоохранительных органов, что позволит в полной мере решить задачи, поставленные перед ними на современном этапе.

Литература:

1. Бавсун И.Г., Гусев В.А. Проблемы стандартизации высшего образования в системе подготовки кадров для органов внутренних дел Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. – 2019. – № 3 (51).

2. Бавсун И.Г., Ильин С.А. Организация дополнительного профессионального образования резерва руководящего состава территориальных органов МВД России // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2018. – № 3 (74).

3. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ // СЗ РФ. – 2011. – № 49 (ч. I). – Ст. 7020.

4. Олейникова О.Н., Муравьева А.А. Профессиональные стандарты: принципы формирования, назначение и структура: Метод. пос. – М., 2011. – 100 с.

5. Приказ Минтруда России от 23.03.2015 г. № 183н «Об утверждении профессионального стандарта «Следователь-криминалист» (Зарегистрировано в Минюсте России 07.04.2015 г. № 36755).

6. Стенограмма расширенного заседания коллегии МВД РФ по итогам работы за 2019 г. от 26.02.2020 г. // Электронный ресурс: Kremlin.ru (дата обращения: 29.04.2020).

7. Шаронин Ю.В. Стандартизация образования: проблемное поле модернизации российского профессионального образования // Современные проблемы науки и образования. – 2016. – № 6.

8. Щепанский И.С. О необходимости и направлениях разработки профессиональных стандартов в юридической области // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 5 (42).

References:

1. Bavsun I., Gusev V. Problems of standardization of higher education in the system of training personnel for the internal affairs bodies of the Russian Federation // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2019. – № 3 (51).

2. Bavsun I., Ilyin S. Organization of additional professional education for the reserve of the leadership of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Psychopedagogy in law enforcement agencies. – 2018. – № 3 (74).

3. On service in the internal affairs bodies of the Russian Federation and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal law dated November 30, 2011 № 342-FZ // SZ RF. – 2011. – № 49 (part I). – Art. 7020.

4. Oleinikova O., Muravyova A. Professional standards: principles of formation purpose and structure method. – Textbook. – M., 2011. – 100 p.

5. Order of the Ministry of Labor of Russia dated 03.23.2015 № 183n «On the approval of the professional standard «Investigator-criminalist» (Registered in the Ministry of Justice of Russia dated 07.04.2015 № 36755).

6. Transcript of the expanded meeting of the collegium of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation following the results of work for 2019 dated 02.26.2020 // Electronic resource: Kremlin.ru (date of treatment: 04/29/2020).

7. Sharonin Yu. Standardization of education: the problem field of modernization of Russian vocational education // Modern problems of science and education. – 2016. – № 6.

8. Shchepansky I. On the need and directions for the development of professional standards in the legal field // Actual problems of Russian law. – 2014. – № 5 (42).

САМОЗАЩИТА В МЕЖДУНАРОДНОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

SELF-DEFENSE IN THE INTERNATIONAL CRIMINAL PROCESS

ИВАНОВ В.В., преподаватель-исследователь международного и европейского права Университета управления «ТИСБИ»

IVANOV V., Researcher in International and European Law, the University of Management «TISBI»

Аннотация

В статье рассматриваются правовые проблемы, связанные с личной защитой (самозащитой) в международном уголовном процессе. Рассматриваются вопросы правового регулирования и практической реализации права обвиняемого на защиту лично. Обсуждаются формы участия суда в решении вопроса самозащиты в Международном уголовном процессе, а также соразмерность ущерба, наносимого принципу равенства сторон, положению защиты и в противовес им – достигаемой защиты правосудия путем императивных решений и действий трибуналов по запрету самозащиты или предоставлению бесплатного защитника.

Ключевые слова: международные суды и трибуналы, Международный уголовный суд, наказание в международном уголовном праве, Международный трибунал по бывшей Югославии, Международный трибунал по Руанде, самозащита.

Abstract

The article discusses legal problems associated with self-defending in international criminal proceedings. What approach should be taken when regulating self-defense? The issue of the court's participation in solving the issue of self-defense in international criminal proceedings is also raised. A variety of damage to the equal rights of the parties, the provision of protection and justice, the adoption of peremptory decisions and the actions of the tribunals to prohibit self-defense or to provide a free defense lawyer.

Key words: International courts and tribunals, International Criminal Court, punishment in international criminal law, International Tribunal for the Former Yugoslavia, International Tribunal for Rwanda, defense in international criminal procedure.

Во многих странах судебные разбирательства проходили без адвокатов в течение столетий. Осуществление защиты не лично, но с помощью защитника появилось в ряде правовых культур значительно позднее. В настоящее время право на достаточную и эффективную

правовую помощь в рамках уголовного судопроизводства считается одним из основных элементов права на справедливое судебное разбирательство в отношении подозреваемых и обвиняемых. Если обвиняемый не может позволить себе нанять частного адвоката, суд обязан назначить ему государственного защитника. Отказ в предоставлении защитника обвиняемому в рамках уголовного судопроизводства в большинстве случаев приравнивается к серьезному нарушению его права на справедливое рассмотрение дела в суде. Данная норма, впрочем, в национальном праве многих государств фактически «изжила» право на личную защиту (самозащиту).

В то же время ряд основополагающих международных актов по правам человека предусматривают, что любое лицо, которое обвиняется в совершении преступления, имеет право не только на защитника, но и право защищать себя лично.

Одним из важнейших принципов деятельности защитника является обеспечение конфиденциальности взаимоотношений между адвокатом и его клиентом. В современных международных уголовных судах и трибуналах иногда возникают ситуации, когда адвокаты по тем или иным причинам могут раскрыть часть сведений, полученных от подзащитного, как органам суда или трибунала, так и другим обвиняемым, либо, когда обвиняемый не доверяет никому из предложенных ему судом защитников. Таким образом, возникают ситуации, которые требуют осуществления самозащиты.

В последние три десятилетия наблюдается существенное увеличение количества органов международной уголовной юстиции. Увеличение числа таких органов привело и к значительному увеличению числа обвиняемых в международных уголовных судах и трибуналах. Возникли серьезные теоретические вопросы, касающиеся защиты прав обвиняемых, а также правового статуса защитников. Среди таких вопросов можно назвать проблемы защиты, осуществляемой подсудимым лично [1, с. 116-120].

Всеобщая декларация прав человека предусматривает право подсудимому защищать себя лично или через выбранного им самим защитника [2, с. 289-291], или, при недостатке у него средств для оплаты услуг защитника, пользоваться услугами назначенного ему защитника бесплатно, когда этого требуют интересы правосудия.

В этой связи стоит обратить внимание на неравное положение защиты и обвинения в рамках международных судебных учреждений. Во-первых, обвинение является частью международного судебного органа, в то время как защита – часть общественной организации, которая требует признания со стороны суда. Во-вторых, сотрудники канцелярии обвинения работают в большом коллективе и имеют коллективный опыт, в то время как защитники работают индивидуально и обладают,

как правило, более ограниченным индивидуальным опытом. К тому же, находясь в одном офисе, для юристов обвинения еще проще учиться друг у друга и передавать свои знания, в отличие от адвокатов защиты, у которых таких возможностей гораздо меньше, так как их работа более уединенная.

В научной литературе выдвигается предположение о том, что «лидерам-диктаторам» нельзя позволять защищать себя лично в международных уголовных судах, поскольку они злоупотребляют этим своим правом. Однако в соответствии с уставами международного трибунала по бывшей Югославии, Международного трибунала по Руанде, Международного остаточного механизма по уголовным трибуналам, Специального суда по Сьерра-Леоне и др. право на самозащиту является одной из «минимальных гарантий», предоставляемых обвиняемым. Так, например, статья 21 (4) (d) Устава Международного трибунала по бывшей Югославии предоставляет обвиняемому право быть судимым при его личном присутствии и защищать себя лично или через юридическую помощь по своему выбору [2, с. 400].

Признавая, что это право должно соблюдаться, международные уголовные суды не лишали ни одного обвиняемого этого права без дополнительной формы правовой помощи в виде назначенного судом защитника. Между тем, такой подход означает ограничение минимального права, что весьма сомнительно с правовой точки зрения. В практику международной уголовной юстиции была введена дополнительная форма защиты (*amici curiae*, резервный адвокат или назначенный судом адвокат). Их задачи были изложены в индивидуальных судебных постановлениях.

Нельзя недооценивать то, что окончательный подход к этому вопросу имеет важные последствия не только для прав обвиняемого, но и для позиции назначенного против воли подсудимого («навязанного») адвоката. Эти адвокаты должны помогать обвиняемому, который не принимает никакой помощи и который отказывается давать какие-либо инструкции и пояснения. Несомненно, это влияет на нормальное выполнение функций адвоката. Адвокат, назначенный судом, может испытывать трудности с соблюдением кодекса профессионального поведения защитника, предназначенного для «обычного» адвоката. При этом если подсудимому невозможно гарантировать эффективную защиту, само существование такого «навязанного» адвоката наносит ущерб целостности адвокатуры как института и, в более широком смысле, справедливости судебного разбирательства.

Таким образом, важно определить, какая из форм юридической помощи была бы наиболее желательной в дополнение к защите обвиняемого, который желает представлять себя сам. Наиболее подходящим

решением должно быть уважение прав обвиняемого без назначения адвоката против его воли.

Современный международный уголовный процесс формировался под воздействием правовых норм, присущих как странам общего права, так и континентального права, однако в целом преобладают элементы общего права. Тем не менее, «механическое» включение национальных правовых концепций или идей в международное уголовное судопроизводство было бы неуместным. В странах континентальной правовой семьи уголовный процесс имеет тенденцию быть несколько «патерналистским», не оставляя обвиняемому возможности выбора. В этой ситуации юридическая некомпетентность обвиняемого является одной из основных причин назначения адвоката даже против его воли. Такие действия суда оправдываются интересами самого обвиняемого. Кроме того, обязательное представительство часто предписывается законом, особенно в сложных случаях, а также при апелляционном и кассационном обжаловании.

В странах общего права ситуация иная. Хотя признается, что обвиняемому могло бы быть лучше, если бы защитник действовал от его имени, обвиняемый получает значительную свободу действий при осуществлении своего права на защиту себя лично и ему предоставляется значительная автономия [4, с. 100-105].

Обвиняемым разрешается представлять себя до тех пор, пока они способны понять последствия своего выбора, а отказ от юридического представительства не обусловлен стремлением вызвать задержку или сорвать разбирательство. С учетом различных подходов к праву обвиняемого на защиту себя лично в системах континентального права и общего права, а также в связи с тем, что суды по правам человека не занимались этим правом в значительной степени, непросто определить, какой подход является наиболее предпочтительным в международном уголовном процессе.

Существует устойчивое представление о том, что подсудимый, защищающий себя в международном уголовном трибунале лично, вряд ли обеспечит тот же уровень правового представительства, что и квалифицированный защитник. Тем не менее, когда подсудимый настаивает на том, что он желает защищать себя сам, это автоматически не означает, что он не имеет права на дополнительную юридическую помощь. Получив право представлять себя, подсудимый должен иметь возможность использовать это право наиболее эффективным способом.

Поскольку подсудимые, как правило, содержатся под стражей, они не имеют свободы действий или возможностей, доступных для адвоката. Тем не менее, международные уголовные суды пытались найти соответствующие решения этой проблемы. Обвиняемые были обеспечены оргтехникой, такой как компьютеры, стационарные и сотовые

телефоны. Помещения для пользования техникой были предоставлены либо в их камерах, либо в охраняемой комнате в следственном изоляторе, где обвиняемый мог допрашивать свидетелей и просматривать материалы [4, с. 649-650].

Между тем, после того, как подсудимому одобрено право представлять себя, он также может рассчитывать на дополнительную юридическую помощь. Например, в деле «*Прокурор против Милошевича*» судебная палата Международного трибунала по бывшей Югославии назначила группу *amici curiae* (т.н. «друзей суда»), которые присутствовали в зале суда. Суд посчитал, что «в интересах справедливого судебного разбирательства, чтобы подсудимый мог встречаться и иметь возможность свободно общаться с лицами для получения юридических консультаций». Однако позднее С. Милошевичу был назначен адвокат против его воли [3, с. 186]. Другому обвиняемому в Международном трибунале по Руанде было разрешено иметь дополнительного адвоката для получения юридических консультаций [5, с. 215-220].

Обеспечение защиты в международных уголовных судах и трибуналах имеет еще одну проблему, а именно обеспечение равенства сторон. В ряде международных судов максимальное количество адвокатов, которое можно назначить для обвиняемого в рамках системы предоставления бесплатной юридической помощи, составляет только два специалиста: один ведущий адвокат (*lead counsel*) и его заместитель (*co-counsel*). Только троих вспомогательных штатных сотрудников (таких как следователи или помощники по правовым вопросам). В деле «*Прокурор против Тэйлора*» Специальный Суд по Сьерра-Леоне назначил обвиняемому троих защитников: одного ведущего адвоката, двух дополнительных адвокатов и одного старшего следователя. Для столь сложного дела такое количество юристов очевидно недостаточно, особенно на фоне в несколько раз большей по численности группы юристов стороны обвинения.

Защита обвиняемых по делу «*Прокурор против Кайишемы и Рузинданы*» в Международном трибунале по Руанде выдвинула предложение по устранению разницы в количестве лиц стороны обвинения и членов группы защиты и предложила сделать это количество равным на этапе судебного разбирательства. Как апелляция, так и судебная палата трибунала по Руанде сочли данное предложение излишним, так как равноправие сторон не требует «количественного равенства, которое выражается в обладании одинаковым количеством финансовых и/или людских ресурсов».

Директива Международного трибунала по Руанде о назначенном адвокате оговаривает то, что трибунал покрывает расходы, касающиеся следственных действий. Уровень неравенства ресурсов для проведения расследования, в сравнении обвинения с защитой, будет оправдан

благодаря их различным ролям. Без полицейских сил обвинение начинает свое расследование с нуля, возбуждает уголовное дело и несет бремя доказывания. Помимо презумпции невиновности, важный вклад, который может внести обвиняемый для адвоката защиты, – это важная информация. Однако существенным недостатком в контексте международного уголовного судопроизводства, как правило, является то, что защита получает возможность проведения собственного расследования только спустя несколько лет, после того как обвинение начало свое расследование.

Чтобы убедиться, что юридические консультанты-помощники могут помочь подсудимому принимать обоснованные и юридически грамотные решения относительно его защиты, Международный трибунал по бывшей Югославии постановил, что они должны удовлетворять требованиям трибунала в отношении адвокатов. Вопрос о том, кто несет финансовую нагрузку за таких консультантов, обвиняемый или суд, решается в каждом конкретном случае судами отдельно.

Международный трибунал по бывшей Югославии оплатил услуги его юридических консультантов ряда обвиняемых, за исключением расходов на лицо, которое встречалось с потенциальными свидетелями [6, с. 391].

Правовая помощь, которую должны обеспечить обвиняемому в качестве минимальной меры, если он не имеет средств для покрытия расходов, связанных с защитой его интересов в суде по международным уголовным делам, трибуналами в достаточной мере не рассматривалась. Первоначально один адвокат считался достаточным для ведения дела. Вскоре стало очевидно, что один адвокат не мог обеспечить эффективную защиту по международному уголовному делу.

Уровень квалификации, который необходим для осуществления адвокатом эффективной защиты в рамках сложного международного уголовного дела, остается принципиальным вопросом. В то же время, по нашему мнению, требования не должны быть искусственно завышенными, например, требование о наличии 10 лет стажа представляется завышенным. Требование 5 лет стажа наряду с правом заниматься адвокатской практикой на том рабочем языке, которым адвокат владеет, может быть более эффективным подходом. Он может включать в себя проверку знаний адвоката соответствующих отраслей права. Если родной язык обвиняемого отличается от языка его адвоката защиты, то адвокату может быть сложно установить доверительную связь со своим клиентом. Адвокату, который знает язык обвиняемого, но не знает ни одного из рабочих языков, может потребоваться пройти курсы по одному из рабочих языков. Как правило, международные трибуналы предоставляют обвиняемому достаточно возможностей разговаривать с адвокатом в частном порядке. Тем не менее, недостатком является

то, что это не распространяется на других членов группы защиты, таких как помощники по правовым вопросам, особенно тогда, когда адвокат находится не в местопребывании трибунала. В частности, это вызывает трудности в Международном трибунале по Руанде, где секретарь и судебные палаты редко принимают во внимание особые обстоятельства, служащие основанием для предоставления таких свиданий.

В целом, правовое регулирование и деятельность международных уголовных судов и трибуналов оставляют существенные проблемы обеспечения защиты обвиняемых, в том числе тех, кто защищает себя лично.

Литература:

1. Лазутин Л.А. Место правовой помощи по уголовным делам в системе международного права. Современное право. 2016. № 6.

2. Международное право. Курдюков Г.И., Абдуллин А.И., Бирюков П.Н., Давлетгильдеев Р.Ш., Валеев Р.М., Каюмова А.Р., Марочкин С.Ю., Мезяев А.Б., Мингазов Л.Х., Нугаева Н.Г., Тюрина Н.Е. Учебник для бакалавров / Москва, 2017.

3. Мезяев А.Б. Назначение адвоката на процессе против Слободана Милошевича в Гаагском трибунале: Некоторые международно-правовые вопросы. Московский журнал международного права. 2005. № 2. С. 186.

4. Сафина О.В. Язык в международно-правовой сфере // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2016. № 10. С. 100-105.

5. Gosnell C. The changing context of evidential rules / C. Gosnell // Principles of Evidence in International Criminal Justice / ed. by K. A. A. Khan, C. Buisman, C. Gosnell. – New York, 2010.

6. Sliedregt E. Pluralism in International Criminal Law / E. Sliedregt, S. Vasiliev. – Oxford: Oxford University Press, 2014.

References:

1. Lazutin L.A. The place of legal assistance in criminal matters in the system of international law. Modern law. 2016. No. 6.

2. International law. Kurdyukov G.I., Abdullin A.I., Biryukov P.N., Davletgildeev R.Sh., Valeev R.M., Kayumova A.R., Marochkin S.Yu., Mezyaev A.B., Mingazov L .Kh., Nugaeva N.G., Tyurina N.E. Textbook for bachelors / Moscow, 2017.

3. Mezyaev A.B. Appointment of a lawyer in the proceedings against Slobodan Milosevic at the Hague Tribunal: Some international legal issues. Moscow Journal of International Law. 2005. No. 2.P. 186.

4. Safina O.V. Language in the international legal sphere // Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Economics and Law. 2016. No. 10.P. 100-105.

5. Gosnell C. The changing context of evidential rules / C. Gosnell // Principles of Evidence in International Criminal Justice / ed. by K. A. A. Khan, C. Buisman, C. Gosnell. – New York, 2010.

6. Sliedregt E. Pluralism in International Criminal Law / E. Sliedregt, S. Vasiliev. – Oxford: Oxford University Press, 2014.

УДК 172

**МНОГООБРАЗИЕ ФОРМ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
(В ПОМОЩЬ АСПИРАНТАМ)**

**THE VARIOUS FORMS OF COGNITIVE ACTIVITY
(FOR THE POST-GRADUATE STUDENTS)**

БЕССОНОВА Л.А., д-р филос. наук, профессор кафедры философии
Университета управления «ТИСБИ»
Тел.: 8(917)854-21-67

BESSONOVA L., Professor, Doctor of Philosophy, the University of Management
«TISBI»
Tel.: 8(917)854-21-67

Аннотация

Тема статьи затрагивает один из актуальных вопросов в рамках дисциплины «Философия науки» – вопрос о взаимодействии и взаимообусловленности научных и вненаучных форм познавательной деятельности. Правомерно ли считать научные формы познавательной деятельности, основанные на рациональном опыте, единственно верными в постижении истины, или наше мировоззрение и процесс познания необходимо включают в себя и иные, вненаучные, познавательные акты, основанные на интуиции, озарении.

Ключевые слова: *обыденное знание, здравый смысл, игра, мифология, художественно-образное познание, понимание, вненаучное знание, паранаука.*

Abstract

The cognitive activity is a very ancient form of spiritual activity and includes not only scientific forms such as experience or rationalization, but and intuition, contemplation as well.

Key words: *practical knowledge, common sense, play, mythology, the art knowledge, non-scientific knowledge (para-science).*

Познание как форма духовной деятельности, как воспроизводство знаний о мире существует в обществе с момента его возникновения, проходя вместе с ним определенные этапы развития. На каждом из них процесс познания осуществляется в многообразных и взаимосвязанных социально-культурных формах, выработанных в ходе истории человечества.

Уже на ранних этапах истории существовало обыденно-историческое знание, поставлявшее элементарные сведения о природе, а также о самих людях, условиях их жизни, общении, социальных связях. Основой данной формы познания был опыт повседневной жизни и практики людей. Полученные при этом знания носили хотя и первичный, но хаотический характер, представляя собой просто набор сведений, правил, норм поведения. Сфера обыденного знания и познания многообразна. Она включает в себя здравый смысл, верования, приметы, первичные обобщения наличного опыта, закрепленного в традициях, наизданиях, интуитивных прозрениях, предчувствиях и т.д.

Одна из исторических форм познания – игра – является важнейшим элементом деятельности не только детей, но и человека. Деловые, спортивные игры, игра актеров – все это формы, в которых человек, индивид приобщен к познавательной деятельности. Игра – важнейшее условие удовлетворения любознательности детей, формирование их духовного мира, определенных знаний, навыков общения. Понятие игры в настоящее время широко используется в математике, экономике, кибернетике, где разыгрываются сценарии, варианты течения сложных процессов и решения сложных практических проблем. Ряд течений в современной философии рассматривает игру в качестве самостоятельной области изучения: это герменевтика, философская антропология. Многим известна работа Хейзинга «*homo ludens*» – человек играющий, где автор выдвигает концепцию игры как всеобщего принципа становления культуры.

Важнейшей формой познания, духовного освоения мира, особенно на первых этапах становления человечества, являлась мифология, в которой события жизни, природы, общества перерабатывались бессознательно-художественной фантазией народа. В мифах можно обнаружить сюжеты и темы, посвященные происхождению и устройству космоса, попытки ответов на вопросы о происхождении мира, его начале, устройстве о возникновении наиболее важных для человека явлений природы, мировой гармонии, безличной необходимости. Формирование мира в мифах понималось как творение или как постепенное развитие из первобытного бесформенного состояния в порядок, из хаоса в космос, как созидание через преодоление разрушительных демонических сил. В современной постмодернистской философии – структурализме – заявлена концепция, согласно которой мифологическое мышление не просто безудержная фантазия, а своеобразное моделирование мира, позволяющее фиксировать и передавать опыт человечества. В частности, Леви-Строс указывает на конкретность и метафоричность мифологического, по сути, первобытного мышления, его способность к обобщению, классификациям и логическому анализу.

В рамках мифологии сложилась художественно-образная форма познания, получившая свое развитие в искусстве. Искусство не ставит познавательных задач, но содержит в себе мощный гносеологический потенциал. Герменевтика рассматривает искусство как важнейший способ раскрытия истины. В структуре любого художественного произведения можно обнаружить в той или иной форме определенные знания о людях, их характерах, о странах, народах, обычаях, нравах, быте, о чувствах и мыслях.

Мифология способствовала формированию и такой формы познания, как религия. Сюжеты, изложенные в священных книгах – Библии, Коране, рассказывают об обычаях и традициях людей того периода, когда они создавались, более того предписания действий и поступков людей, запреты на определенные формы поведения содержат общечеловеческое звучание, а потому могут рассматриваться как некие абсолютные истины.

Перечисленные формы познания, несмотря на их различия, объединены одним связующим их признаком – все они представляют эмоциональное, чувственное отношение к миру.

Особое место в генезисе познания принадлежит философскому познанию. В отличие от мифологического и религиозного философское познание опирается на доводы интеллекта, реальные наблюдения, логический анализ, обобщения, выводы, доказательства. Рождение философского познания в Европе, в Древней Греции (VII-V вв. до н.э.) явилось одной из составных частей культурного, духовного переворота, в контексте которого возникла и наука (прежде всего греческая математика). Слово «философия» понималось как синоним зарождающегося рационально-теоретического миропонимания. Философскую мысль вдохновляло не накопление сведений (как в науке), а познание «единого во всем». В этом смысле философия является интегральной формой познания.

О чем размышляли и размышляют философы? Прежде всего, объектом их размышлений была и остается природа, о чем говорят труды древних и современных философов: Лукреций Кара «О природе вещей», Дж. Бруно «О бесконечности, Вселенной и мирах», Дидро «Мысли об истолковании природы», П. Гольбаха «Система природы», Гегеля «Философия природы», А. Герцена «Письма об изучении природы». В греческой культуре философия зарождается именно как натурфилософия. Ядром философии является проблема первоосновы всего сущего, из чего все возникает и в которую все возвращается. Эта проблема смыкалась с другой – единого и многого. Поиск единства в многообразии и составил характерную черту всей философской мысли.

С развитием философской формы познания в ее сферу вошли и стали предметом изучения и вопросы общественной жизни людей, ее

политического, правового устройства, что также отразилось в сочинениях: Платон «Государство», Аристотель «Политика», Гоббс «О гражданине», «Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского», Дж. Локк «Два трактата о государственном управлении», Монтескье «О духе законов», Гегель «Философия права».

Предметом раздумий философов являлся и человек, его ум, чувства, язык, мораль, познание, религия, искусство. Хорошо известно, что поворот от космоса к человеку в греческой философии совершил Сократ, и в дальнейшем данная проблематика занимала и занимает важнейшее место в философии. При этом важно отметить, что материалом для философских размышлений о мире служили знания, заимствованные из сюжетов мифологии, религии, а также зарождающейся науки. Можно сказать, что философия и наука выросли из одного корня, затем отделились друг от друга, но не обособились.

Обращение к истории познания позволяет установить их связь, взаимовлияние, подверженное, конечно же, историческим изменениям.

Не вдаваясь в подробности вопроса о взаимоотношениях философии и науки, сделаем следующее заключение: философское познание выполняет ряд важнейших функций: обобщения, интеграции, синтеза всех накопленных человечеством знаний, в том числе и научных, обо всех явлениях и всех областях реальности; философия открывает связи, взаимодействие основных сфер бытия, о которых говорилось выше. Опираясь на принципы рационального миропонимания, философская мысль группирует житейские практические наблюдения различных явлений, формулирует общие положения об их природе, возможных способах познания. Используя метод понимания, накопленный в некоторых областях познания, она создает философские «эскизы» тех или иных природных или общественных реалий, подготавливая их последующую проработку наукой. Таким образом, философия выполняет функцию «интеллектуальной разведки», поставляет своего рода интеллектуальный материал для изучения средствами науки.

В заключение следует сказать и о существовании и функционировании различных форм вненаучного познания мира (наряду с религиозным, мифологическим, философским, игровым) – это паранаука («около», «при»), включающая в себя учения о тайных природных и психических силах и отношениях, скрывающихся за обычными явлениями: мистика, спиритизм, телепатия, психогенез, гностические учения о мире и т.д., это псевдонаука, спекулирующая на неких явлениях, не нашедших научного объяснения (НЛО, снежный человек, чудовище озера Лахнес) и т.д. Следует отметить, что псевдонаука может случайно натолкнуться на истину.

Приведенная типология форм познания может быть осуществлена не только в генетическом плане (как это и было сделано), но и по

другим сопоставительным критериям. В связи с этим можно выделить рациональное и эмоциональное знание и познание, феноменалистское и эссенциалистское, фундаментальное и прикладное, философское и частнонаучное, научное и вненаучное, естественно-научное и гуманитарное.

Литература:

1. Холтон Дж. Что такое антинаука // Вопросы философии. – 1992. – № 2. – С. 38.
2. Степин В.С. История и философия науки: Учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. – М., 2014. – С. 424.
3. Границы науки. – М.: ИФРАН, 2000.
4. Толстой Л.Н. Литература, искусство. – М., 1978.

References:

1. Holton G. What is anti-science // Questions of philosophy. 1992. № 2. – P. 38.
2. Stepin V. History and Philosophy of Science: Textbook for Post-graduate Students and Candidate of Science Degree Applicants. – M., 2014. – P. 424.
3. The frontiers of science. – M.: IFRAN, 2000.
4. Tolstoy L. Literature, art. – M., 1978.

УДК 37

**УНИВЕРСАЛЬНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ ПРОФЕССИОНАЛА:
НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ**

**UNIVERSAL COMPETENCIES OF A PROFESSIONAL:
A NEW LOOK AT THE PROBLEM**

БОБИЕНКО О.М., канд. пед. наук, доцент, проректор по качеству
Университета управления «ТИСБИ»

E-mail: olesia-tisbi@rambler.ru

BOBIENKO O., candidate of Pedagogical Sciences, the University of Management
«TISBI»

E-mail: olesia-tisbi@rambler.ru

Аннотация

В статье представлены обзор публикаций и аналитическое обоснование тенденции трансформации статуса универсальных (общих) компетенций специалистов в условиях транзитивного общества, характеризующегося свойствами

ми неопределенности, непредсказуемости, многозадачности развития экономики и социума. Рассмотрены характеристики общего человеческого капитала, включающего в себя развитые способности к адаптации и преадаптации в меняющемся мире.

Показано, что важнейшим качеством профессионала нового типа становится его адаптивность, основные параметры которой задаются системой самоуправления личности. Целесообразность развития способности к самоуправлению будущих специалистов определяется тем, что на ее основе возможна компенсация дефицита иных внешних и внутренних ресурсов профессионала. Синергетический эффект формирования универсальных компетенций определяется их способностью усиливать специальные профессиональные компетенции субъекта деятельности.

Ключевые слова: *адаптивность, неопределенность, самоуправление, специалист, универсальные компетенции, человеческий капитал.*

Abstract

The article presents an overview of publications and an analytical evidence of the trend of transformation of the status of universal (general) competencies of professionals in a transitional society, characterized by the properties of uncertainty, unpredictability, multitasking of economic and social development. The characteristics of the total human capital, which includes developed abilities for adaptation and pre-adaptation in a changing world, are considered.

The author proves that the most important quality of a new type of a professional is his adaptability, the main parameters of which are set by the system of personal self-management. The expediency of developing the self-management ability of future specialists is determined by the fact that it is possible to compensate the deficiency of other external and internal resources of a professional. The synergistic effect of the formation of universal competencies is determined by their ability to strengthen the special professional competencies of the subject of activity.

Key words: *adaptability, uncertainty, self-management, specialist, universal competencies, human capital.*

В настоящее время, по данным Организации экономического сотрудничества и развития (*Organisation for Economic Co-operation and Development*, ОЭСР), уровень образованности населения в Российской Федерации достаточно высок. Страна занимает одно из первых мест в мире по доле людей с высшим образованием в возрастной когорте от 25 до 34 лет (63%), что превышает среднее значение данного показателя для стран ОЭСР (44%) [21]. Одновременно с этим по уровню развития экономики Россия расположена в группе стран-аутсайдеров. Данный факт является наглядной демонстрацией того, что главным фактором экономического роста выступает не столько количество специалистов с высшим образованием, сколько качество кадрового потенциала страны.

Проблемы человеческого капитала и его эффективного использования в настоящее время занимают центральное место в экономике, психологии, теории управления и других науках. В экономическом ра-

курсе он определяется как «... мера воплощенной в человеке способности приносить доход. Человеческий капитал включает врожденные способности и талант, а также образование и приобретенную квалификацию» [17, с. 67]. В научном дискурсе разделяют общий и специфический человеческий капитал; первая составляющая представлена универсальными компетенциями человека, вторая – специальными профессиональными умениями и навыками.

По оценкам экспертов, в настоящее время значимость универсальных компетенций существенно возросла. Это объясняется, в том числе, тем, что высокий уровень развития общего человеческого капитала делает профессионала относительно свободным и более конкурентоспособным на рынке. Данный факт стал особенно значимым для современного мира труда, который характеризуется значительным фоном неопределенности и непредсказуемости [1; 4; 11]. В ситуациях, когда трудно предугадать, какие профессиональные умения и навыки будут востребованы в среднесрочной перспективе на стремительно меняющихся рынках труда и в непредсказуемом социуме, целесообразно опираться на универсальные способы деятельности.

Однако, судя по результатам международных сопоставлений, Россия значительно отстает от развитых стран мира по уровню развития именно общего человеческого капитала населения. Система профессионального образования, которая поставляет выпускников в реальный сектор экономики России, целенаправленно не формирует универсальные компетенции (впрочем, также в недостаточной степени развивает и специальные профессиональные компетенции, что влечет увеличение издержек предприятий, вынужденных восполнять квалификационные дефициты посредством обучения на рабочем месте). И это несмотря на то, что во всех основных образовательных программах высшего образования в состав планируемых образовательных результатов, в соответствии с Федеральными государственными стандартами, включены универсальные компетенции. Однако как итоговые образовательные результаты в массовой педагогической практике они, как правило, не оцениваются (а значит, и зафиксировать результативность их формирования невозможно).

Следует отметить, что в сравнении с другими позициями в Национальной рамке квалификаций России специалисты с высшим образованием имеют более высокий уровень развития универсальных умений и навыков. В ряде исследований, основанных на российских данных, выявлена положительная корреляция наличия высшего образования и более высокого уровня общего человеческого капитала работников [22; 24].

Значимость освоения универсальных компетенций подчеркивается Э.Ф. Зеером, который считает, что наиболее востребованной сегодня

квалификационной характеристикой современного работника выступает «динамическая профессиональность» – интегративное качество, обусловленное совокупностью профессионально-образовательных способностей, обеспечивающих «универсальность» работника» [6; 7].

В научный оборот современной теории образования введены два новых понятия, различающиеся по глубине синтеза профессиональных качеств субъекта труда:

– *трансфессионализм* (синтез междисциплинарных знаний и компетенций в одной области профессиональной деятельности): качественная характеристика работника, которая отражает его готовность/способность осваивать и выполнять действия в рамках функционально близких видов профессиональной деятельности, имеющих общие объекты труда;

– *транспрофессионализм* (конвергенция различных видов профессиональной деятельности): интегральное качество работника, характеризующее его способность осваивать и выполнять деятельность из различных видов и групп профессий [16, с. 18].

Вследствие усиливающейся неопределенности и многозадачности рынков труда актуализируется такое качество профессионала, как его адаптивность – способность трансформировать свои персональные ресурсы и карьерные стратегии в ответ на изменения внешней среды. Собственно, общий человеческий капитал как раз и включает в себя развитые способности к адаптации и преадаптации в меняющемся мире.

Понятие «адаптационный потенциал», характеризующее адаптационные способности человек, введено в психологический дискурс А.Г. Маклаковым, который определил его как взаимосвязанные между собой психологические особенности личности, определяющие эффективность ее адаптации и вероятность сохранения профессионального здоровья [12].

По мнению специалистов группы Partnership for 21-st Century Learning, главные тенденции, характеризующие XXI век, – глобализация, цифровизация, быстрая смена технологий и условий труда, – выводят такие качества личности, как адаптивность и гибкость, на первое место в перечне востребованных жизненных и карьерных навыков [20]. Т. Wagner подчеркивает: «Гибкость ума и умение адаптироваться к ситуации, не переживая при этом отрицательных стрессов, депрессий, потерь времени и здоровья, – навык XXI века, помогающий идти в ногу со временем и комфортно себя ощущать в новых уникальных обстоятельствах, которые так часто встречаются на пути каждого человека» [25]. В ряде отечественных публикаций адаптационный потенциал личности соотносится с такими понятиями, как стрессоустойчивость, жизнестойкость, способность к саморегуляции [2; 9; 10].

Результаты исследований, проведенных на различных выборках испытуемых (студенты, специалисты, предприниматели, люди с ограниченными возможностями здоровья и др.), свидетельствуют о том, что ресурсы саморегуляции образуют единый фактор совокупных ресурсов личности. Потенциал саморегуляции характеризует готовность личности к реорганизации внутренних ресурсов для достижения их соответствия внешним запросам [8-10].

С середины прошлого века проблемы самоуправления или самоменеджмента (последний термин чаще используется в публикациях научно-популярного содержания) изучались в казанской психологической школе под руководством Н.М. Пейсахова. Представители этого научного направления трактуют саморегуляцию как исключительно физиологический (неосознаваемый) механизм реагирования человека на изменения внешней ситуации. В контур же системы самоуправления личности входят осознаваемые феномены: самоуправление поведением, деятельностью, общением, психическими состояниями человека [14].

В современных условиях успешная профессиональная деятельность возможна на основе владения наиболее общими инструментами мобилизации ресурсов для решения задач самой разной природы. Такими ресурсами выступают информационная грамотность, владение техниками продуктивной коммуникации и организации собственной деятельности. По существу, это исчерпывающий список ресурсов, требуемых для самоуправления деятельностью любого масштаба. Способы владения этими ресурсами в конкретной профессиональной деятельности составляют универсальные компетенции специалиста.

Целесообразность развития способности к самоуправлению будущих специалистов определяется тем, что на ее основе возможна компенсация дефицита иных ресурсов посредством реорганизации системных связей взаимодействия субъекта деятельности с внешней средой. Универсальные компетенции способны усиливать специальные профессиональные компетенции субъекта деятельности. В этом их особая ценность и важная роль в составе необходимых персональных ресурсов профессионала, ориентированного в будущее [5; 13].

В Докладе Всемирного Банка подчеркивается, что наряду с дефицитом необходимых профессиональных (технических) навыков, «...российским компаниям остро не хватает когнитивных навыков высокого порядка (например, навыков решения проблем, принятия нестандартных решений) и социальных и поведенческих навыков (например, умения работать с людьми, способности сотрудничать с другими)» [15, с. 44].

В совместном прогнозе Оксфордского университета, инновационного фонда NESTA и образовательной компании Pearson имеются данные о том, что в 2030 г. социальные компетенции человека будут цениться больше популярных сегодня компьютерных / цифровых навы-

ков (*ICT skills*), поскольку искусственный интеллект и машины возьмут на себя большую часть рутинных задач [19]. В то же время исследование спроса работодателей на цифровые навыки соискателей рабочих мест выявило, что не все *ICT skills* обеспечивают более высокую возможность трудоустройства и гарантию занятости. Наряду с цифровыми умениями требуются креативность, способность к коммуникации, к продвижению замыслов и проектов [23].

Судя по прогнозным данным, уже сегодня актуально рассмотрение профессий не как стабильных комплексов трудовых функций, а как персонализированных динамичных (кастомизированных) наборов компетенций. Наступающая эпоха массового спроса на индивидуальность предполагает персонализацию образования. Это означает уход от унификации и стандартизации, усиление вариативности образования. Одновременно становится важной подготовка будущих специалистов к возможным (и неизбежно возникающим) типовым и уникальным трудностям. В нестабильных условиях жесткая установка на безошибочную деятельность не эффективна. Важно учиться на ошибках, а для этого в обучении необходимо провоцировать их возникновение. Осознанная студентом ошибка должна восприниматься им в качестве отправной позиции для поиска способов избежать подобных результатов в будущем.

Гибкость и универсальность специалиста в свете необходимости непрерывного обновления, дополнения, преобразования своей квалификации становятся основными условиями выживания профессионала в обществе неопределенности. По оценкам экспертов, универсальность обеспечивается способностью к постоянному саморазвитию во всех сферах жизнедеятельности человека [3].

Каким образом отражаются все эти изменения на образовательном процессе высшей школы? У руководителей образовательных программ и преподавателей возникает новая, нетривиальная, задача «упаковки» и кастомизации различных видов деятельности, которые необходимо освоить студентам, под различные индивидуальные возможности. Исследователи считают, что высшее образование должно стать не просто полипрофессиональным, а избыточным и вариативным. Узкоспециальное направление освоения профессии / специальности уходит в прошлое. По оценкам экспертов, «...во многих случаях уже бесполезно даже профориентировать, поскольку новые профессии появляются раньше, чем абитуриент становится выпускником. Значит, нужно ориентировать и к инструментам преадаптации, к новым, еще не возникшим, но возможным профессиям...» [18, с. 52].

Для решения этих задач в НИУ «Высшая школа экономики», например, в учебные планы всех образовательных программ высшего образования введены «майноры» – специальные пакеты модулей, содержание и методология освоения которых резко отличаются от того

направления, по которому обучается студент. Например, для технических специальностей это курсы по искусству и культуре, овладение которыми позволяет минимизировать и полностью устранять стереотипы мышления и деятельности и таким образом преадаптировать студентов к непредсказуемым ситуациям в будущем профессиональном развитии.

Важно также сместить центр тяжести в обучении от усвоения алгоритмов и регламентов деятельности к решению задач с недостаточными, «размытыми», противоречащими друг другу и избыточными условиями, с принципиально отсутствующим решением, а также предполагающим множество вариантов решений и т.д., то есть погружать будущих профессионалов в такой неопределенный, непредсказуемый и многозначный контекст, который будет сопровождать их в процессе развития профессиональной карьеры и жизнедеятельности в социуме.

Литература:

1. Асмолов А.Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования. – 2015. – № 40. – Т. 8. – С. 1.

2. Богомолов А.М. Структурно-функциональный подход к оценке адаптационного потенциала личности // Сибирский психологический ж-л. – 2008. – № 28. – С. 53-58.

3. Гинзбург М.Е. Универсальность как социальная характеристика выпускника вуза: социологический анализ: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Екатеринбург, 2005. – 24 с.

4. Доклад о мировом развитии-2019. Изменения характера труда // URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/publication/wdr2019> (дата обращения: 26.09.2020).

5. Доклад Global Education Future «Образование для сложного общества» / П. Лукша, Дж. Кубиста, А. Ласло, М. Попович, И. Ниненко / Под ред. А. Асмолова. – М., 2018.

6. Зеер Э., Заводчиков Д. Идентификация универсальных компетенций выпускников работодателем // Высшее образование в России. – 2007. – № 11. – С. 39-45.

7. Зеер Э.Ф. Психолого-педагогическая платформа транспрофессионализма педагога профессионального образования // Профессиональное образование. Столица. – 2017. – № 6. – С. 5-10.

8. Иванова Т.Ю., Леонтьев Д.А., Осин Е.Н., Рассказова Е.И., Кошелева Н.В. Современные проблемы изучения личностных ресурсов в профессиональной деятельности // Организационная психология. – 2018. – № 1. – Т. 8. – С. 85-121.

9. Леонтьев Д.А. Личностный потенциал как потенциал саморегуляции // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ им. М.В. Ломо-

носова. – Вып. 2 / Под ред. Б.С. Братуся, Е.Е. Соколовой. – М.: Смысл, 2006. – С. 85-105.

10. Леонтьев Д.А. Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал // Сибирский психологический ж-л. – 2016. – № 62. – С. 18-37.

11. Mobilisinmobili: личность в эпоху перемен / Под общей ред. А.Г. Асмолова. – М.: ИД «ЯСК», 2018.

12. Маклаков А.Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях // Психологический ж-л. – 2001. – № 1. – Т. 22. – С. 16-24.

13. Навыки будущего. Что нужно знать и уметь в новом сложном мире: Совместный доклад Global Education Futures и World Skills Russia / Е. Лошкарева, П. Лукша, И. Ниненко, И. Смагин, Д. Судаков. – М, 2018. – 94 с.

14. Пейсахов Н.М. Практическая психология (Научные основы) / Н.М. Пейсахов, М.Н. Шевцов. – Казань: Изд. КГУ, 1991. – 119 с.

15. Развитие навыков для инновационного роста в России. – М.: Алекс, 2015. – 172 с.

16. Транспрофессионализм субъектов социально-профессиональной деятельности: Монография / В.С. Третьякова [и др.] / Под ред. Э.Ф. Зеера, В.С. Третьяковой. – Екатеринбург: Изд. Рос. гос. проф.-пед. унта, 2019. – 142 с.

17. Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р. Экономическая теория. – М.: Юнити, 2002. – 264 с.

18. Щербина Е.Ю., Кислов А.Г. К педагогике эпохи цифрового разрыва // Профессиональное образование и рынок труда. – 2020. – № 1. – С. 49-59.

19. Nesta Pearson and The Oxford Martin School. The Future of Skills: Employment in 2030, 2017.

20. Now Creating Even Greater Impact // URL: <http://www.p21.org/about-us/p21-framework/266-life-and-career-skills> (date of access: 2020.09.26).

21. OECD (2019). Education at a Glance 2019: OECD Indicators // URL: https://read.oecd-ilibrary.org/education/education-at-a-glance-2019_9a231e4a-en#page1 (date of access: 2020.09.26).

22. Tan H., Savchenko Y., Gimpelson V., Kapelyushnikov R., Lukyanova A. Skills Shortages and Training in Russian Enterprises // IZA Discussion Paper. – 2007. – № 2751.

23. Djumalieva J., Sleeman C. Which digital skills do you really need? // Nesta. – 2018 // URL: <https://www.nesta.org.uk/report/which-digital-skills-do-you-really-need/> (access date: 2020.09.26).

24. Zinshteyn M. Earning a college degree means having skills other workers don't have: The Hechinger Report (March 10, 2016) // URL: <http://www.educationviews.org/earning-college-degree-means-skills-workers-dont/> (access date: 2020.09.26).

25. Wagner T. The Global Achievement Gap: Why Even Our Best Schools Don't Teach the New Survival Skills Our Children Need-and What We Can Do About It // Hachette UK. – 2010. – Ch. I.

References:

1. Asmolov A. Psychology of the present: challenges of uncertainty, complexity and diversity // Psychological research. – 2015. – V. 8. – № 40. – P. 1.

2. Bogomolov A. Structural and functional approach to assessing the adaptive potential of a person // Siberian psychological journal. – 2008. – № 28. – P. 53-58.

3. Ginzburg M. The universality as a social characteristic of a university graduate: sociological analysis: Thesis diss. ... Cand. sociol. sciences. – Yekaterinburg, 2005. – 24 p.

4. World Development Report-2019. Changes in the nature of work // URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/publication/wdr2019> (date of access: 2020.09.26).

5. Global Education Future Report «Education for a Complex Society» / P. Luksha, J. Cubista, A. Laszlo, M. Popovich, I. Ninenko / Edited by A. Asmolov. – M., 2018.

6. Zeer E., Breeders D. Identification of universal competencies of graduates by the employer // Higher education in Russia. – 2007. – № 11. – P. 39-45.

7. Zeer E. Psychological and pedagogical platform of transprofessionalism of a teacher in vocational training // Professional education. – Capital. – 2017. – № 6. – P. 5-10.

8. Ivanova T., Leontiev D., Osin E., Rasskazova E., Kosheleva N. Modern problems of studying personal resources in professional activity // Organizational psychology. – 2018. – V. 8. – № 1. – P. 85-121.

9. Leontiev D. Personal potential as the potential for self-regulation // Scientific notes of the Department of General Psychology, Moscow State University. – Vol. 2 / Ed. B. Bratusya, E. Sokolova. – M.: Smysl, 2006. – P. 85-105.

10. Leontiev D. Self-regulation, resources and personal potential // Siberian psychological journal. – 2016. – № 62. – P. 18-37.

11. Mobilis in mobili: personality in an era of change / Ed. By A. Asmolov. – M.: YASK Publishing House, 2018.

12. Maklakov A. Personal adaptive potential: its mobilization and forecasting in extreme conditions // Psychological journal. – 2001. – Vol. 22. – № 1. – P. 16-24.

13. Skills of the future: What you need to know and be able to in a new complex world: Joint report of Global Education Futures and World Skills

Russia / E. Loshkareva, P. Luksha, I. Ninenko, I. Smagin, D. Sudakov. – М., 2018. – 94 p.

14. Peisakhov N. Practical psychology: (Scientific basis) / N. Peisakhov, M. Shevtsov. – Kazan: Kazan University Publishing House, 1991. – 119 p.

15. Skills development for innovative growth in Russia. – М.: Alex, 2015. – 172 p.

16. Transprofessionalism of subjects of social and professional activity: Monograph / V. Tretyakova [and others] / Ed. E. Zeer, V. Tretyakova. – Yekaterinburg: Publishing house Ros. state prof.-ped. University, 2019. – 142 p.

17. Fisher S., Dornbusch R., Shmalenzi R. Economic theory. – М.: Unity, 2002. – 264 p.

18. Shcherbina E., Kislov A. Towards the pedagogy of the digital divide era // Professional education and the labor market. – 2020. – № 1. – P. 49-59.

19. Nesta Pearson and The Oxford Martin School. The Future of Skills: Employment in 2030, 2017.

20. Now Creating Even Greater Impact // URL: <http://www.p21.org/about-us/p21-framework/266-life-and-career-skills> (access date: 2020.09.26).

21. OECD (2019). Education at a Glance 2019: OECD Indicators // URL: https://read.oecd-ilibrary.org/education/education-at-a-glance-2019_9a231e4a-en#page1 (access date: 2020.09.26).

22. Tan H., Savchenko Y., Gimpelson V., Kapelyushnikov R., Lukyanova A. Skills Shortages and Training in Russian Enterprises. IZA Discussion Paper. – 2007. – № 2751.

23. Djumalieva J., Sleeman C. Which digital skills do you really need? // Nesta. – 2018 // URL: <https://www.nesta.org.uk/report/which-digital-skills-do-you-really-need/> (access date: 2020.09.26).

24. Zinshteyn M. Earning a college degree means having skills other workers don't have: The Hechinger Report (March 10, 2016) // URL: <http://www.educationviews.org/earning-college-degree-means-skills-workers-dont/> (access date: 2020.09.26).

25. Wagner T. The Global Achievement Gap: Why Even Our Best Schools Don't Teach the New Survival Skills Our Children Need-and What We Can Do About It // Hachette UK. – 2010. – Ch. I.

**РАСЧЕТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ
ВНЕДРЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ
ПО ПРОВЕРКЕ ДОМАШНЕГО ЗАДАНИЯ**

**THE CALCULATION OF ECONOMIC EFFICIENCY
OF USING AN IT SYSTEM FOR CHECKING HOMEWORK**

ФЕДОРОВА О.В., канд. пед. наук, доцент кафедры «Информационные технологии» Университета управления «ТИСБИ»

E-mail: fedorova_olga@rambler.ru

ГАЙНУЛОВА Л.А., канд. пед. наук, доцент кафедры «Естественные дисциплины, сервис и туризм» Казанского кооперативного института Российского университета кооперации

E-mail: lagainulova@bk.ru

FEDOROVA O., candidate of pedagogical Sciences, associate Professor, the Department of IT technologies, the University of Management «TISBI»

E-mail: fedorova_olga@rambler.ru

GAINULOVA L., candidate of pedagogical Sciences, associate Professor, the Department of Natural Sciences, service and tourism, Kazan cooperative Institute, the Russian University of Cooperation

E-mail: lagainulova@bk.ru

Аннотация

Одними из основных задач, стоящих в настоящее время перед системой образования, являются создание условий вхождения новых поколений в открытое информационное общество, поддержка повсеместного использования информационных технологий, компьютеризация учебных заведений и создание единой информационной среды образования. Экономическая целесообразность разработки и внедрения программного обеспечения определяется экономическим эффектом, который будет получен производителями при их реализации и потребителями при их использовании. По величине ожидаемого экономического эффекта принимается решение о целесообразности инвестиций в разработку того или иного программного продукта.

Ключевые слова: экономическая эффективность, информационная система по проверке домашнего задания, электронное обучение.

Abstract

One of the main tasks currently facing the education system is to create conditions for new generations to enter the open information society, support the widespread use of information technologies, computerization of educational institutions and the creation of a unified information environment for education. The economic feasibility of developing and implementing software is determined by the economic effect that will be obtained by manufacturers when they are implemented

and by consumers when they are used. Based on the expected economic effect, a decision is made on the feasibility of investment in the development of a particular software product.

Key words: *cost-effectiveness, information system for checking homework, e-learning.*

Одними из основных задач, стоящих в настоящее время перед системой образования, являются создание условий вхождения новых поколений в открытое информационное общество, поддержка повсеместного использования информационных технологий, компьютеризация учебных заведений и создание единой информационной среды образования. Решение этих задач предполагает разработку и реализацию инноваций в сфере образования [1].

Российские школы, перешедшие на дистанционный формат обучения, уже используют различные образовательные платформы, доступ к которым открыт для каждого ученика, учителя, родителя. На рис. 1 представлена организационная диаграмма информационной системы по проверке домашнего задания, смоделированная в среде ARIS Express [2].

Рис. 1. Организационная диаграмма информационной системы по проверке домашнего задания

Для того чтобы дистанционное образование стало эффективным, необходимо изменять сам подход к обучению еще со школы. Кроме того, для повышения эффективности дистанционного образования не-

обходимо наличие: развитой инфраструктуры, в первую очередь – связи; компьютерного обеспечения; грамотных, квалифицированных лекционных курсов, кейсов, тестов; высокопрофессиональных кадров [3].

Экономическая целесообразность разработки и внедрения программного обеспечения определяется экономическим эффектом, который будет получен производителями при их реализации и потребителями при их использовании. По величине ожидаемого экономического эффекта принимается решение о целесообразности инвестиций в разработку того или иного программного продукта. По характеру объекта вложений инвестиции в разработку программного обеспечения относят к интеллектуальным инвестициям [4].

При создании программного продукта важно оценить его себестоимость (затраты на разработку).

Предполагаемые доходы от внедрения информационной системы: продажа программного обеспечения; продажа лицензий программного обеспечения.

К расходам относятся:

– основные затраты (фонд оплаты труда (ФОТ), при этом бюджет может быть не однородным, например, в первые три месяца работают только аналитики и руководитель проекта);

– косвенные затраты: аренда помещений; коммунальные платежи, если не включены в статью «Аренда помещений», выделяются в отдельную статью; электроэнергия (если не входит в состав коммунальных платежей, оплачивается отдельно); канцелярские товары;

– расходы на оборудование: 4 сервера – 2 x IntelXeon 3 ГГц/24Gb/3* 1Tb SATA стоимостью 96 тыс. руб. за штуку. Стоимость серверного оборудования составит 384 тыс. руб. + 250 тыс. руб. на офисное оборудование.

Таблица 1

Штатное расписание сотрудников и оплата труда

Должность	Количество	Зарплата (тыс. руб.)	Зарплата (тыс. руб.)	Взносы с з/пл
Руководитель проекта	1	60,00	60,00	25,92
Бухгалтер	1	40,00	40,00	17,28
Системный аналитик	1	55,00	55,00	23,76
Бизнес-аналитик	2	45,00	90,00	38,88
Руководитель группы разработки	1	160,00	160,00	69,12
Разработчик	3	80,00	240,00	103,68
Системный администратор	1	40,00	40,00	17,28
Маркетолог	1	40,00	40,00	17,28
ИТОГО		520,00	725,00	313,20

Так же будут налоговые издержки с зарплаты и с учетом налогообложения организации. Налоговые ставки по зарплате: НДФЛ – 13%, ПФР – 22%, ФФОМС – 5,1%, ФСС – 2,9%, ФСС несчастный случай примерно 0,2%, это 43,20% на зарплату. Если организация будет применять упрощенную систему налогообложения, то ставка будет 10% (доходы минус расходы).

Пока планируемый объем предоставляемых услуг рассчитывается исходя из статистики количества школ (196 школ, 27 лицеев, 56 гимназий), которые расположены в г. Казань. В 2020 г. за парты сядет около 120 тыс. школьников, среди них 15 тыс. первоклассников. Так как количество учащихся каждый год растет, в 2020 г. выросло на 18%, соответственно к проекту будут подключаться новые школы.

Затраты на аренду в месяц – примерно 45 тыс. руб.; оплата связи (телефон и Интернет) – 5 тыс. руб.; канцелярские расходы – 10 тыс. руб.; затраты на маркетинг и рекламу – 50 тыс. руб.

Итого: 1 782 200 руб. [5].

Рассмотрим, как можно оптимизировать команду разработчиков информационной системы, применив методологию RUP [6].

Определение весовых показателей действующих лиц в таблице 2.

Таблица 2

Действующее лицо	Тип	Коэффициент
Учитель	Сложный	3
Ученик	Сложный	3

Общий весовой показатель будет равен:

$$A = 3 * 2 = 6.$$

Определение весовых показателей вариантов использования в таблице 3.

Таблица 3

Сложность вариантов использования

Варианта использования	Тип	Весовой коэффициент
Регистрация в ИС	Простой	5
Получение заданий	Сложный	15
Отчет результатов о выполнении ДЗ	Простой	5
Консультация по ДЗ	Средний	10

Общий весовой показатель будет равен:

$$UC = 2*5 + 10 + 15 = 35.$$

В результате получаем показатель UUCP (Unadjusted Use Case Points):

$$UUCP = A + UC = 6 + 35 = 41.$$

Определение технической сложности проекта

Техническая сложность проекта (TCF – TechnicalComplexityFactor) вычисляется с учетом показателей технической сложности (таблица 4). Каждому показателю присваивается значение T_i в диапазоне от 0 до 5 (0 означает отсутствие значимости показателя для данного проекта, 5 – высокую значимость).

Таблица 4

Показатели технической сложности ИС

Показатель	Описание	Вес	Значение	Значение с учетом веса
T1	Распределенная система	2	3	6
T2	Высокая производительность (пропускная способность)	1	3	3
T3	Работа конечных пользователей в режиме он-лайн	1	1	1
T4	Сложная обработка данных	1	4	4
T5	Повторное использование кода	1	4	4
T6	Простота установки	0,5	5	2,5
T7	Простота использования	0,5	5	2,5
T8	Переносимость	2	4	8
T9	Простота внесения изменений	1	4	4
T10	Параллелизм	1	2	2
T11	Специальные требования к безопасности	1	3	3
T12	Непосредственный доступ к системе со стороны внешних пользователей	1	2	2
T13	Специальные требования к обучению пользователей	1	1	1

Суммарное значение с учетом веса: 43.

Значение TCF вычисляется по следующей формуле:

$$TCF = 0,6 + (0,01 * (\sum T_i * Вес_i));$$

$$TCF = 0,6 + (0,01 * 43) = 1,03.$$

Определение уровня квалификации разработчиков

Уровень квалификации разработчиков EF (EnvironmentalFactor) вычисляется с учетом показателей (таблица 5).

Каждому показателю присваивается значение в диапазоне от 0 до 5. Для показателей F1 – F4 0 означает отсутствие; 3 – средний уровень; 5 – высокий уровень.

Суммарное значение с учетом веса: 18.

Значение EF будет равно:

$$EF = 1,4 + (-0,03 * (\sum F_i * Вес_i));$$

$$EF = 1,4 + (-0,03 * 18) = 1,94.$$

В результате мы получаем окончательное значение UCP (UseCasePoints):

$$UCP = UUCP * TCF * EF = 41 * 1,03 * 1,94 = 81,9262.$$

Таблица 5

Показатели уровня квалификации разработчиков

Показатель	Вес	Значение	Значение с учетом веса
F1 Знакомство с технологией	1,5	4	6
F2 Опыт разработки приложений	0,5	2	1
F3 Опыт использования объектно-ориентированного подхода	1	3	3
F4 Наличие ведущего аналитика	0,5	4	2
F5 Мотивация	1	4	4
F6 Стабильность требований	2	3	6
F7 Частичная занятость	-1	3	-3
F8 Сложные языки программирования	-1	1	-1
Σ			18

Оценка трудоемкости проекта

В качестве начального значения предполагается использовать 20 человеко-часов на одну УСР. Эта величина может уточняться с учетом опыта разработчиков.

Общее количество человеко-часов на весь проект равно:

$$81,9262 * 20 = 1638,524.$$

Примерно составляет 40 недель при 40-часовой рабочей неделе. Допустим, что команда разработчиков состоит из 4-х человек, тогда мы получим 10 недель на весь проект (примерно 3 месяца). Сократив команду разработчиков до 4-х человек: руководитель проекта, бизнес-аналитик и 2 программиста, получим 587 340 руб. за 4 месяца работы.

В настоящее время для дистанционного обучения школьники из разных районов Татарстана по поручению Президента РТ получили в безвозмездное пользование компьютерное оборудование в количестве более 2 тыс. штук.

Финансирование программы основывается на принципах многоканальности, концентрированности и своевременности, что означает:

– Во-первых, поступление средств на подготовку, создание и функционирование информационной системы как из федерального и региональных бюджетов, а также из привлеченных источников юридических и физических лиц. Основным источником финансирования на первоначальном этапе является федеральный бюджет.

– Во-вторых, выделение в полном объеме необходимого финансирования на стадии подготовки и формирования информационной системы в соответствии с утвержденной сметой расходов.

– В-третьих, строгое соблюдение финансового плана. Контроль за использованием федеральных бюджетных средств осуществляется Министерством финансов Российской Федерации.

Литература:

1. Федорова О.В., Мамаева А.А. Основные направления развития цифровой экономики в России и Татарстане // Вестник «ТИСБИ». – 2018. – № 1. – С. 123-128.
2. Федорова О.В., Гайнулова Л.А. Из опыта организации и проведения учебной практики магистров // В сб.: Предпринимательская деятельность в поведенческой экономике: формы реализации и механизмы обеспечения: Материалы Ежегодной Всероссийской науч.-практ. конф. / Под ред. Н.М. Прусс, А.Н. Грязнова, 2019. – С. 295-299.
3. Бершадский А.М. Дистанционное образование на базе новых ИТ. [Текст] / А.М. Бершадский, И.Г. Кревский. – Пенза, 2017. – 568 с.
4. Кошкина Е.Н., Орлова Е.Р. Дистанционное обучение: реалии и перспективы // Вестник Междунар. инст. экономики и права. – 2017. – № 2.
5. Кошаева Э.А., Кадирова М.Ф., Федорова О.В. Стратегия развития процессов информационных систем управления проверкой домашних заданий школьников // В сб.: Современный менеджмент: теория, методология, практика: Материалы II Научно-практ. конф. с междунар. участ. / Под ред. А.Н. Грязнова, 2019. – С. 66-71.
6. Вендров А.М. Проектирование ПО экономических информационных систем: Учебник. – М.: Финансы и статистика, 2012.

References:

1. Fedorova O., Mamaeva A. Main directions of digital economy development in Russia and Tatarstan // «TISBI» Bulletin. – 2018. – № 1. – P. 123-128.
2. Fedorova O., Gainulova L. The experience of organizing and conducting educational practice of masters' degree students // In the collection: Entrepreneurial activity in behavioral Economics: forms of implementation and mechanisms of support: Materials of the Annual all-Russian scientific and practical conference / Edited by N. Pruss, A. Gryaznov, 2019. – P. 295-299.
3. Bershadsky A. Distance education based on new IT technologies. [Text] / A. Bershadsky, I. Krevsky. – Penza, 2017. – 568 p.
4. Koshkina E., Orlova E. Distance learning: realities and prospects // Bulletin of the International Institute of Economics and law. – 2017. – № 2.
5. Koshayeva E., Kadirova M., Fedorova O. Strategy for the development of processes of information systems for controlling the verification of school assignments // In the collection: Modern management: theory, methodology, practice: Materials of the Second scientific and practical conference with international participation / Edited by A. Gryaznov, 2019. – P. 66-71.
6. Vendrov A. Designing SOFTWARE for economic information systems: Textbook. – M.: Finance and statistics, 2012.

**ПРОЕКТИРОВАНИЕ, РАЗРАБОТКА И ПРИМЕНЕНИЕ
ОБУЧАЮЩИХ ТРЕНАЖЕРНЫХ ПРОГРАММ
ПРИ ПОДГОТОВКЕ ИТ-СПЕЦИАЛИСТОВ**

**DESIGN, DEVELOPMENT AND APPLICATION OF TRAINING
SIMULATION PROGRAMS FOR TRAINING IT SPECIALISTS**

КОЗИН А.Н., канд. техн. наук, доцент кафедры информационных технологий
Университета управления «ТИСБИ»

E-mail: alekskozin47@gmail.com

ТАРЕНКО Л.Б., канд. пед. наук, доцент кафедры информационных технологий
Университета управления «ТИСБИ»

E-mail: LTarenko@tisbi.ru

KOZIN A., Candidate of Engineering Sciences, Associate Professor, Department
of Information Technology, the University of Management «TISBI»

TARENKO L., Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor, Department
of information technologies, the University of Management «TISBI»

Аннотация

Статья посвящена проблемам разработки обучающих тренажерных программ и вопросам внедрения их в учебный процесс при подготовке будущих ИТ-специалистов. Рассмотрены общие принципы проектирования и разработки тренажерных программ, представлены примеры разработанных версий с возможностью поддержки трех режимов: демонстрационного, режима самотестирования и контролирующего. Приведены учебные дисциплины и отдельные темы, по которым выполнена их программная реализация. Показана эффективность использования тренажерных программ при освоении сложного теоретического материала и формировании практических навыков. Приведены результаты практической апробации в учебном процессе при подготовке студентов информационно-ориентированных направлений подготовки.

Ключевые слова: проектирование и разработка, подготовка ИТ-специалистов, тренажерные программы, программные средства реализации.

Abstract

The article is devoted to the problems of training simulators and the questions of their implementation in the educational process in training future IT specialists. The general principles of design and development of training programs are considered, examples of the developed versions with the possibility of supporting three modes are presented: demo mode, self-test mode and control. The academic disciplines and individual topics on which their software implementation is performed are given. The effectiveness of the use of training programs in the development of complex theoretical material and the formation of practical skills is shown. The results of

practical testing in the educational process during the preparation of students of information-oriented areas of training are presented.

Key words: *design and development, training of IT-specialists, training programs, implementation software.*

Подготовка будущих ИТ-специалистов имеет ряд особенностей, обусловленных сферой будущей профессиональной деятельности, которая динамично развивается и требует постоянного обновления учебных планов, учебных программ и содержания по ИТ-дисциплинам. Только методически правильно организованное обучение информационным технологиям приведет к формированию профессиональных компетенций будущих разработчиков программного обеспечения [4-7].

Одним из фундаментальных аспектов подготовки ИТ-специалистов является привитие студентам навыков алгоритмического мышления. На это прямо или косвенно направлено большинство как математических, так и профильных профессиональных дисциплин. На наш взгляд, помимо традиционных элементов, в учебном процессе целесообразно использовать и другие формы активизации самостоятельной работы студентов. Одной из таких форм и является применение компьютерных программ тренажерного типа.

Вопросы применения тренажерных программ в учебном процессе и их влияние на эффективность формирования компетенций будущих специалистов рассматриваются в работах ряда авторов [1-3, 8]. Анализ данных работ позволяет выделить следующие положительные моменты применения компьютерных программ тренажерного типа в учебном процессе: учитывается индивидуальный темп работы обучающегося, который сам управляет учебным процессом; сокращается время выработки необходимых навыков; увеличивается количество тренировочных заданий; повышается мотивация учебной деятельности.

Подготовка студентов по ИТ-направлениям ведется в Университете управления «ТИСБИ» уже более 15 лет. Сначала это была подготовка по специальностям «Программное обеспечение вычислительной техники и автоматизированных систем» и «Прикладная информатика в экономике», а в настоящее время по направлениям подготовки бакалавров «Программная инженерия» и «Прикладная информатика».

На кафедре информационных технологий в рамках курсового проектирования и выполнения выпускных квалификационных работ в течение ряда лет были разработаны пилотные версии тренажерных программ по целому ряду предметов. Наибольшее число тренажерных программ было разработано в рамках дисциплины «Структуры и алгоритмы обработки данных», что объясняется очень высокой алгоритмической насыщенностью изучаемого материала. Несколько программ разработано в рамках дисциплины «Операционные системы». Это по-

зволило накопить некоторый опыт, отработать основные принципы и требования к подобным системам, проверить возможности использования различных языков и инструментов разработки [8]. Надо отметить, что разработка тренажерных программ является далеко не тривиальной задачей и поэтому может служить хорошим примером выполнения выпускных квалификационных работ студентами-программистами.

Практически все тренажерные программы разработаны как классические настольные приложения с минимальными требованиями к системным ресурсам. При этом были использованы разные языки программирования и инструменты быстрой разработки приложений. Разработка тренажерных программ выполнялась на основе общих принципов, кратко описываемых далее:

1. Обучение реализуется на примере решения конкретных задач, при этом начальное состояние генерируется на основе «разумной» случайности. Это позволяет практически полностью устранить повторяемость задач при разных запусках тренажера.

2. Алгоритмы, используемые при решении задачи, представляются в виде четкой последовательности шагов, число которых должно быть разумным, т.е. необходимым для понимания сути алгоритма и в то же время не слишком детализированным.

3. По каждому шагу необходим краткий и точный комментарий, описывающий суть текущего шага. Данные комментарии будут отображаться в процессе работы алгоритма, причем формулировки шагов должны быть максимально конкретными, «привязанными» к текущему состоянию решаемой задачи. Отсюда следует, что комментарии должны формироваться динамически на основе некоторого шаблона.

4. Необходимо предусмотреть визуализацию процесса решения задачи – отображение текущего состояния используемой модели.

5. Реализуемые алгоритмы должны выполняться в пошаговом режиме, что предполагает многократное повторение следующих действий:

выполнение одного или нескольких операторов, реализующих текущий элементарный шаг алгоритма;

приостановка выполнения программы с выводом текстового комментария и визуализацией выполняемого шага в зависимости от типа решаемой задачи;

возобновление работы программы по команде обучаемого.

6. Тренажер должен поддерживать три режима работы – демонстрационный, режим самотестирования и контролируемый

7. В демонстрационном режиме обучаемый должен иметь возможность любое число раз повторить любой из алгоритмов.

8. Режим самотестирования предназначен для самостоятельной проверки обучаемым полученных навыков. Особенность данного режима состоит в том, что на каждом шаге работы алгоритма обучаемый

должен самостоятельно выбирать очередной шаг в соответствии с текущей ситуацией. Это реализуется в виде простого теста с вопросом типа: «Следующий шаг работы алгоритма?» и четырьмя возможными ответами, из которых только один является правильным в данной ситуации. Если указанный студентом ответ не является правильным, то программа в данном режиме должна вывести правильный ответ и дать возможность продолжить работу с сохранением результата тестирования в протоколе для последующего анализа.

9. Режим контроля необходим для проверки знаний со стороны преподавателя. Он реализуется аналогично режиму самопроверки, но в более «жесткой» форме: если ответ студента на текущий вопрос не является правильным, дается вторая или третья попытка ответа на тот же вопрос с накоплением счетчика числа неправильных ответов. А если и дополнительные попытки дают отрицательный результат, то тестирование автоматически прекращается с выводом текущих результатов и полученного к данному моменту протокола.

10. Использование тестовой формы проверки знаний в локальных приложениях должно предусматривать защиту соответствующей информации от несанкционированного доступа со стороны студентов.

Большое внимание при разработке тренажерных программ уделяется этапу проектирования. На этом этапе решаются следующие задачи:

1. Разработка учебной модели для конкретной предметной области.

2. Проектирование реализуемых алгоритмов с разработкой описания каждого шага и возможной визуализацией этих шагов.

3. Проектирование интерфейса тренажерной программы.

4. Проектирование тестового наполнения для режима самопроверки и контроля.

5. Выбор способа программной реализации пошаговой работы реализуемых алгоритмов.

6. Выбор способа хранения учебного материала, прежде всего – тестовых заданий.

В качестве иллюстрации далее приводится краткое описание некоторых реализованных тренажерных программ.

1. Тренажерная программа по изучению алгоритмов хеш-поиска с разрешением конфликтов на основе метода цепочек

Краткое описание используемой учебной модели:

– базовая структура – массив адресных списков с начальным размером $M=7$ элементов и возможностью расширения до 13 и 23 элементов;

– порог расширения массива (порог рехеширования) – двойное превышение числа элементов N над текущим размером массива ($N=2*M$);

– входные ключи – случайные двухразрядные целые числа;

– используемая хеш-функция – операция деления входного ключа K по модулю M ($K \bmod M$).

Реализуемые алгоритмы: добавление нового ключа с выполнением необходимых проверок и расширением массива при превышении установленного порога; поиск заданного ключа; удаление заданного ключа.

Интерфейс тренажерной программы должен отображать: текущее состояние используемой структуры с выделением цветом ячеек массива и элементов списка, текстовые комментарии шагов выполняемых алгоритмов, кнопки для выбора изучаемой операции и меню для выбора одного из трех режимов (рис. 1). Дополнительно в режимах контроля отображаются число заданных вопросов и число правильных ответов.

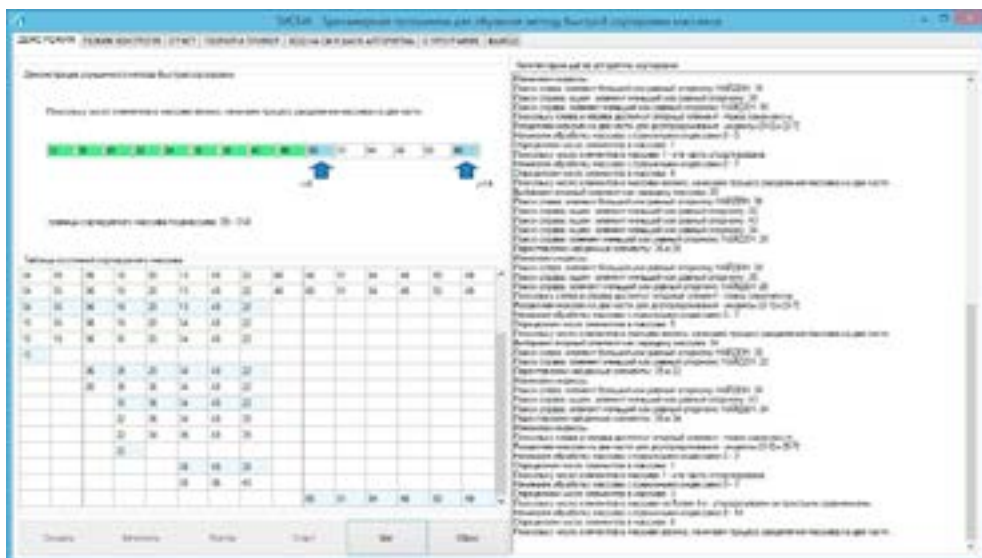

Рис. 1. Графический интерфейс демонстрационного режима

Реализация пошагового выполнения алгоритмов – с помощью открытия простого модального диалога либо с кнопкой продолжения, либо с набором возможных ответов на тестовый вопрос. Все выводимые комментарии шагов и тестовые задания жестко «зашиты» в исходный код программы, что практически полностью исключает возможность неконтролируемого доступа и дает возможность динамически настраивать выводимый текст на текущую ситуацию.

Системные требования: ОС Windows версии 7.0 или выше, JRE не ниже 9.0.1. Программная реализация выполнена в соответствии с шаблоном MVC (Model-View-Controller) и использует стандартные возможности платформы JavaFX, в частности – компоненты Canvas, BorderPane, TextArea, RadioButton и др. Для реализации базовой струк-

туры типа «Массив адресных списков» используются собственные классы.

2. Тренажерная программа для обучения алгоритму быстрой сортировки массивов

В отличие от предыдущей программы здесь изучается только один алгоритм, но зато достаточно сложный. Как известно, алгоритм быстрой сортировки носит рекурсивный характер, что и создает определенные трудности в его освоении. Поэтому одним из главных условий разработки данного тренажера является максимально высокая наглядность работы алгоритма.

Исходный массив всегда имеет размер 15 элементов и заполняется случайными целочисленными ключами. Наглядность работы алгоритма обеспечивается тем, что на форме отображаются и накапливаются последовательные состояния сортируемого массива, выделяются цветом ячейки массива (опорный элемент, переставляемые ключи), показываются границы текущего подмассива (рис. 2). Все эти операции выполняются синхронно с выводом комментариев по выполняемым шагам алгоритма.

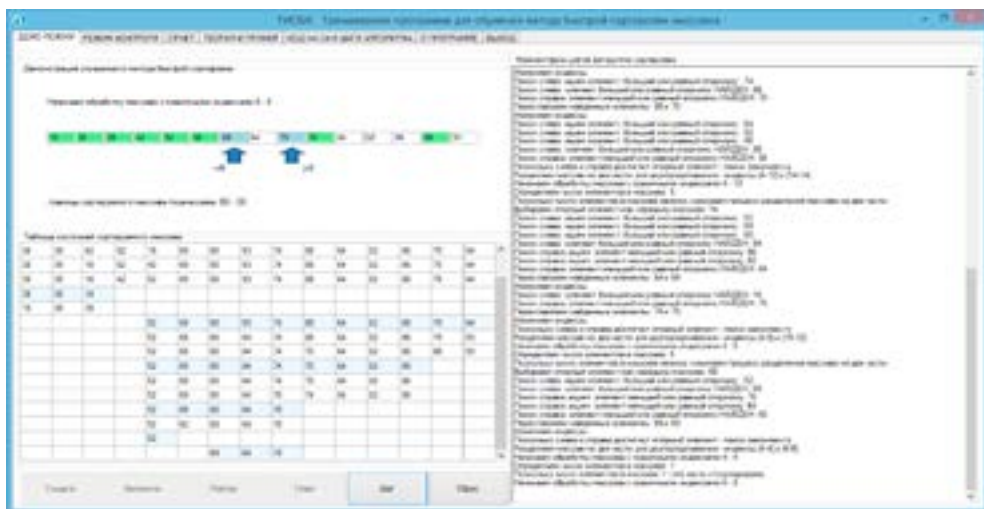

Рис. 2. Графический интерфейс с синхронным выводом комментариев

На этапе проектирования были сформулированы комментарии для 14 шагов, которые в процессе работы алгоритма дополняются конкретными данными и выводятся в соответствии с текущей ситуацией. Эти формулировки хранятся в файле и используются для динамической генерации тестовых заданий. В программе реализован только режим самопроверки с автоматическим исправлением ошибок и созданием

протокола тестирования. Этот режим вполне можно использовать и для контроля знаний при аудиторном тестировании.

Весьма интересным моментом программной реализации данного тренажера является использование потоков для пошагового выполнения алгоритма сортировки. Метод сортировки оформлен как поток, который приостанавливается в нужные моменты для вывода комментария и выполнения необходимой визуализации. Возобновление работы потока происходит в ответ на выбор обучаемым кнопки продолжения.

Тренажер реализован на языке C# в среде разработки Visual Studio как классическое оконное приложение WinForms. Для последовательного отображения состояний массива используется табличный компонент DataGridView с динамически изменяемым числом строк. Для вывода комментариев использован компонент RichTextBox. Для работы тренажера необходима ОС Windows версии 7.0 или выше и .Net Framework версии 4.0. Архив программы включает файл с исполняемым кодом размером около 500 Кб и один дополнительный текстовый файл с заготовками комментариев.

3. Тренажерная программа по изучению алгоритмов реализации планировщика потоков в многозадачных операционных системах

Тренажер построен на основе следующей учебной модели:

– все потоки в каждый момент времени могут находиться в одном из трех состояний: готовность к выполнению, выполнение кода потока процессором, заблокированное состояние (ожидание наступления некоторого события);

– приоритеты потоков находятся в диапазоне от 0 (min) до 4 (max), задаются случайным образом при создании нового потока и могут динамически изменяться в зависимости от поведения потока (так называемые «короткие» и «длинные» потоки);

– планировщик обрабатывает следующие пять событий: создание нового потока, завершение кванта времени у активного потока, завершение выполнения активного потока, блокирование активного потока, разблокирование одного или нескольких потоков;

– выбор каждого из этих пяти событий выполняется самим обучаемым, что позволяет выполнить имитацию практически любой реальной ситуации;

– возможные блокирующие события условно разбиты на три типа с номерами 1, 2 и 3;

– начальное состояние тренажера генерируется случайным образом: список готовых потоков может содержать 1-3 потока со случайными приоритетами, один поток с наибольшим приоритетом находится в состоянии «выполнение», еще 1-2 потока могут быть заблокированы.

На основе этой модели разработаны пять алгоритмов для обработки всех пяти указанных выше событий. В соответствии с общей иде-

ологией построения тренажеров шаги этих алгоритмов имеют краткую формулировку с возможностью динамического дополнения конкретными значениями (идентификаторы потоков, их приоритеты, номера блокирующих событий) и описанием возможных способов визуализации шагов. Каждый алгоритм имеет от 8 до 15 шагов.

Основным элементом визуализации шагов работы алгоритмов является классическая диаграмма состояния потоков с отрисовкой возможных переходов, которая дополнена таблицами готовых к выполнению и заблокированных потоков (рис. 3). При выполнении алгоритмов происходит изменение данных в отображаемых таблицах и выполняется подсветка стрелок, указывающих изменение состояния потоков.

Рис. 3. Графический интерфейс

Кроме того, на форме есть область для вывода описания выполняемых шагов, область для отображения краткого описания учебной модели, управляющие кнопки для выбора режима и одного из пяти алгоритмов и строка состояния. Запуск очередного шага выполняет сам студент с помощью кнопки «Далее». Демонстрационный режим работы тренажера позволяет выбирать любые операции в любом порядке и тем самым моделировать любые ситуации работы планировщика потоков в рамках указанной выше учебной модели. Что касается режима тестирования, то в данной версии тренажера реализован только режим самопроверки с автоматическим исправлением ошибок и созданием протокола тестирования. Для реализации режима тестирования используется пять файлов с вопросами и возможными ответами, причем правильные ответы в файлах кодируются простым, но достаточно надежным способом.

Программная реализация выполнена на языке Java в среде разработки IntelliJIdea. Интересной особенностью реализации является поддержка двух режимов работы – локального и удаленного, для чего тренажер имеет два базовых модуля – клиент и сервер. Для реализации интерфейса использованы стандартные компоненты JTable и JTextArea. Архив программы включает один стандартный jar-файл и пять дополнительных файлов с заголовками тестовых заданий.

В заключение приведем краткое описание использования разработанных тренажерных программ в учебном процессе, которое включает в себя следующие этапы:

После объяснения на лекции материала по текущей теме, студентам объясняется порядок работы с тренажером по этой теме.

Каждый студент получает в свое распоряжение программный код тренажера и должен самостоятельно в свободное время поработать с тренажером в демонстрационном режиме в течение нескольких дней.

После этого назначается время для прохождения контролирующего режима в присутствии преподавателя, который оценивает степень освоения материала на основе итогов прохождения тестирования.

В настоящее время продолжается работа по разработке и внедрению в учебный процесс обучающих тренажерных программ в рамках отдельных тем по дисциплинам: «Объектно-ориентированное программирование» и «Базы данных». Ведутся работы по внедрению тренажерных программ в единую интегрированную среду управления вузом (ИСУ ВУЗ) для последующей возможности использования их в учебном процессе через личный кабинет студентов, в том числе обучающихся с использованием дистанционных технологий.

Литература:

1. Галеев И.Х. Модель управления процессом обучения в ИОС // Междунар. электрон. ж-л «Образовательные технологии и общество (Educational Technology & Society)». – 2010. – V. 13. – № 3. – С. 285-292. – URL: <http://ifets.ieee.org/russian/periodical/journal.html>.

2. Галеев И.Х. Обучающие среды для Веб-дизайна // II научный форум телекоммуникации: теория и технологии ТТТ-2017. Проблемы техники и технологий телекоммуникаций ПТИТТ-2017: Материалы XVIII Междунар. науч.-техн. конф., 2017. – С. 346-349.

3. Векслер В.А., Рейдель Л.Б. Интерактивные тренажеры и их значение в учебном процессе // НОВАИНФО. – 2016. – № 41-1. – С. 206-211.

4. Козлов О.А., Ундозерова А.Н. Информационная культура личности в контексте развития современного информационного общества // Человек и образование. – 2017. № 4 (53). – С. 46-52.

5. Нуриев Н.К., Старыгина С.Д. Дидактическая инженерия: технология подготовки IT-инженеров в техногенной среде // *Alma mater* (Вестник высшей школы). – 2016. – № 11. – С. 64.

6. Овчинникова К.Р. К вопросу о системности электронных учебных материалов для высшей школы // *Информатика и образование*. – 2019. – № 7 (219). – С. 45-46.

7. Рогожкина Т.М., Самерханова Э.К. Стратегические ориентиры развития личностных качеств будущих специалистов в области информационных технологий // *Информационные технологии в организации единого образовательного пространства*. – 2017. – С. 194-200.

8. Таренко Л.Б., Козин А.Н. Опыт разработки и применения компьютерных обучающих программ в процессе обучения студентов информационно-ориентированных направлений подготовки // *Преподаватель года-2019: Сб. ст. Междунар. науч.-метод. конкурса (29 дек. 2019 г.): В 2-х ч.* – Ч. 2. – Петрозаводск: МЦНП «Новая наука», 2019. – С. 213-223.

References:

1. Galeev I. The model of management of the learning process in ILE // *International electronic journal «Educational Technology & Society»*. – 2010. – V. 13. – № 3. – P. 285-292. – URL: <http://ifets.ieee.org/russian/periodical/journal.html>.

2. Galeev I. Learning environments for web design // *The second scientific forum of telecommunications: theory and technology TTT-2017. Problems of equipment and technologies of telecommunications PTITT-2017: Materials of the XVIII International scientific and technical conference*. – 2017. – P. 346-349.

3. Veksler V., Reidel L. Interactive simulators and their importance in the educational process // *NOVAINFO*. – 2016. – № 41-1. – P. 206-211.

4. Kozlov O., Undozerova A. Information culture of an individual in the context of the development of a modern information society // *Man and education*. – 2017. – № 4 (53). – P. 46-52.

5. Nuriev N., Starygina S. Didactic engineering: technology for training IT engineers in a technogenic environment // *Alma mater* (Bulletin of the higher school). – 2016. – № 11. – P. 64.

6. Ovchinnikova K. To the question of the consistency of electronic educational materials for higher education // *Informatics and education*. – 2019. – № 7 (219). – P. 45-46.

7. Rogozhkina T., Samerkhanova E. Strategic guidelines for the development of personal qualities of future specialists in the field of information technology // *Information technologies in the organization of a single educational space*. – 2017. – P. 194-200.

8. Tarenko L., Kozin A. Experience in the development and application of computer training programs in the process of teaching students of information-

oriented areas of training // The teacher of the year-2019: Collection of articles of the international scientific and methodological competition (December 29, 2019): In 2 parts. – Part 2. – Petrozavodsk: ICNP «New Science», 2019. – P. 213-223.

УДК 80/81

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ZOOM ПЛАТФОРМЫ ПРИ ОБУЧЕНИИ
ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ: ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ**

**THE USE OF ZOOM PLATFORM WHEN TEACHING A FOREIGN
LANGUAGE AT A UNIVERSITY: ADVANTAGES AND SHORTFALLS**

САДЫКОВА Г.З., канд. филол. наук, доцент кафедры филологии
Университета управления «ТИСБИ»

E-mail: guzsad@mail.ru

SADYKOVA G., PhD, Philology Chair, the University of Management «TISBI»

E-mail: guzsad@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрены преимущества и недостатки обучения иностранному языку путем использования платформы ZOOM. Автор приходит к выводу, что Интернет-ресурсы не должны быть единственным средством общения с преподавателем. Хорошо продуманная программа должна предлагать студенту несколько способов получения информации. И при всех формах обучения ключевым в нем является личность преподавателя как автора и создателя курса. Необходимо унифицировать каждый онлайн-курс, максимально увеличив долю автопроверки и контрольно-измерительных материалов.

Ключевые слова: высшее образование, иностранный язык, дистанционное обучение, контактная работа с преподавателем, дистанционные технологии.

Abstract

The article discusses the advantages and shortfalls of training a foreign language via ZOOM platform. The author concludes that Internet resources should not be the only means of communication of a student and a lecturer. A well-designed program should offer the student several ways of obtaining the information. For all forms of training, the key in it is the personality of the lecturer as the author and creator of the course. It is necessary to unify each online course, maximizing the proportion of auto-testing and test materials.

Key words: university education, foreign language, distance learning, contact work with a lecturer, distance learning technologies.

ZOOM имеет много инновационных функций, которые дают преподавателю возможность проведения интересных онлайн-уроков. О преимуществах этой платформы в последнее время много пишут и говорят. Следует, однако, уточнить, что в сложившейся ситуации было бы не совсем правильно использовать термин «онлайн-обучение», поскольку из-за экстренного перевода студентов без предварительных организационных мероприятий и должной разработки каждого курса преподавателем студенты не могут в полной мере ощутить преимущества on-line технологий.

ZOOM, несомненно, предоставляет возможность изучать и оценивать навыки чтения, аудирования и разговорной речи через расстояние, а также представляет контент различными способами. Например, преподаватель может подготовить собственные занятия или использовать электронные учебники и поделиться своим экраном со студентами и/или установить домашнюю работу, используя скринкаст. Студенты могут также использовать функцию чата, чтобы практиковать свои письменные навыки. ZOOM дает возможность просматривать записанные уроки в последовательности, чтобы увидеть их улучшение со временем. Кроме того, эта платформа дает возможность оценить развитие студентов, показав записанный урок другому преподавателю, сравнить уровень студентов других групп.

Данная статья посвящена анализу возможностей использования ZOOM платформы при обучении иностранному языку, так как «ни в одной другой методике», – как отмечает Г.Е. Ведель, – нет так много спорного и противоречивого, как в методике преподавания второго языка» [1].

Так почему при таких возможностях после полугода постоянных занятий иностранным языком на базе этой платформы как преподаватели казанских вузов, так и студенты отмечают падение общего уровня владения?

Несомненно, педагогам требуется больше времени для создания цифровых учебных материалов, подготовки уроков, обучения и прояснения своих сомнений. Одни студенты не рассматривают занятия как обязательные, воспринимая их как отдых, другие оправдывают свое отсутствие недостатком технических возможностей. Им не хватает самодисциплины, и поскольку нет крайнего срока и жестких правил, им довольно сложно сохранять самоконтроль. Не каждый студент умеет поддерживать у себя мотивацию к самостоятельной работе. К тому же сказывается отсутствие постоянного контроля со стороны преподавателя. Так, в первое время у студентов первого курса особенно важно проверять домашнее задание и регулярно организовывать контрольные работы в режиме off-line.

Все эти недостатки могут быть результатом низкого уровня владения дистанционными технологиями современных преподавателей, а

также вызваны «...нехваткой преподавателей, готовых профессионально, технически и психологически использовать дистанционные технологии в учебном процессе» [2]. Опрос показал, что за последние три года очень мало кто из них использовал сервисы удаленной видеосвязи для участия в вебинарах и видеоконференциях.

Однако одним из основных недостатков онлайн-обучения языкам, на наш взгляд, является отсутствие реального языкового погружения, которое выражается в отсутствии или минимальном количестве эмоциональной составляющей. Представим себе, как скоро ребенок начал бы разговаривать, если бы его обучение шло дистанционно?

Считается, что мотивация и эмоции играют важную роль в формировании языковой модели в сознании студента.

Студенты, испытывающие повышенный эмоциональный интерес, тянутся к предмету, потому что они заряжены энергией, взволнованы и эмоционально вовлечены в вводимый преподавателем материал. Усиление эмоционального возбуждения усиливает внимание студента, облегчая восприятие большей информации.

Хорошо известно, что наилучший эффект в изучении иностранного языка достигается при погружении изучающего в естественную языковую среду [3]. При удаленном контакте, когда преподаватель даже не уверен, слышат ли его все студенты, этот контакт сводится к нулю.

В аудитории у преподавателя имеются методики и приемы невербального общения. Это, например, использование глаз для передачи сообщения. И для преподавателя, и для студента глаза – мощное подсознательное чувство связи между общающимися. Так, длительный зрительный контакт связан с доверием, добрые чувства и взаимопонимание – все это важные качества, позволяющие использовать преимущества зрительного контакта [4]. Преподаватель увеличивает зрительный контакт, когда хочет восхититься или подбодрить студента.

Зрительный контакт, цветовые и вкусовые ощущения приближают занятия в аудитории максимально к языковой среде, чего невозможно достичь при изучении иностранного языка удаленно, при помощи различных дистанционных технологий. Зрительный контакт помогает преподавателю увидеть, кто из студентов понял материал и подключился к работе, а кто – нет. Он старается придумывать занятия, которые будут волновать как можно больше органов чувств: зрение, слух, вкус, обоняние и даже осязание. Известно, что на самом деле общение происходит, в том числе, и с помощью движений – жестов, положения тела и тех замечательных инструментов, которые называются мимикой. Когда вы преподаете в аудитории, вы постоянно перемещаетесь.

Когда вы рассказываете историю, вы можете разыграть сцены. Преподаватель – персонаж, артист. «Для преподавателя при аудиторном ведении занятия важно чувствовать, насколько студенты понима-

ют материал (по их взглядам, по задаваемым вопросам, по ответам на свои вопросы), и оперативно скорректировать учебный процесс: еще раз повторить сложные моменты, дать дополнительные разъяснения по некоторым вопросам, изменить темп изложения. При дистанционном обучении такая связь теряется» [5]. Кроме того, дистанционное обучение не дает возможности проведения off-line консультаций и итогового экзамена.

Вы можете также использовать обоняние и создать настроение своей истории, принеся определенные ароматы. Для начала нужно знать, что пополнение словарного запаса лучше всего связать с различными сенсорными ощущениями. К таким выводам пришли ученые из Института человеческой когнитологии и науки о мозге Макса Планка. Так, например, вы можете попросить выключить свет, и при помощи подходящих ароматических свечей каждый расскажет свою историю сидящим по кругу, как если бы вы сидели у костра.

Вы можете завязать глаза ученикам и представить различные предметы для обоняния, и они должны угадать, что это такое. Вы готовы накормить свой класс «сенсорным коктейлем», который сделает любое повседневное занятие запоминающимся? Мультисенсорный подход к обучению даст студентам такой опыт изучения языка, который им будет очень трудно забыть.

Каждый раз вносите что-то новое. Исследования показывают, что за лучшее запоминание несут ответственность участки мозга, отвечающие за моторику. Если вы пришли на занятие в костюме персонажа рассказа из учебника, вы выиграли драгоценные минуты внимания аудитории. Если вы принесете какой-то странный предмет и используете его как отправную точку для занятия, отнесете его в другое место или приведете кого-то, кого, по мнению студентов, они никогда не увидят в классе, вы использовали силу новизны, уникальность и помогли им выучить материал.

В заключение необходимо указать, что при всех формах обучения ключевым в нем является личность преподавателя как автора и создателя курса. Необходимо унифицировать каждый онлайн-курс, максимально увеличив долю автопроверки и контрольно-измерительных материалов. А это огромный труд.

Литература:

1. Ведель Г.Е. Методы обучения иностранным языкам и их методологическая основа // Вестник ВГУ. – Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2001. – Вып. 1. – С. 85.

2. Иванова М.А. Некоторые проблемы организации дистанционного обучения в вузе. «Проблемы взаимодействия хозяйствующих субъектов реального сектора экономики России: финансово-экономи-

ческий социально-политический, правовой и гуманитарный аспекты». – СПб.: Институт бизнеса и права, 2011.

3. Guri-Roseblit, S. (2009). Distance education in the digital age: Common misconceptions and challenging tasks // Journal of Distance Education, 23(2). – P. 105-122.

4. Хуанг. Ж-л прикладной лингвистики и языковых исследований, 2015, 2 (7) 2252006.

5. Кузнецова О.В. Дистанционное обучение: за и против // Международный ж-л прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – № 8-2. – С. 362-364. – URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=7101> (дата обращения: 08.10.2020).

References:

1. Wedel G. Methods of teaching foreign languages and their methodological basis. – VSU Bulletin. – Series: Linguistics and intercultural communication, 2001. – V. 1. – P. 85.

2. Ivanova M. Some problems of organizing distance learning at a university. «Problems of interaction of economic entities in the real sector of the Russian economy: financial and economic socio-political, legal and humanitarian aspects». – St. Petersburg: Institute of Business and Law, 2011.

3. Guri-Roseblit S. (2009). Distance education in the digital age: Common misconceptions and challenging tasks. Journal of Distance Education, 23 (2). – P. 105-122.

4. Huang. Journal of Applied Linguistics and Language Research, 2015, 2 (7), 2252006.

5. Kuznetsova O. Distance learning: pros and cons // International Journal of Applied and Fundamental Research. – 2015. – № 8-2. – P. 362-364. – URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=7101> (date accessed: 10/08/2020).

**ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА**

**THE PROBLEMS OF SOCIALIZATION OF PRESCHOOL CHILDREN
IN CONDITIONS OF DIGITALIZATION OF THE SOCIETY**

ЧУКМАРОВА Л.Ф., канд. психол. наук, доцент кафедры педагогики и психологии Университета управления «ТИСБИ»

E-mail: lux61@yandex.ru

CHUKMAROVA L., associate professor, Pedagogy and psychology Chair, the University of Management «TISBI»

E-mail: lux61@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена одной из актуальных, социально значимых тем на стыке социальной и педагогической психологии. Подчеркивается значимость различных социальных институтов для всестороннего развития личности дошкольника. В статье автор раскрывает специфику представлений о социализации дошкольников через деятельностный принцип. Особое внимание уделено специфике цифровой социализации на современном этапе, проблемам социализации в условиях современной ситуации глобальной цифровизации. Актуализированы проблемы цифровой социализации подрастающего поколения в целях усвоения норм и ценностей, принятых в обществе; развития общения и взаимодействия ребенка со взрослыми и сверстниками; формирования готовности к совместной деятельности со сверстниками и др.

Ключевые слова: социализация, дошкольники, цифровая социализация, нормы и ценности, общество, развитие, общение, взаимодействие, взрослые, сверстники.

Abstract

The article is devoted to one of the most relevant, socially significant topics at the intersection of social and educational psychology. The importance of various social institutions for the comprehensive development of the preschool child's personality is emphasized. In the article the author reveals the specifics of ideas about the socialization of preschool children through the activity principle. Special attention is paid to the principles of digital socialization at the present stage, the problems of socialization in the current situation of global digitalization. The problem of digital socialization of the younger generation in order to assimilate the norms and values accepted in society; development of communication and interaction of the child with adults and peers; formation of readiness for joint activities with peers, etc.

Key word: socialization, preschoolers, digital socialization, norms and values, society, development, communication interaction, adults, peers.

Вопросы социализации детей всегда вызывали интерес и споры многих исследователей из разных сфер науки: психологии, педагогики, биологии и др.

Социализация – это процесс усвоения социального опыта. Дошкольный возраст – это первоначальный период социального становления личности. С поступлением в детский сад ребенок входит в новую для него систему общественных отношений.

Современные реалии таковы, что общество вынуждено считаться с тем, что привычное толкование социализации с позиции усвоения норм и ценностей социума посредством известных социальных институтов подвергается трансформации, а именно, обозначилось существенное влияние нового института социализации – информационно-коммуникативные технологии (ИКТ). Стремительное развитие информационных технологий приводит к тому, что приобретение и усвоение новой информации и знаний возможны посредством различных электронных и мобильных устройств, без участия других людей (родители, педагоги, родственники и т.д.

Г.У. Солдатова (2018) отмечает, что ИКТ является главным конкурентом и соперником семьи и школы в социализационном процессе [14-15].

Появился новый вид социализации – цифровая социализация, и по данной проблеме не прекращаются споры и дискуссии представителей различных школ и направлений (Г.У. Солдатова, К.Н. Поливанова, Т.А. Нестик, Е.И. Рассказова, Е.Ю. Зотова, Г.К. Селевко и др.) [12-16].

Дошкольное детство является значимым для процесса социализации. Об этом говорил А.Н. Леонтьев, утверждая, что в дошкольный период происходит фактическое «очеловечивание» ребенка, когда появляются речь, знаковое мышление, специфические формы поведения и ребенок способен к доступным видам продуктивной деятельности [9]. Л.С. Выготский рассматривает процесс социализации дошкольников как «врастание в человеческую культуру» [6].

Современный же ребенок уже с раннего дошкольного возраста значительное время пребывает в сети различных электронных и мобильных устройств с подачи самих родителей, которые в силу различных социально-психологических причин принимают данную форму коммуникации.

Проблема социализации вылилась в самостоятельную область исследования сравнительно недавно – в XX веке. Однако термин «социализация» пришел к нам в 1887 году из Америки, когда социолог Ф.Г. Гиддингс в своей книге «Теория социализации» применил данный термин относительно человека. Его определение звучало так: «социализация – это развитие социальной природы или характера индивида, подготовка человеческого материала к социальной жизни». До середины XX века

объектом изучения процесса социализации являлись дети, подростки, юноши, и только в последние десятилетия фокус внимания исследователей в данной области распространился на взрослость и старость [8].

Изучением процесса социализации занимались многие ученые зарубежной и отечественной науки. Социологи зарубежной науки рассматривали социализацию как «процесс накопления людьми опыта и социальных установок, соответствующих их социальным ролям» (Н. Смелзер). Для психологов это процесс постижения социальных ролей и модели поведения в обществе, развития взаимоотношений с другими людьми (А.Р. Маршалл, Т. Шибутани). Психологи изучают эмоциональные реакции, коммуникативные процессы, когнитивные процессы восприятия, защитные механизмы в процессе социализации; выявляют особенности межличностного общения и взаимодействия внутри группы, между группами, особенности взаимоотношений полов, этнических групп, представителей разных поколений [9].

Представители психологической теории научения (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс) понимают под социализацией «развитие и контролирование определенных «драйв систем». Представители психоанализа (А. Адлер, З. Фрейд, Э. Эриксон) под социализацией понимают «приобретение контроля над импульсами». З. Фрейд считал, что ребенок с рождения асоциален и в процессе социализации происходит усвоение общественных норм через подавление инстинктивного начала. А. Адлер говорил о чувстве общности, «социальном чувстве», которое вызывают у ребенка социальные контакты с окружающими. Э. Эриксон большую роль отводил культуре, социальному окружению и среде с присущими им ожиданиями, которые индивид может оправдать или не оправдать. Интеракционисты в лице Дж. Мида характеризуют процесс социализации так: «Человек становится личностью только тогда, когда реакция другого становится неотъемлемой частью его собственного поведения» [10].

Основные исследования проблемы социализации связаны с именем А.В. Мудрика, по мнению которого социализация есть «развитие и самореализация человека на протяжении всей жизни в процессе усвоения и воспроизводства культуры общества» [11]. Также в отечественной науке изучением проблемы социализации занимались Б.Г. Ананьев, И.С. Кон, Б.П. Парыгин, С.Л. Рубинштейн, Д.И. Фельдштейн [4; 9]. Таким образом, вопросы социализации изучались с позиций самореализации личности в обществе.

Конечно же, самыми сензитивными являются ранний и дошкольный периоды. Особенности социализации детей в дошкольном возрасте изучали: В.В. Абраменкова, Н.В. Алешина, И.С. Кон, В.И. Логинова, Е.И. Радина, П.Г. Саморукова, Е.О. Смирнова и др. [4; 7].

Дошкольный период – это время первоначального становления личности, формирования основ самосознания и индивидуальности ре-

бенка. Отечественные социальные психологи В.В. Абраменкова, Н.В. Андриенкова выделили особенности социализации детей: изменение познавательной сферы ребенка, тип и особенности взаимодействия ребенка со средой, активность самого ребенка, формирование ценностных ориентаций [1].

XXI век захватил мир стремительно развивающимися высокотехнологическими изобретениями. И влияние на формирующуюся психику ребенка все больше оказывают телевидение, Интернет, мобильные электронные устройства. Появляются новые социальные герои для подражания, часто неконтролируемые взрослыми страхи и тревоги, ведущие к невротическим проявлениям и неосознаваемым фобиям. Все это вызывает беспокойство, особенно когда специалисты наблюдают причинно-следственные связи качества насыщенности и наполненности детства и неудовлетворенности во взрослой жизни. Анализ стадий социализации позволяет понять данное следствие.

Социализация в дошкольном возрасте проходит несколько стадий:

1. Идентификационная стадия (до 3-х лет). На этой стадии происходит отождествление ребенка со всем окружающим – от воспитателя до мебели и игрушек.

Психоаналитическое направление придает фундаментальную роль бессознательному, которое формируется в первые годы ребенка. Это совокупность базовых психических процессов и явлений, которые не осознаются, но влияют и определяют жизнь взрослого человека.

Но как часто мы наблюдаем, что уже с младенческого возраста в коляске вместо живого общения висят планшеты с якобы «добрыми и отечественными мультфильмами». Радионяни стали главными помощниками молодых родителей, что объясняется прогрессивными технологиями. При этом родители мало задумываются о последствиях психической жизни своих детей.

2. Корреляционная стадия (3-5 лет). В этот период зарождается целенаправленная совместная деятельность, в процессе которой приобретает опыт руководства другими детьми, а также опыт подчинения.

На данном этапе дети уже не отходят от телевизора, Интернета, планшета, с которыми их научили взаимодействовать родители (например, «Привет, Алиса!»). Виртуальный собеседник, которого можно в любой момент выключить или выбросить, сломать. К сожалению, приходится наблюдать семейные ужины за телевизором или за телефонами. А формирование межличностного взаимодействия, целенаправленной совместной деятельности проходит стороной.

3. Экспансивная стадия (от 6 лет). В этот период ребенок ориентирован на расширение своего социального кругозора [10].

На данном этапе многие дошкольники имеют мобильные устройства и эмоционально обмениваются в среде сверстников своими откры-

тиями. Родители же гордятся достижениями своего ребенка в управлении и владении различными девайсами. Главная задача этого этапа – расширение своего социального кругозора – ограничена, к сожалению, данной сферой.

Еще в 1992 г. Б.Д. Эльконин, описывая суть кризиса детства, говорил, что в детско-родительских отношениях наблюдается тенденция отдаления детей от контакта со взрослыми. Редуцируется время совместного семейного взаимодействия, общения взамен другой деятельности, где роль взрослых уже не так важна. В нашем случае виртуальное общение и интерактив с мобильными устройствами у детей становятся в приоритете [18].

А.В. Запорожец обозначил в качестве цели социализации дошкольника создание пространства его персональной и общественной жизни в окружающем мире; формирование автономной, умеющей делать выбор и уважительно относящейся к выбору других личности.

Социализация дошкольника зависит от социальных отношений с ближайшим окружением. Большую роль в этом процессе играет взрослый, так как он транслирует культурные формы взаимоотношения в обществе. Так, дошкольник усваивает общечеловеческий опыт, усваивает речь, обогащается новыми знаниями и умениями [4].

Наблюдения за современными детьми показывают, что у ребенка происходит трансформация не только со взрослыми, но и с ровесниками. Без телефонов младшие школьники себя уже не представляют в обществе. К сожалению, дети дошкольного возраста также в домашних условиях и во дворе большую часть проводят не в живом общении с ровесниками.

По мнению Л.Ю. Гордина, взрослый (педагог, воспитатель, психолог) является агентом социализации дошкольника, поэтому он решает следующие задачи в решении проблемы социализации:

1. Формировать положительное отношение к окружающему миру и социуму, к разным видам труда, к другим людям и себе.
2. Способствовать активному взаимодействию ребенка со взрослыми и сверстниками.
3. Формировать чувство собственного достоинства.
4. Развивать способность понимать другого взрослого или сверстника, его интересы, потребности.
5. Способствовать эмоциональному развитию ребенка, учить сопереживать, адекватно проявлять свои эмоции и чувства.
6. Развивать способность верить в себя.
7. Учить конструктивно разрешать конфликты с окружающими.
8. Учить действовать в соответствии с общественными нормами и этическими правилами.

9. Формировать способность принимать собственные решения, опираясь на свои знания и умения в различных видах деятельности [8].

Н.Ф. Голованова определила, что результатом социализации дошкольников является приобретение общественного опыта, который приобретается в любой деятельности [7]. Г.С. Арефьева в качестве основного критерия социализированности дошкольников выделила умение адаптироваться к социальной среде и благоприятное вхождение ребенка в социум [2].

А.Л. Венгер, В.И. Слободчиков, Б.Д. Эльконин писали, что происходит преобразование известных воспитательных и образовательных практик, обеспечивающее процесс социализации ребенка. Также известные классические виды деятельности размываются и не имеют четких содержательных и временных границ [3]. Все вышеперечисленное свидетельствует о «кризисе детства», который отягощен рядом неблагоприятных показателей психического здоровья детей.

Э.Г. Гарунов выделил такие критерии успешной социализации дошкольника: отношение ребенка к обществу, активная жизненная позиция, устремленность ребенка на предмет общественных отношений [1].

М.И. Рожкова и И.И. Фридман выделили следующие критерии социализированности: социальная компетентность, социальная активность, социальная адаптация [11].

Итак, социализация в дошкольном возрасте определяется как ранняя социализация и представляет собой присвоение ребенком социокультурного опыта, определение места ребенка в системе общественных отношений. Основными институтами социализации дошкольников являются семья и дошкольное образовательное учреждение. Успешная социализация проходит в совместной деятельности взрослого, а его фигура является значимой в данном процессе. Социализация дошкольников будет проходить плодотворно в игровой деятельности, так как игра – это ведущая деятельность дошкольников.

Цифровая социализация в настоящее время обновляет и суммирует классическую, традиционную социализацию и являет собой современный этап развития общества, диктующий и предписывающий трансформацию устоявшихся воззрений и подходов. Реализация обозначенных проблемных зон в прикладные разработки и практические рекомендации в полной мере отвечает требованиям современных социокультурных условий воспитания детей дошкольного возраста.

Литература:

1. Абраменкова В.В. Социальная психология детства в контексте развития отношений ребенка в мире // Вопросы психологии. – 2002. – № 1. – С. 3-16.
2. Арефьева Г.С. Социальная активность. – М.: Сфера, 2014. – 155 с.

3. Венгер А.Л., Слободчиков В.И., Эльконин Б.Д. Проблемы детской психологии и научное творчество Д.Б. Эльконина // Вопросы психологии. – 1988. – № 3. – С. 20-29.
4. Волков Б.С., Волкова Н.В. Дошкольная психология: психическое развитие от рождения до школы: Учебное пос. для вузов. – М.: Академический проект, 2017. – 287 с.
5. Выготский Л.С. Педагогическая психология / Под ред. В.В. Давыдова. – М.: Педагогика-Пресс, 1999. – 536 с.
6. Выготский Л.С. Вопросы детской психологии. – М.: Союз, 2016. – 473 с.
7. Голованова Н.Ф. Социализация и воспитание ребенка. – М.: Сфера, 2014. – 272 с.
8. Гордин Л.Ю. Воспитание и социализация. – М.: Академия, 2016. – 271 с.
9. Леонтьев А.Н. Психологические вопросы формирования личности ребенка в дошкольном возрасте. – М.: Академия, 2015. – 289 с.
10. Малышева О.А., Килина И.А. Социальное развитие дошкольников // Дошкольная педагогика. – 2012. – № 8. – С. 28-32.
11. Мудрик А.В. Социализация человека. – М.: МПСИ, 2011. – 624 с.
12. Поливанова К.Н. Детство в меняющемся мире // Современная зарубежная психология. – 2016. – № 2. – Т. 5. – С. 5-10.
13. Современное дошкольное образование. – 2019. – № 6 (96). – С. 50-57.
14. Солдатова Г.У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. – 2018. – № 3. – Т. 9. – С. 71-80.
15. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. – М.: Смысл, 2017. – 375 с.
16. Солодянкина О.В. Социальное развитие ребенка дошкольного возраста. – М.: АРКТИ, 2016. – 88 с.
17. Толстых Н.Н., Кулагина И.Ю., Апасова Е.В., Денисенкова Н.С., Красило Т.А. Социальная возрастная психология. – М.: Академический проект. – Серия «Gaudeamus», 2019. – 345 с.
18. Эльконин Б.Д. Кризис детства и основания проектирования форм детского развития // Вопросы психологии. – 1992. – № 3. – С. 7-13.

References:

1. Abramenkova V. Social psychology of childhood in the context of the development of child relations in the world // Questions of psychology. – 2002. – № 1. – P. 3-16.
2. Arefjeva G. Social activity. – М.: Sphere, 2014. – 155 p.

3. Venger A., Slobodchikov V., Elkonin B. Problems of child psychology and scientific creativity of D. Elkonin // Questions of psychology. – 1988. – № 3. – P. 20-29.
4. Volkov B., Volkova N. Preschool psychology: Mental development from birth to school: Textbook for universities. – M.: Academic Project, 2017. – 287 p.
5. Vygotsky L. Pedagogical psychology / Ed. by V. Davydov. – M.: Pedagogika-Press, 1999. – 536 p.
6. Vygotsky L. Questions of child psychology. – M.: Soyuz, 2016. – 473 p.
7. Golovanova N. Socialization and upbringing of the child. – M.: Sphere, 2014. – 272 p.
8. Gordin L. Education and socialization. – M.: Academy, 2016. – 271 p.
9. Leontiev A. Psychological issues of formation of the child's personality in preschool age. – M.: Academy, 2015. – 289 p.
10. Malysheva O., Kilina I. Social development of preschool children // Preschool pedagogy. – 2012. – № 8. – P. 28-32.
11. Mudrik A. Socialization of a person. – M.: MPSI, 2011. – 624 p.
12. Polivanova K. Childhood in a changing world // Modern foreign psychology. – 2016. – Vol. 5. – № 2. – P. 5-10.
13. Modern preschool education. – 2019. – № 6(96). – P. 50-57.
14. Soldatova G. Digital socialization in the cultural and historical paradigm: a changing child in a changing world // Social psychology and society. – 2018. – Vol. 9. – № 3. – P. 71-80.
15. Soldatova G., Rasskazova E., Nestik T. Digital generation of Russia: competence and security. – M.: Smysl, 2017. – 375 p.
16. Solodyankina O. Social development of preschool children. – M.: ARKTI, 2016. – 88 p.
17. Tolstykh N., Kulagina I., Apasova E., Denisenkova N., Krasilo T. Social age psychology. – M.: Academic Project. – The Series of Gaudeamus, 2019. – 345 p.
18. Elkonin B. The crisis of childhood and the basis for designing forms of child development // Question of psychology. – 1992. – № 3. – P. 7-13.

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА И АННОТАЦИИ МАТЕРИАЛОВ И СТАТЕЙ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

ECONOMICS AND MANAGEMENT

TRADITIONS AND INNOVATIONS IN THE BEHAVIORAL ECONOMY

POSTALYUK M., Doctor of Economics Sci., Professor, Leading Researcher at the «TISBI» University of Management

Phone: +7(987) 296-42-19

Abstract

The article deals with the posed issues of traditions and innovations in behavioral economics, as well as the nature of traditional and innovative development in this economics. An attempt was made to carry out a «cross-cutting» and complex (through the prism of the special role of innovations in behavioral economics) analysis of the content, forms, place and functions of innovations and their interaction, focused on efficiency.

***Key words:** behavioral economics, features of traditions, innovations in behavioral economics, «E2E» and integrated (through the prism of the special role of innovations in behavioral economics) analysis of the content, forms, place and functions of innovations, their interaction, focused on efficiency.*

MAKING MEDIUM-TERM PREDICTIONS OF ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN IN THE PANDEMIC AND POST-PANDEMIC PERIODS

ELSHIN L., Doctor of Economic Sciences, Professor, Department of Economics, the University of Management «TISBI»

E-mail: Leonid.Elshin@tatar.ru

Abstract

The article presents the main problems of the Russian economy development in the context of a coronavirus pandemic. The identified key factors of institutional and market order, determining the dynamics of aggregate demand in the new formed conditions made it possible, using the methods of economic and mathematical analysis, to build models to generate predictive estimates of development of economy of the Republic of Tatarstan for the period up to 2023. Based on the results of the study, L-shaped recovery economic growth is justified. The author also presents some proposals aimed at intensifying economic dynamics in the new realities of the socio-economic environment.

***Key words:** coronavirus pandemic, crisis, economic dynamics, medium-term forecast, modeling, scenario analysis of the economy.*

DIGITAL TRANSFORMATION IN IRON AND STEEL INDUSTRY OF THE RUSSIAN FEDERATION

AKHMADULLIN R., student, Kazan State Technical Tupolev University (KAI)

Tel.: 8 (908) 335-14-50

E-mail: rail98n@mail.ru

TUMASHEV A., PhD in Economics, Associate Professor, Kazan State Technical
Tupolev University (KAI)

Tel.: 8(903)305-76-69

E-mail: artoumashev@mail.ru

Abstract

The article discusses the main indicators of the digital transformation in the iron and steel industry of the Russian Federation in the context of the introduction of new technologies. Special attention the authors pay to the control system of the technological complex of the steel-smelting shop, the development and implementation of a monitoring system for the refractory lining of the hearth of a blast furnace and information security tools for industrial systems.

Key words: digital transformation, digitalization, iron and steel, industry, innovation.

THE NATURE OF DECISION-MAKING AND BUSINESS ORIENTATION/RELATIONSHIPS AS THE MOST IMPORTANT COMPONENTS OF A LEADERSHIP STYLE

DYRIN S., Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of
Management and Economic and Mathematical Disciplines, the University of
Management «TISBI», Naberezhnye Chelny

E-mail: sdyrin@yandex.ru

Abstract

In the article, the author tries to offer his own typology of a leadership style. At the same time, the author offers two indicators as the basis for classifying management styles: the nature of decision-making and the orientation of the Manager on the case\ relationship. Based on the combination of these two indicators, the author identifies four leadership styles: an authoritarian-technocratic style, a paternalistic style, a participatory and a communal leadership style.

Referring to the results of his own research, the author notes that in the conditions of modern Russian enterprises dominant styles are the authoritarian and the paternalistic leadership styles.

Key word: leadership style, decision-making, business orientation, relationship.

THE COMPARATIVE ANALYSIS OF THE EXECUTION OF BUDGET ESTIMATION VALUES IN CZAR RUSSIA AND IN THE RUSSIAN FEDERATION

DANILINA I., Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
of the Department of Finance and Credit, the University of Management «TISBI»

Tel.: + 7(996)949-51-69

E-mail: danilinain@yandex.ru

VASILCHENKO A., bachelor's degree student, the Faculty of Economics,
the University of Management «TISBI»

Abstract

Budget revenues are the basis of the activity of any state at all times. The experience allows us the importance of improving modern mechanisms to increase the revenue component of the budget. The primary task of financial authorities in a

period of turbulence in the modern economy is to change the structure of income, namely to increase the outcome of income from knowledge-intensive industries.

Key words: *treasury, budget execution, revenues, state budget.*

THE NATURE OF CLASSIFICATION OF WORKING CAPITAL AT RETAIL AND ITS SIGNIFICANCE

SYURKOVA S., Associate Professor, PhD, the University of Management «TISBI»

E-mail: *syurkova@mail.ru*

SALAKHOVA D., a Master's Degree student, the University of Management «TISBI»

E-mail: *sdd_1964@mail.ru*

Abstract

The nature of a retail sphere is specific and working capital is no exception. After all, some elements in the structure of working capital are not present. Trade organizations should pay particular attention to resale stocks. This article discusses the working capital features of trading organizations, and discloses the role of stocks in the structure of the working capital.

Key words: *current assets, working capital, operational cycle, sources of formation of current assets, revolving funds, funds of the address, trade organizations.*

CURRENT STATE AND DIRECTIONS OF DEVELOPMENT OF BANKING INNOVATIONS IN RUSSIA

TRUSH V., Master's degree student, the Department of «Securities and Financial Engineering», the University of Management «TISBI»

E-mail: *lera.trush.97@mail.ru*

SVIRINA A., Doctor of Economics, Professor, the Department of Securities and Financial Engineering, the University of Management «TISBI»

E-mail: *anna_svirina@list.ru*

Abstract

Banking innovation is an area that no type of activity can do without in modern realities. An innovative process allows you to quickly develop and improve the efficiency of products and services. The article examines the current state of banking innovations in Russia and the directions of their development.

Key words: *banks, innovations, development of banking innovations.*

LAW

LEGAL PROBLEMS OF THE AUTHORITY OF THE UNITED NATIONS SECURITY COUNCIL TO REFER SITUATIONS IN STATES NON-PARTY TO THE ICC

IYI John-Mark, Associate Professor at the Faculty of Law, University of the Western Cape, Cape Town, Republic of South Africa

MEZYAEV Alexander, Professor of Law, Head of the Department of Constitutional and International Law, the University of Management «TISBI»

Abstract

The article discusses theoretical and practical issues of the authority of the United Nations Security Council under Article 13b of the Rome Statute of the International Criminal Court (ICC), which provides for the Council's power to refer to the ICC the situation in non-party states. The authors examine the arguments that supposedly prove the legal basis for such a right of the UN Security Council, and their legal defects. First, they note that the provisions of Article 13b contradict the fundamental characteristics of international law, namely its conciliatory nature. The article emphasizes that the consent of states continues to be the only legal basis for their bindingness of international treaties. Thus, it is concluded that the crisis in the activities of the International Criminal Court on situations referred to the ICC by the UN Security Council is largely due to the shaky legal foundations of the UN Security Council's powers to transfer situations in non-party states to the ICC. It is proposed to revise the provisions of Article 13b of the ICC Statute and bring it in line with the provisions and principles of modern international law, primarily with the provisions of the Vienna Convention on the Law of Treaties.

Key words: *International Criminal Court, United Nations, Security Council, Vienna Convention on the Law of Treaties, UN Charter, state sovereignty, international law, Rome Statute of the International Criminal Court.*

THE LEGAL STATUS OF FOREIGN CITIZEN-PROPRIETORS IN THE RUSSIAN FEDERATION

TAGAEVA S., *Doctor of Law, Associate Professor, Professor, the Civil Law Chair, the University of Management «TISBI»*

E-mail: *s.tagaeva@mail.ru*

Abstract

The article is devoted to the study of the legal status of foreign citizens in the field of legal property relations. The author notes that the definition of the legal capacity of a foreign citizen to be the owner of property according to his personal law requires clarification.

The author points out that on the territory of the Russian Federation Russian law determines the content of the legal capacity of a foreigner. Restrictions on the ability of foreign citizens to be owners of certain types of property, established in Russian legislation, are imperative in nature and regulated by the rules of direct application.

Key words: *legal capacity, property, conflict regulation, limits of civil legal capacity.*

THE CURRENT ISSUES OF STATE MIGRATION POLICY IMPLEMENTATION ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN

SOLDATOVA A., *PhD in Law, associate Professor, the head of the Theory and History of State and Law, the University of Management «TISBI»*

E-mail: *soldatovaalena@yandex.ru*

GATAULLIN A., *the master's student of the faculty of law, the University of Management «TISBI»*

Abstract

The article deals with the certain issues of the differentiation of subjects of competence and powers between the Russian Federation and its subjects in the field of legal regulation of migration. The authors analyze the experience of implementing the state's migration policy on the example of the Republic of Tatarstan, and consider the role and importance of involving the civil society institutions in this type of activity.

Key words: *migration, migration policy, differentiation of subjects of competence and powers, civil society institutions.*

THE TOPICAL ISSUES OF THE FORMATION OF PROFESSIONAL STANDARDS IN THE FIELD OF JURISPRUDENCE IN THE CONDITIONS OF COMPETENCE-ORIENTED EDUCATION

ILIDZHEV A., *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law, the Faculty of Law Institution, the University of Management «TISBI»*

Tel.: 8(917)854-52-22

E-mail: *ilidsasha@yandex.ru*

Abstract

The article is devoted to the study of development of the education system in law schools. The prospects for the formation of professional standards for various positions in the legal field and their relationship with federal state educational standards are analyzed. The need for the formation of digital competence of students and cadets in legal universities is substantiated.

Key words: *professional standard, competence, labor function, digitalization.*

SELF-DEFENSE IN THE INTERNATIONAL CRIMINAL PROCESS

IVANOV V., *Researcher in International and European Law, the University of Management «TISBI»*

Abstract

The article discusses legal problems associated with self-defending in international criminal proceedings. What approach should be taken when regulating self-defense? The issue of the court's participation in solving the issue of self-defense in international criminal proceedings is also raised. A variety of damage to the equal rights of the parties, the provision of protection and justice, the adoption of peremptory decisions and the actions of the tribunals to prohibit self-defense or to provide a free defense lawyer.

Key words: *International courts and tribunals, International Criminal Court, punishment in international criminal law, International Tribunal for the Former Yugoslavia, International Tribunal for Rwanda, defense in international criminal procedure.*

UNESCO: EDUCATION, SCIENCE, CULTURE

THE VARIOUS FORMS OF COGNITIVE ACTIVITY (FOR THE POST-GRADUATE STUDENTS)

BESSONOVA L., *Professor, Doctor of Philosophy, the University of Management «TISBI»*

Tel.: 8(917)854-21-67

Abstract

The cognitive activity is a very ancient form of spiritual activity and includes not only scientific forms such as experience or rationalization, but and intuition, contemplation as well.

Key words: *practical knowledge, common sense, play, mythology, the art knowledge, non-scientific knowledge (para-science).*

UNIVERSAL COMPETENCIES OF A PROFESSIONAL: A NEW LOOK AT THE PROBLEM

BOBIENKO O., *candidate of Pedagogical Sciences, the University of Management «TISBI»*

E-mail: olesia-tisbi@rambler.ru

Abstract

The article presents an overview of publications and an analytical evidence of the trend of transformation of the status of universal (general) competencies of professionals in a transitional society, characterized by the properties of uncertainty, unpredictability, multitasking of economic and social development. The characteristics of the total human capital, which includes developed abilities for adaptation and pre-adaptation in a changing world, are considered.

The author proves that the most important quality of a new type of a professional is his adaptability, the main parameters of which are set by the system of personal self-management. The expediency of developing the self-management ability of future specialists is determined by the fact that it is possible to compensate the deficiency of other external and internal resources of a professional. The synergistic effect of the formation of universal competencies is determined by their ability to strengthen the special professional competencies of the subject of activity.

Key words: *adaptability, uncertainty, self-management, specialist, universal competencies, human capital.*

THE CALCULATION OF ECONOMIC EFFICIENCY OF USING AN IT SYSTEM FOR CHECKING HOMEWORK

FEDOROVA O., *candidate of pedagogical Sciences, associate Professor, the Department of IT technologies, the University of Management «TISBI»*

E-mail: fiodorova_olga@rambler.ru

GAINULOVA L., *candidate of pedagogical Sciences, associate Professor, the Department of Natural Sciences, service and tourism,*

Kazan cooperative Institute, the Russian University of Cooperation

E-mail: lagainulova@bk.ru

Abstract

One of the main tasks currently facing the education system is to create conditions for new generations to enter the open information society, support the widespread use of information technologies, computerization of educational institutions and the creation of a unified information environment for education. The economic feasibility of developing and implementing software is determined by the economic effect that will be obtained by manufacturers when they are implemented and by consumers when they are used. Based on the expected economic effect, a decision is made on the feasibility of investment in the development of a particular software product.

Key words: *cost-effectiveness, information system for checking homework, e-learning.*

DESIGN, DEVELOPMENT AND APPLICATION OF TRAINING SIMULATION PROGRAMS FOR TRAINING IT SPECIALISTS

KOZIN A., *Candidate of Engineering Sciences, Associate Professor, Department of Information Technology, the University of Management «TISBI»*

TARENKO L., *Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor, Department of information technologies, the University of Management «TISBI»*

Abstract

The article is devoted to the problems of training simulators and the questions of their implementation in the educational process in training future IT specialists. The general principles of design and development of training programs are considered, examples of the developed versions with the possibility of supporting three modes are presented: demo mode, self-test mode and control. The academic disciplines and individual topics on which their software implementation is performed are given. The effectiveness of the use of training programs in the development of complex theoretical material and the formation of practical skills is shown. The results of practical testing in the educational process during the preparation of students of information-oriented areas of training are presented.

Key words: *design and development, training of IT-specialists, training programs, implementation software.*

THE USE OF ZOOM PLATFORM WHEN TEACHING A FOREIGN LANGUAGE AT A UNIVERSITY: ADVANTAGES AND SHORTFALLS

SADYKOVA G., *PhD, Philology Chair, the University of Management «TISBI»*

E-mail: guzsad@mail.ru

Abstract

The article discusses the advantages and shortfalls of training a foreign language via ZOOM platform. The author concludes that Internet resources should not be the only means of communication of a student and a lecturer. A well-designed program should offer the student several ways of obtaining the information. For all forms of training, the key in it is the personality of the lecturer as the author and creator of the course. It is necessary to unify each online course, maximizing the proportion of auto-testing and test materials.

Key words: *university education, foreign language, distance learning, contact work with a lecturer, distance learning technologies.*

THE PROBLEMS OF SOCIALIZATION OF PRESCHOOL CHILDREN IN CONDITIONS OF DIGITALIZATION OF THE SOCIETY

CHUKMAROVA L., *associate professor, Pedagogy and psychology Chair,
the University of Management «TISBI»*

E-mail: *lux61@yandex.ru*

Abstract

The article is devoted to one of the most relevant, socially significant topics at the intersection of social and educational psychology. The importance of various social institutions for the comprehensive development of the preschool child's personality is emphasized. In the article the author reveals the specifics of ideas about the socialization of preschool children through the activity principle. Special attention is paid to the principles of digital socialization at the present stage, the problems of socialization in the current situation of global digitalization. The problem of digital socialization of the younger generation in order to assimilate the norms and values accepted in society; development of communication and interaction of the child with adults and peers; formation of readiness for joint activities with peers, etc.

Key word: *socialization, preschoolers, digital socialization, norms and values, society, development, communication interaction, adults, peers.*

УСЛОВИЯ ПОДАЧИ МАТЕРИАЛОВ В ЖУРНАЛ

1. Для издания принимаются ранее не опубликованные авторские материалы – научные (практические) статьи, обзоры (обзорные статьи), рецензии, соответствующие тематике научно-информационного журнала «Вестник «ТИСБИ».

2. Основные требования к содержанию авторских материалов (научная статья, обзор, рецензия на монографию, учебник, рецензия на научную статью).

Научная (практическая) статья. Во вводной части должны быть обоснованы актуальность и целесообразность разработки темы (научной проблемы или задачи). В основной части статьи путем анализа и синтеза информации необходимо раскрыть исследуемые проблемы, пути их решения, обоснования возможных результатов, их достоверность. В заключительной части – подвести итог, сформулировать выводы, рекомендации, указать возможные направления дальнейших исследований.

Обзор (обзорная статья). В обзоре должны быть проанализированы, сопоставлены и выявлены наиболее важные и перспективные направления развития науки (практики), ее отдельных видов деятельности, явлений, событий и пр. Материал должен носить проблемный характер, демонстрировать противоречивые взгляды на развитие научных (практических) знаний, содержать выводы, обобщения, сводные данные.

Рецензия на монографию, учебник – анализ, критический разбор, оценка научного произведения (кроме диссертационных исследований) в жанре газетно-журнальной публицистики. Заглавие рецензии допускается заменять библиографическим описанием рецензируемого произведения. Библиографическое описание оформляется согласно ГОСТ 7.1–2003.

Рецензия на научную статью – отзыв на научную работу перед ее публикацией. Рецензия, которая направляется в научно-информационный журнал «Вестник «ТИСБИ» почтой, электронной почтой (в сканированном виде), по факсу или лично, должна раскрывать актуальность, значимость, научно-теоретическую методологическую и практическую ценность статьи, содержать оценку, характеристику работы, выводы.

2.1. Оформление авторских материалов

В редакцию журнала УВО «Университет управления «ТИСБИ» следует направлять авторские материалы, включающие следующие элементы: индекс УДК (Универсальной десятичной классификации), заглавие публикуемого материала, сведения об авторах, аннотацию, ключевые слова, текст публикуемого материала, список литературы.

Заглавие публикуемого материала, сведения об авторах, аннотацию, ключевые слова и список литературы для публикации в научно-информационном журнале «Вестник «ТИСБИ» необходимо представлять в редакцию журнала УВО «Университет управления «ТИСБИ» на русском и английском языках.

Материалы, направляемые в издание, должны иметь рецензию доктора или кандидата наук (для аспиранта и соискателя ученой степени – кандидата экономических наук, для доктранта и соискателя ученой степени доктора наук – доктора наук) согласно положению о рецензировании.

Объем авторского оригинала не должен превышать 0,5 авторского листа (20 тыс. знаков с пробелами), или 10 машинописных (компьютерных) страниц формата А4, напечатанных через 1,5 интервала; шрифт Times New Roman размером (кеглем) – 14.

Примечание. При последующей публикации материалов в других изданиях автор обязан сделать ссылку на первичную публикацию в Научно-информационном журнале «Вестник «ТИСБИ» (название журнала, номер, год).

2.1.1. Заглавие должно быть кратким и отражать суть тематического содержания материала. После заглавия необходимо указать сведения об авторах, составителях и других лицах, которые участвовали в работе над рукописью.

2.1.2. Сведения об авторах включают следующие элементы:

- инициалы и фамилию автора;
- ученую степень, ученое звание;
- должность или профессию;
- место работы, учебы (наименование учреждения или организации, населенного пункта), включая подразделение (кафедра, факультет);
- контактную информацию (E-mail или другую контактную информацию для указания в журнале и на сайте издательства);
- наименование страны (для иностранных авторов). Имя автора приводится в именительном падеже. В коллективных работах имена авторов приводятся в принятой ими последовательности.

2.1.3. Аннотацию оформляют согласно ГОСТ 7.9-95, ГОСТ Р 7.0.4-2006, ГОСТ 7.5-98 объемом не более 500 печатных знаков. Ее помещают после сведений об авторах рукописи.

2.1.4. Ключевые слова выбирают из текста материала (кроме передовых статей, докладов, тезисов докладов, научных сообщений, писем в редакцию) и помещают отдельной строкой после аннотации перед текстом публикуемой рукописи. Ключевые слова приводятся в именительном падеже.

2.1.5. Список литературы. Библиографическая часть аппарата статьи должна быть представлена библиографическими ссылками (ГОСТ 7.05-2008) и библиографическими списками в конце материала (раздел «Список литературы»). При этом автор отвечает за достоверность сведений, точность цитирования и ссылок на официальные документы и другие источники. Иностранное написание слов приводится в скобках, кроме ссылок на литературу.

3. Материалы направляются по e-mail (электронной почте) esabirzyanova@tisbi.ru в редакцию журнала УВО «Университет управления «ТИСБИ»» техническому секретарю журнала Сабирзяновой Эльмире Мансуровне.

4. Статьи, направленные в редакцию журнала УВО «Университет управления «ТИСБИ»» без выполнения требований настоящих условий публикации, не рассматриваются.

5. В случае отклонения статьи научно-исследовательская часть УВО «Университет управления «ТИСБИ»» направляет автору мотивированный отказ.

Примечание. По всем вопросам публикации и работы редакции журнала обращаться к главному редактору – доктору экономических наук, профессору УВО «Университет управления «ТИСБИ»» Ельшину Леониду Алексеевичу (e-mail: Leonid.Elshin@tatar.ru; тел.: 8(843)294-83-33) и техническому секретарю журнала – Сабирзяновой Эльмире Мансуровне (esabirzyanova@tisbi.ru; тел.: 8(917)237-16-95).

Приглашаем всех к сотрудничеству!

Подписано в печать 27.10.20 Печать ризографическая
Формат бумаги 70х100/16 Гарнитура Arial Усл.-п.л. 13,2
Тираж 100 экз. Заказ № 108
Цена свободная

Издательский центр Университета управления «ТИСБИ»
(лицензия № 0272 от 23.08.1999 г.)
420012, г. Казань, ул. Муштары, 13